

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ**

THE NEW HISTORICAL BULLETIN

**№2⁽³⁶⁾
2013**

Москва 2013

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ**

Журнал основан в 2000 г.

ОСНОВАТЕЛИ И ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ

**Сергей Сергеевич Ипполитов
Сергей Владимирович Карпенко**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**А.Б. Безбородов, В.П. Булдаков, О.Г. Буховец, В. Голдман,
Л.Е. Горизонтов, В.И. Дурновцев, Е.Н. Евсева, Н.Т. Ерегина,
Г.З. Иоффе, А.А. Киличенков, Т.Ю. Красовицкая, А.В. Костров,
А.В. Крушельницкий, Н.Г. Кулинич, В.В. Минаев, А.М. Пашков,
В.Н. Пискун, В.А. Поляков, А.С. Сенин, А.А. Симонов, В.Л. Успенский
О.В. Хлевнюк, Т.И. Хорхордина, В.Ж. Цветков, П.П. Шкаренков**

Обложка А. Надточенко

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
125267, Москва, Миусская пл., 6
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

© Новый исторический вестник, 2013
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2013

**RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES
INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES**

The Journal is founded in 2000

FOUNDERS AND EDITORS-IN-CHIEF

**Sergey S. Ippolitov
Sergey V. Karpenko**

EDITORIAL BOARD

**A. Bezborodov, O. Bukhovets, V. Buldakov, V. Durnovtsev,
N. Eregina, E. Evseeva, W. Goldman, L. Gorizontov, G. Ioffe, O. Khlevnyuk,
T. Khorkhordina, A. Kilichenkov, A. Kostrov, T. Krasovitskaya,
A. Krushelnitskiy, N. Kulinich, V. Minaev, A. Pashkov, V. Piskun,
V. Polyakov, A. Senin, P. Shkarenkov, A. Simonov, V. Tsvetkov, V. Uspensky**

Cover Designer A. Nadtochenko

Quarterly journal

Address:

6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125267

E-mail: nivestnik@yandex.ru

Web-site: www.nivestnik.ru

© by Novyi Istoricheskii Vestnik, 2013

© by Russian State University
for the Humanities, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Дурновцев В.И.</i> Время, пространство, события в жизни и творчестве историка: вспоминая В.А. Муравьева	6
<i>Безбородов А.Б.</i> Из прошлого и настоящего Историко-архивного института: архивоведы и их учебники	33
<i>Пивовар Е.И., Гуцин А.В., Левченков А.С.</i> Интеграция на постсоветском пространстве: новый век – новые горизонты изучения	43

Сообщения

<i>Ревин И.А.</i> Крестьянская Россия и Вторая русская смута: научный проект «Народ и власть» в отечественной историографии революционных кризисов	56
<i>Карпенко С.В.</i> Государственность Белого движения: из истории изучения	67
<i>Ланской Г.Н.</i> «Труды Историко-архивного института» как историографический источник	80

Историческая наука в ε-измерении

<i>Тихонов В.В.</i> Российская историческая наука и индексы научного цитирования	89
---	----

У книжной полки

<i>Каиль М.В.</i> Святость в православии XX в.: персонификация и канонизационная практика православных церквей	107
<i>Сазонова Т.К.</i> Из истории изучения административно-территориального деления Советской России	116
Содержание, авторы, аннотации	124
Contents, Authors, Abstracts	130

CONTENTS

Articles

- V. Durnovtsev* Time, Space and Events in the Life and Work
of a Historian: Reminiscences about V.A. Muravyev 6
- A. Bezborodov* From the Past and Present of Moscow State Institute
for History and Archives: Archivists and Their Textbooks 33
- E. Pivovar, A. Gushchin, A. Levchenkov* Integration
in Post-Soviet Space: New Age – New Horizons for Research 43

Comments

- I. Revin* Peasant Russia and the Second Russian Smuta:
Research Project “People and Power” in the National
Historiography of Revolutionary Crises 56
- S. Karpenko* The White Movement Statehood:
From the History of Research 67
- G. Lanskoj* “Studies of Institute for History
and Archives” as a Historiographical Source 80

Historical Science in the ϵ -Dimension

- V. Tikhonov* Russian Historical Science and Science Citation Indexes 89

Book Reviews

- M. Kail* Sanctity in Orthodoxy of the XX Century: Personification
and Canonization Practice of the Russian Orthodox Churches 107
- T. Sazonova* From the History of Studying the
Administrative-Territorial Division of the Soviet Russia 116
- Contents, Authors, Abstracts 130

СТАТЬИ

В.И. Дурновцев

ВРЕМЯ, ПРОСТРАНСТВО, СОБЫТИЯ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ИСТОРИКА: ВСПОМИНАЯ В.А. МУРАВЬЕВА

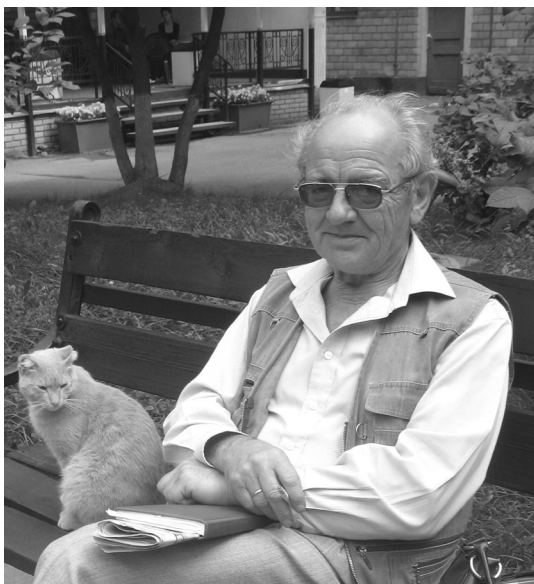
25 октября 2009 г. ушел из жизни видный российский историк, доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин (в настоящее время – Высшая школа источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин) Историко-архивного института РГГУ, заслуженный профессор РГГУ Виктор Александрович Муравьев. В научном сообществе историков с горечью восприняли кончину Виктора Александровича¹. В октябре 2010 г. в Историко-архивном институте РГГУ прошли историографические чтения его памяти, по итогам которых подготовлен сборник статей. В январе 2011 г. состоялась XXIII научная конференция кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин «Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве», посвященная 70-летию со дня рождения ученого.

Эти заметки не претендуют на исчерпывающий анализ научного наследия и педагогической деятельности яркого российского историка и преподавателя, каким был и останется в памяти его друзей, коллег и учеников Виктор Александрович Муравьев. Их задача иная и куда более скромная – соотнести воспоминания всех, кто знал В.А. как ученого и человека с основными этапами его жизненной и творческой судьбы и способствовать переизданию самых ценных и очевидно значимых в настоящем и ближайшем будущем отечественной науки истории его работ. В.А жил и работал в годы, хотим мы этого или нет, предопределившие, что многое из написанного тогда неизбежно покроется патиной времени. Но даже эти, слишком явно принадлежащие прошлому, работы, представляют теперь, по прошествии десятилетий, определенную значимость и уж, во всяком случае, являются составным и неизбежным фрагментом истории национальной историографии в XX в. В другие времена жизнь ученого могла сложиться иначе, как и творчество. Людей – единомышленников, верных и настоящих друзей – найти, выбрать можно. Чтобы не разочаровываться в них, а через них и в себе. Но времена не выбирают...

«Сороковые, роковые»

Родившегося за несколько месяцев до начала войны (17 января 1941 г.), Виктора Александровича Муравьева напрямую не коснулись «свинцовые, пороховые». Но в его служебной автобиографии, написанной при поступлении на работу в МГИАИ в 1968 г., неявно содержится некоторое указание, что именно, наряду со многими другими обстоятельствами, предопределило выбор профессии – война и отец на войне. Александр Григорьевич охотно делился с сыном, находя в нем внимательного и благодарного слушателя, воспоминаниями о войне, они не только запечатлелись в памяти подростка, но осовременивали и оживляли прошлое. История войны становилась неотделимой от действительности, а то и другое воплощалось в отце, первом наставнике будущего историка. Спустя много лет, В.А., перебирая в памяти отцовские военные рассказы и делясь с ними с друзьями, едва ли не готов был выступить и сам в роли мемуариста, замещающего отца – такой яркий след оставили его свидетельства, навсегда врезались в детскую память, стали частью формирующегося мировоззрения. Через минувшую войну стал пробуждаться интерес к истории.

В общем, В.А. мог бы стать историком Второй мировой, Великой Отечественной. В дальнейшем он блестяще ориентировался в проблематике войны и ее историографии². А одной из последних работ В.А. стал отзыв на книги выпускника Историко-архивного института С.И. Садовникова, посвященные поиску незахороненных останков воинов, предании их земле и восстановлению имен погибших, деятельности историко-архивного поискового центра «Судьба», методам полевых поисковых работ. Два края жизненной канвы В.А. соединились в таких строках: «Исторические науки и дисциплины, источниковедение, историография заняты изначально благородным делом – поиском, восстановлением, введением в культуру современности деяний

людей прошлого, определением нашего отношения к ним. Мы можем забыть или постесняться включить эту простую формулу в современные постмодернистские суждения об объекте и смысле изучения истории, но это не значит, что этот смысл изучения прошлого исчезает. Но какие же слова надо найти, чтобы определить то, что делает автор этих книг? Он восстанавливает не деяния людей, известных истории, не забытых тем самым потомками, но имена людей, либо, казалось, бесследно исчезнувших, забытых всеми, кроме уходящих из жизни последних близких родственников, либо имена, оторванные от их когда-то живых носителей, воинов, превращенные в абстракцию штабных документов... Он связывает эти имена с незахороненными останками воинов... передает эти останки Земле, а имена делает известными... И люди, вычеркнутые даже из прошлого, это прошлое – свою современность – обретают»³.

Но задолго до того, как В.А. стал размышлять об истории как людях во времени и ее постмодернистской парадигме, пришла

«Оттепель».

На исходе лета 1958 г. порог Московского государственного историко-архивного института переступил невысокий черноволосый юноша, почти подросток. По всем признакам, а основным были шаровары, не москвич. Тогда, конечно, юный костромич не мог представить, что своим выбором места обучения и избранной профессией на более чем полвека, до самой своей кончины, определит судьбу, что ему суждено сыграть важную и, может быть, пока должным образом не осмысленную и оцененную роль в истории такого феномена в отечественной науке и образовании, каким был МГИАИ и остается ИАИ РГГУ.

О студенческих годах В.А. вспоминает Т.Г. Архипова: «На курсе было около ста человек, он учился в другой группе, в ней было много студентов – не москвичей (к ним относился и он), им была свойственна какая-то обособленность и в то же время сплоченность. Они были дружны и по прошествии многих лет остаются тем костяком курса, который периодически собирает нас на очередную встречу. Был он с Волги, какое-то время немного окал, потом перестал. Его отец, как и мой отчим, был военным, и впоследствии это обстоятельство дало нам один из сюжетов для общения. Он любил рассказывать об отце.

С моей точки зрения, ничем особенным среди ребят он не выделялся. На курсе молодых людей было больше, чем сейчас, и многие из них прекрасно учились. Витя был в их числе. Вообще, в истории факультета архивного дела наш курс знаменит тем, что чуть ли не половина его выпускников стали кандидатами и докторами наук. Помню, сдав экзамен, выходит Витя из аудитории своей знаменитой походкой (вразвалочку, вращая верхнюю

часть торса, выставляя по очереди вперед то одно плечо, то другое). Мы бросаемся к нему: “Ну, как?” А он неизменно, несколько небрежно, отвечает: “Конечно, отлично”. Тогда он казался мне несколько заносчивым⁴.

В.А. принадлежал к поколению советских и российских историков, которые развивались духовно, формировали историческое мировоззрение, приобретали профессиональные навыки в годы «Оттепели». Что и говорить, идейные, научные, образовательные условия во второй половине 1950-х гг. были несопоставимы с лютыми зимами, вопреки всякой природе и календарю, предшествующих годов. Прошел XX съезд КПСС, который, как вскоре оказалось, не только не смог преодолеть в политике, идеологии, культуре, массовом сознании страшное наследие сталинизма, но, больше того, на долгие три десятилетия породил двусмысленную и двойственную психологию миллионов людей, причудливо и странно сочетавших в своем облике черты очевидного конформизма и глубочайшего внутреннего несогласия, молчаливого сопротивления существующему порядку вещей. На обоих полюсах этой коллективной психологии были и те, кто сознательно выбрал путь безоговорочного согласия («все действительное – разумно, и все разумное – действительно»), и те, кто очень скоро встал у истоков диссидентского движения. Большинство все же оказалось там, где оно оказалось.

Но это в масштабе страны. А в ее бесчисленных микромирах мог быть и свой отсчет времени, и свои ценности, и свои герои. Для МГИАИ 1940–1950-е гг. – это время А.И. Андреева, В.К. Лукомского, А.А. Новосельского, Л.В. Черепнина, В.К. Яцунского... Это время высочайшего авторитета в научных кругах кафедры вспомогательных исторических дисциплин.

Трудно, невозможно представить, как сложилась бы дальнейшая биография В.А., если бы не Кружок (именно так – с заглавной буквы) источниковедения на кафедре вспомогательных исторических дисциплин и его руководитель С.О. Шмидт.

Печальная весть об уходе из жизни 22 мая 2013 г. Сигурда Оттовича Шмидта, выдающегося советского и российского историка, талантливого педагога, обладавшего удивительным и неподражаемым даром творческого и человеческого общения с молодежью, яркого просветителя, беззаветно преданного идеалам служения науки и людям, пожелавшим осознать свое место и призвание в пространстве научной истории, горестно воспринят всеми, кто его знал, бесконечно уважал, почитал и любил. Поразительный, до конца, быть может, не проясненный, не изученный, а тем более не освоенный, «феномен Шмидта» впервые отчетливо проявился именно в руководстве легендарным Кружком.

О Кружке написано много, точно, хорошо⁵. Писал о нем и В.А., староста Кружка после Ю.Я. Рыбакова, Е.Б. Рашковского, В.С. Мингалева.

Его заметки о Кружке по большей части хроникальны, насыщены информацией, в которой, как теперь известно, что ни фамилия, то имя, что ни доклад или дискуссия, то заметный историографический факт⁶.

Вряд ли ошибемся, если скажем, что никогда в дальнейшем В.А. не было так духовно, интеллектуально и по-человечески комфортно, как в Кружке. Рядом с С.О. Шмидтом, А.А. Зиминим, С.М. Каштановым... С не одним десятком верных товарищей. Кружок был братством. Содружеством единомышленников. Что-то в нем было если не от легендарного Лицея, то наверняка от неповторимого ИФЛИ в Москве. Впрочем, у Кружка источниковедения было свое, ни на что не похожее, очень умное и красивое лицо. Е.Б. Рашковский, учившийся примерно в те же годы (1959–1964 гг.), что и В.А. вспоминает: «В те годы еще держались в последних своих представителях традиции старой русской интеллигентной образованности, а также традиции того преклонения перед знанием, того доверия к знанию, которые были характерны для первых пореволюционных лет и которые были во многом мистифицированы и обесценены тремя десятилетиями сталинской диктатуры. Это были годы общественного подъема, вызванного XX съездом, концом всевластия ГУЛАГа, тенденциями более либерального отношения к культурной сфере, нежели в предшествующие годы»⁷.

Инициатором выбора первой строго научной темы исследования, а она была посвящена Н.П. Павлову-Сильванскому, был С.О. Шмидт, обративший внимание В.А. на опыт изучения С.Н. Валком архива автора «Феодализма в Древней Руси» и «Феодализма в удельной Руси»⁸. В.А. было предложено для начала подготовить обзор материалов Н.П. Павлова-Сильванского в ленинградских архивах.

Существенную роль в выборе В.А. темы сыграли и другие факторы: возросший в 1960-е гг. интерес исследователей к историографической проблематике, занятия в семинаре по источниковедению и историографии, объявленном С.О. Шмидтом, немедленно откликнувшимся на новые тенденции в развитии исторической науки, даже едва заметные на первых порах.

Первая опубликованная статья⁹, затем дипломная работа дали толчок разработке В.А. темы, к которой он будет обращаться часто и охотно – история научного освоения проблемы феодализма в России¹⁰. Потом В.А. продолжил архивные изыскания. В разные годы он опубликовал лекционные курсы Н.П. Павлова-Сильванского в высших вольных учебных заведениях С.-Петербурга, две лекции историка в годы Первой российской революции¹¹. Позднее С.О. Шмидт отметит пионерскую роль В.А. в общей разработке темы «Н.П. Павлов-Сильванский» и особенно ее источниковедческом оснащении¹².

Трудно найти более представительную фигуру для изучения проблемы феодализма в русской историографии, чем Н.П. Павлов-Сильванский. Разумеется, это могла быть тема кандидатского и даже докторского исследования.

Но после окончания института В.А. по понятным для того времени причинам не был оставлен в институте «для приуготовления к профессорскому званию»: только обязательные два года работы по распределению открывали путь в аспирантуру. Нет худа без добра. В.А. проходит решительно необходимую для историка-архивиста практическую работу. Он – старший научный сотрудник Архивного отдела при Совете министров Башкирской АССР (1963–1965 гг.) и короткое время старший научный сотрудник Костромского областного государственного архива.

С 1965 г. В.А. – аспирант. С декабря 1968 г. – преподаватель кафедры истории СССР досоветского периода (в настоящее время – кафедра истории России Средневековья и раннего Нового времени). У него – новый научный руководитель, Владимир Евгеньевич Иллерицкий (но «старый» всегда рядом; в анкете для известного биобиблиографического словаря «Истории России XX века» В.А. на вопрос об учителях отвечает: С.О. Шмидт и В.Е. Иллерицкий), новая, но, в сущности, старая, тема кандидатской диссертации. Теперь она сформулирована как «Теории феодализма в русской историографии конца XIX – начала XX вв.» и дополнена именами Б.И. Сыромятникова (не без влияния доцента кафедры И.А. Кудрявцева, предоставившего подаренную ему в свое время Б.А. Сыромятниковым, не увидевшую свет, первую часть диссертации «Происхождение феодальных отношений в Древней Руси» под названием «Традиционная теория русского исторического развития»¹³, М.Н. Покровского и М.С. Ольминского.

В 1970 г. В.А. успешно защищает кандидатскую диссертацию. Его оппоненты – А.А. Зимин и В.Б. Кобрин.

По сути, исследование В.А. выходит за пределы персонифицированной и хронологической характеристик теорий феодализма. Анализ взглядов Н.П. Павлова-Сильванского, Б.И. Сыромятникова, М.Н. Покровского и М.С. Ольминского предвзрается первой главой – «Вопрос о феодализме в русской историографии до начала XX века».

В диссертации рассыпаны, как бы невзначай, мысли о передовых представителях «буржуазной» (читай: русской) исторической науки, таких, как Н.П. Павлов-Сильванский, о «тонких» противниках марксизма. Так называемая историография эпохи империализма предстает не чем иным как русской исторической наукой в начале XX в.

Показательно и то, что контрапунктом истории изучения в России вопроса о феодализме является именно творчество Н.П. Павлова-Сильванского, меньше Б.И. Сыромятникова и в самом общем виде – М.Н. Покровского и М.С. Ольминского.

Статьи С.О. Шмидта и С.В. Чиркова и примечания последнего к известной публикации наследия Н.П. Павлова-Сильванского в серии «Памятники исторической мысли» хорошо показывают, что сделал В.А. в изучении творчества выдающегося историка начала XX в.¹⁴.

Главной задачей своего диссертационного исследования В.А. считал анализ причин и сущности постановки вопроса о феодализме в России, содержания концепций феодализма в творчестве тех исследователей, которые внесли в конце XIX – начале XX вв. наибольший вклад в разработку и распространение этого взгляда»¹⁵. Что касается истории изучения вопроса, то «снят лишь первый пласт историографических фактов, наиболее доступный для изучения – книги и наиболее известные статьи историков этого периода. “Лаборатория” историков, дискуссии, споры, их реальная подоплека, методология и методика исследований историков конца XIX – начала XX вв. еще слабо затронуты изучением»¹⁶.

Каков же «сухой остаток» анализа В.А. проблемы феодализма в России с конца XVIII и до начала XX вв.? Речь идет о результатах, которые сохраняют свое научно-историографическое значение и спустя 40 лет после того, как ним пришел исследователь.

В частности, В.А. показал и доказал, что сама постановка вопроса во всех случаях была вызвана мотивами определения места России во всеевропейской истории, общности развития национального и всемирно-исторического. Понятие и содержание феодализма долгое время применялось для объяснения происхождения и политической истории «удельного периода». «Феодализм как политическая система противопоставлялся “единодержавию” и абсолютизму и находил всеобщее порицание». В первые десятилетия XIX в. проблема феодализма, с одной стороны, была связана с убеждением в общности исторических путей России и Европы, а значит с надеждами на либеральные преобразования, с другой – отрицания какого бы то ни было сходства процессов образования государства, форм земельной собственности, отношений «народа» и «правительства», существования противостоящих общественных групп, наличия городской жизни в Древней Руси. Государственная школа в русской историографии не исключала факт зарождения феодальных отношений по типу с европейским, но личные феодальные отношения, считали ее представители, не переросли в классические феодальные помещельные отношения.

Предпосылками возвращения русской историографии к вопросу о феодальных отношениях являлись усиление революционного и общественного движения, тотальное увлечение методологией «экономического материализма», общее состояние исторической науки в России и на Западе, связанное с распространением позитивистской методологии, введение в научный оборот актовых источников, писцовых, кабальных и других книг, изучение русской общины, землевладения, вотчинной организации, иммунитета. С именем Н.П. Павлова-Сильванского связан важный шаг в изучении феодализма в России. «Он полагал, что периоду натурального хозяйства соответствует общинная организация управления, первой стадии накопления капиталов в вотчинах и городах еще на основе

натурального хозяйства – феодализм, денежному хозяйству – “автократия”, капитализму – “гражданский строй”. Однако Н.П. Павлов-Сильванский не обратил должного внимания на «основное отношение феодала и феодально-зависимого крестьянина»¹⁷.

Что касается концепции Б.И. Сыромятникова в части ее, касающейся феодальных отношений на Руси, то стадии феодализма тот рассматривал как закономерный период существования натурально-хозяйственной формы государства, как такую социально-политическую организацию, когда земля является основной хозяйственной и политической ценностью, определяющей все общественные отношения (*Тихонов В.В.* В.А. Муравьев как исследователь теорий русского феодализма в отечественной историографии: Доклад на Историографических чтениях памяти В.А. Муравьева, 30 октября 2010 г.; подготовлен к печати).

Показателен основной вывод В.А. из изучения представлений о феодализме М.Н. Покровского и М.С. Ольминского. Тут важно не столько заявление, что эта проблема ставилась в непосредственное отношение к их стремлению рассматривать историю России с классовой точки зрения, сколько весьма аккуратное, но, тем не менее, недвусмысленное замечание о том, что эти марксистски ориентированные историки «делали значительные уступки... по ряду конкретно-исторических вопросов» другим специалистам в русской исторической науке¹⁸.

Спустя без малого 20 лет в серии «Памятники исторической мысли» увидели свет два знаменитых исследования Н.П. Павлова-Сильванского – «Феодализм в Древней Руси» и «Феодализм в удельной Руси». Рецензентами издания были С.М. Каштанов и В.А. Муравьев.

Откат: время «черных полковников»

С конца 1960-х гг. наступает непростой и болезненный период в истории исторической науки. Отразился он и на МГИАИ.

Вынужден был оставить пост ректора талантливый историк и дипломат Л.А. Никифоров. Новый руководитель вуза, С.И. Мурашов, сталинист, историк КПСС, и по указанию сверху, и, так сказать, «по велению сердца» взял отчетливый курс на обеспечение «идеологической безупречности» и студентов, и профессорско-преподавательского состава. В результате институт покинули почти полтора десятка преподавателей. Одни ушли сами, как, например, профессор Е.В. Чистякова, ученица академика М.Н. Тихомирова. Блестящий знаток «бунташного» XVII в., народных движений, она обладала независимым и стойким характером и не смогла смириться ни с методами, ни с практикой «оздоровления» вуза и насаждавшейся «мурашовцами» концепции отечественной истории в духе слегка подправленного «Краткого курса ВКП(б)». Других «ушли». Их место заняли те, кого на кухнях звали не иначе, как «черные полковники», «в честь» Хунты, установившей в Греции военную диктатуру¹⁹.

Кафедра истории СССР досоветского периода, на которой работал В.А., никак не вписывалась в «новые условия» хотя бы потому, что она была «досоветской», а ее заведующий, В.Е. Иллерицкий, слыл либералом. Он и не мог быть другим в глазах нового руководства институтом и его «сопровождения»: историография «с Соловьевым да Милюковым» была неуместной в «идеологическом вузе», «такая историография нам не нужна», хотя, конечно, терпеть ее приходилось из-за министерского учебного плана. Не могли поколебать подозрительность «черных полковников» – кстати, среди них были и вполне «гражданские» – даже научные занятия Владимира Евгеньевича: история революционной исторической мысли. Опасения институтскую власть предрержащих были отчасти не напрасны: В.Е. Иллерицкий заканчивал первую, увидевшую свет в советские годы, работу о «буржуазном историке» С.М. Соловьеве²⁰.

«Профилактика» началась с невинного во всех отношениях методического пособия по историографии... для заочников. Закончилась она в общем ничем. Если не считать инфаркта Владимира Евгеньевича...

«Черные полковники» вознамерились пойти по стезе историографии и на скорую руку подготовили альтернативное учебное пособие по советской историографии. В.А. и автор этих заметок не отказали себе в удовольствии провести анализ этого опуса, свидетельствующий о вопиющей безграмотности и невежественности авторов, очевидной даже для ума, не слишком искушенного в историографической сфере.

В.А. был учеником С.О. Шмидта и В.Е. Иллерицкого, и этого было достаточно для подозрительного отношения к нему нового руководства. Иногда он сам давал основания для усиления сомнений в лояльности. Принципы повиновения и послушания в иерархии ценностей «черных полковников» стояли на одном из первых мест. Деятельная общественная натура В.А. в этих условиях не могла проявиться с должной силой и энергией. Она находила выход вне институтских стен. Впрочем, научные занятия и преподавание искупали все издержки работы в то не простое и для него время. А детали... они не портили общей картины и даже вносили в нее некоторую изюминку.

После защиты диссертации В.А., естественно, сосредоточивается как преподаватель и исследователь на историографической проблематике²¹. Проблемы преподавания отечественной истории исторической науки корреспондируются и увязываются с конкретной историографической практикой. Развиваются творческие связи с историографическими школами страны – Московским, Воронежским, Днепропетровским, Томским университетами, академическими институтами, научно-историческими журналами.

В эти годы он сближается с профессором исторического факультета МГУ А.М. Сахаровым (1923–1978). Предмет их общей заботы – развитие историографических исследований и повышение качества преподавания

историографии в высшей школе²². В.А. осваивает новый для себя жанр – рецензию. Его отклики на работы коллег, инициативные и по заказам редакций, свидетельствуют о тонком анализе, умеренной принципиальности, умении увидеть в рецензируемой работе, сборнике то ценное, что не заметили даже сами авторы или составители. Этот историографический жанр сопровождает все дальнейшее творчество В.А. Он вообще с удовольствием откликался на труды коллег. Новую удачную монографию он рассматривал как шаг в научном познании, который должен быть замечен, оценен и понят, а он, историк науки, должен выполнить свою работу. Сюда же примыкает, отнимающее много творческих сил и времени, официальное и неофициальное оппонирование кандидатских и докторских диссертаций. Добавим постоянно ведущийся им мониторинг научной жизни, многочисленные информации о конференциях, симпозиумах, научных заседаниях.

Так В.А. стал историком текущей историографии, собирателем постоянно пополняющихся историографических фактов. Не случаен, по-видимому, и был выбор в качестве доклада на популярных в свое время «Историографических средах» в Институте истории АН СССР темы «Рецензия как историографический факт». Позднее В.А. так сформулирует смысл работы историографа: до появления ученого, при нем, после него. Если расширить эти представления, так сказать, додумать за В.А., то это научная ситуация до выхода в свет той или иной монографии, публикации источников, серийного издания, изменившаяся научная ситуация после их выхода в свет и возможные перспективы развития научного направления, или изучения проблемы, или даже частного вопроса в дальнейшем. «Условный формуляр» научной историографической критики, выработанный В.А., в общем, ясен. При этом он отчетливо понимал, что реальная конкретно-историческая практика, масштаб деятельности отдельного ученого легко может опрокинуть схему, и легко отказывался от нее, когда было очевидно, что историографическое явление не укладывается в прокрустово ложе выработанного формуляра.

Осваивался им и жанр энциклопедических статей, свидетельство безусловной эрудиции и широкого кругозора автора. И, в сущности, осознаваемой им просветительской миссии. Если некоторые энциклопедические статьи носили частный и случайный характер, то другие требовали от автора сочетания ценнейших качеств: точности в передаче фактов, лаконичности, умения соединить воедино трудно сводимые точки зрения, то есть раскрыть энциклопедическую тему на уровне современной науки. Статьи В.А. в «Советской исторической энциклопедии», «Советском энциклопедическом словаре», энциклопедиях «Москва», «Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года» в полной мере отвечали этим требованиям.

В.А. много и охотно писал в соавторстве. Нередко в этих временных творческих содружествах его роль была первенствующей. В перечне его

соавторов – В.Е. Иллерицкий, А.И. Комиссаренко, О.М. Медушевская, А.Д. Степанский, Л.Н. Простоволосова, Л.В. Волков, М.П. Мохначева, Л.И. Демина, В.И. Дурновцев (коллеги из институтских кафедр), ученые из университетов и академических институтов (И.Д. Ковальченко, А.М. Сахаров, Ю.А. Мошков, В.П. Шерстобитов), коллеги из научно-педагогических центров (О.В. Волобуев, А.Г. Болебрух).

В 1970-е – середине 1980-х гг. В.А. много сил отдает анализу вышедших и разработке новой учебной литературы по историографии. После опубликования в 1971 г. «Историографии истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции» под редакцией В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева – учебника, в подготовке которого принимал участие и В.А., – начинается совместно с В.Е. Иллерицким работа над учебником по отечественной историографии «в эпоху социализма».

Историография отечественной истории в советский период – проблема, которой В.А. занимался увлеченно и добросовестно. Сейчас, в новую эпоху истории российской государственности, в принципиально иных условиях развития гуманитарного знания, другой историографической ситуации все, что сделал В.А. индивидуально или в составе авторских коллективов, как будто не востребовано ни исторической, ни социальной практикой. И сам В.А. в дальнейшем старался не напоминать (и он тут отнюдь не одинок), что являлся не только автором ряда глав упомянутого учебника под редакцией И.И. Минца, но, как известно, неявным соавтором абсолютного большинства текстов, его образующих.

А еще были учебное пособие в соавторстве с Л.В. Волковым²³, многочисленные статьи и доклады по этой проблематике.

Не надо торопиться в оценке этих работ, и в самом деле написанных в другую эпоху. Принципиально иной оценка советской исторической науки в деталях и в целом могла быть только за пределами СССР и «мирового социалистического лагеря». Что можно было сделать в тех условиях для издания учебника по советской историографии, было сделано. Заручились поддержкой И.И. Минца, собрали авторский коллектив, обеспечили хороший высокий уровень подачи материала (ведь учебник!), а главное, в той мере, в какой было возможно, изложили фактическую сторону истории исторической науки. Естественно, с «черными дырами», «белыми пятнами», «фигурами умолчания» и прочим. Это была вынужденная сделка, и так поступали многие. Это была цена, которую приходилось платить за то, чтобы остаться в профессии.

Не без сомнений приступает В.А. к работе над темой, разработка которой может привести к докторскому исследованию, – исторические взгляды большевиков: так сказать, неакадемические формы выражения исторической мысли, которые в тогдашних условиях явно претендовали на приоритет по сравнению с профессиональной историографией²⁴.

Отчетливая конъюнктурность тематики, относящейся к большевистской историографии, бросалась в глаза. Постепенно у В.А. зрела мысль о разработке другой большой проблемы – историография Первой российской революции (наиболее значимые опубликованные результаты проделанной В.А. работы в этом направлении – монография в соавторстве с О.В. Волобуевым, учебное пособие по историографии революции 1905–1907 годов и статья об истории революции в творчестве М.Н. Покровского²⁵). И параллельно – воздействие революционных событий на судьбы историков и в целом на русскую историческую науку. Конечно, она возникла под непосредственным изучением воздействия революции на проблематику и идейные позиции русских историков, при этом не только Н.П. Павлова-Сильванского, но и Б.И. Сыромятникова, М.Н. Покровского, П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, Ю.В. Готье, Е.В. Тарле, В.П. Волгина, Н.П. Лукина и других. Вывод В.А. в постановочной части проблемы однозначен: Первая российская революция явилась каналом, через который социальные противоречия России в наибольшей степени, непосредственно воздействовали на историческую науку, на общественную и профессиональную активность русских историков. Кризисные явления в отечественной историографии, присутствующие в ней и до 1905 г., в период революции быстро развивались, созревали и в своей совокупности вылились в состояние кризиса²⁶.

Впрочем, кризис исторической науки на рубеже XIX–XX вв. В.А. никогда не понимал в его упрощенном и даже примитивном истолковании (а таких суждений в литературе было сколько угодно) и в многочисленных дискуссиях той поры высказывался по этому поводу вполне определенно и недвусмысленно. Отправной точкой его рассуждений был тезис: кризис как момент развития. Кризис в условиях безусловного расцвета, зенита русской исторической науки, конкретно-исторической практики, «альпийских лугов» проблематики, растущего авторитета «русской исторической школы» на Западе, выхода на арену науки русской и всеобщей истории ученых, достижения которых в некоторых отношениях являются до сих пор непревзойденными (П.Г. Виноградов, М.М. Ковалевский, И.В. Лучицкий, Н.И. Кареев, Д.М. Петрушевский, М.И. Ростовцев, Е.В. Тарле...). Кризис как методологическая авторефлексия исторической науки, за которой стоял неустанный поиск новых идей.

После назначения в 1976 г. ректором МГИАИ Н.П. Красавченко²⁷ и последовавшей «демобилизации» «черных полковников» способности, знания, опыт В.А. okazались востребованными. Как полезен В.А. институту, как нужен институт ему, показало, в частности, празднование 50-летнего юбилея МГИАИ. Тогда впервые был издан сборник материалов к истории МГИАИ, где В.А. – член редколлегий и автор введения, совместно с Н.П. Красавченко и Д.М. Эпштейн²⁸.

Не дай вам Бог жить в эпоху перемен? Нет, дай вам Бог жить в эпоху перемен!

Вторая половина 1980-х гг. До четвертой в XX в. революции в России оставалось каких-то несколько тысяч дней и ночей.

Вскоре после прихода в МГИАИ нового ректора, Ю.Н. Афанасьева, В.А. назначен проректором по научной работе. В институте в рамках ставших широко известных чтений «Социальная память человечества» начались бурные дискуссии по вопросам национального прошлого, вышедшие по своему значению далеко за пределы академической науки, вызвавшие всеевропейский и даже мировой резонанс, и сыгравшие свою, не исключено, что строго отведенную им роль в дальнейшей судьбе советской цивилизации. Кто-кто, а В.А. знал о нерасторжимой связи революции и историографии. Теперь эту связь он увидел воочию.

Освещая ход конференции (в Тбилиси), посвященной юбилею Первой российской революции (1985 г.), одна из ведущих местных газет поместила статью с изложением доклада В.А., предпослав ей редакционный заголовок: «Революция, точка над которой еще поставлена». Она и самом деле оказалась многогочием...

В эти годы В.А. не только решительно поддержал, но и всемерно способствовал подготовке и реализации программ преподавания политической истории России, которая должна была заменить тотальную в системе высшего образования историю КПСС.

Потом была докторская диссертация, защищенная в 1987 г., в значительной мере написанная по лекалам «доперестроечной эпохи», но как и все, что выходило из-под пера В.А., выполненная профессионально и точно²⁹. Эмпирическая составляющая этого текста, а также теория «среднего уровня», представленная в этой работе, может сослужить хорошую службу для так давно ожидаемого спокойного и взвешенного изучения судьбы отечественной историографии в XX в.

Потом в коллективе МГИАИ велась напряженная работа над концепцией нового гуманитарного университета, и В.А. принял в ней деятельное и заинтересованное участие.

Потом была острая борьба за сохранение статуса Историко-архивного института.

Потом – остро пережитая и до конца не изжитая драма, в которой как будто не было виновных: события в административной карьере В.А., абсолютно понятные с точки зрения интересов большого дела, тысячного коллектива, но обидные и несправедливые по убеждению одного человека. Впрочем, не только В.А. испытал в те годы боль, разочарование и даже ощущение безнадежности своего существования. Из фильма «Никто не хотел умирать»: «Ты не знаешь, какая боль...» – «Не знаю».

Жизнь продолжалась. Больше того, жизнь, можно сказать, удалась. С 1990 г. В.А. становится заведующим кафедрой вспомогательных истори-

ческих дисциплин, которая вскоре по его инициативе и при единодушной поддержке коллег обретает и ко многому обязывающее название – кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Создавались уникальные возможности возрождения, если не самого Кружка источниковедения, то его духа, его традиций, обретения нового братства.

В личном деле В.А., хранящемся в архиве РГГУ, отложились отчеты о его работе в институте, в том числе и в должности руководителя кафедры. Изложим их с максимальным сокращением, сохраняя главное и напоминая, что, во-первых, сухая отчетная информация заведомо неполна и, как правило, не дает исчерпывающего представления об объеме, деталях и перипетиях жизни научно-педагогического коллектива и, во-вторых, это самооценка В.А. своей работы, а она, будем всегда помнить, начиналась не на пустом месте, и многое из того, что вошло в эти отчеты, возникло и развивалось в прошлые годы. И только те, кто был рядом с В.А., могут объяснить, каждый по-своему, разумеется, почему, едва достигнув рубежного для многих профессий возраста, но никак для историка, он, скажем так, освободил себя от обязанностей заведующего кафедрой «в связи с истечением второго срока полномочий».

Итак, в 1990–2002 гг., по словам В.А., был обновлен состав кафедры, которая стремилась, насколько это было возможно в условиях действующих принципов организации обучения и учебных планов, к «соответствию содержания и форм обучения студентов фундаментальным требованиям восстанавливающейся современности».

Созданы принципиально новые программы учебных дисциплин, а количество их росло: вещественное источниковедение, компаративное источниковедение, теория и методология истории, методология истории... Разработаны специализации «Памятники письменности Древней Руси» и «Памятники письменности средневековой Руси». Большая работа была проведена по учебно-методическому обеспечению читаемых курсов. Кафедра приняла деятельное участие в распространении преподавания «своих» дисциплин на других факультетах РГГУ.

Вошли в практику ежегодные научные конференции кафедры. Успешно развивались международные связи.

В 1994 г. Ученым советом РГГУ была одобрена концепция развития кафедры, в которой были определены основные направления ее учебно-методической и научно-исследовательской работы: теория и методология истории, методы исторического познания, источниковедение, вспомогательные науки истории; положительно оценена попытка определить место кафедры и ее дисциплин в системе гуманитарного познания, ее реальную роль как одного из центров источниковедения и вспомогательных наук истории в высшей школе России.

По гранту «Открытого общества» было подготовлено издание «Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института»³⁰.

В эти годы В.А. – весьма активен как ученый и преподаватель: он выступает с лекциями в России и за рубежом, организует и участвует в работе многочисленных университетских, российских и международных научных конференций, неизменно окружен студентами и аспирантами.

В новых условиях развития отечественной исторической науки В.А. – среди тех историков, кто решительно поддержал, конечно, известные им и прежде, новейшие методологические тенденции, которые раньше не могли быть реализованными в национальной научно-исторической практике. В.А. доказывает, что историческая наука занимает особое место в системе гуманитарных наук, отмечает беспрецедентные процессы, в ней происходящие, акцентируя внимание на антропологически ориентированной истории. В иерархии гуманитарного знания, в дистанции, отделяющей человеческий опыт от его познания, историческая наука оказывается к нему ближе всего по сравнению с другими сферами гуманитарного знания³¹.

При этом отдельные опыты осмысления им современных проблем и тенденций развития исторической науки, вспомогательных и специальных наук истории не лишены изящества. Вместе с тем они порой вторичны, как будто В.А. говорит чужим, ранее не свойственным ему по тональности и тембру голосом.

А может быть, это естественная реакция профессионального историка, выученного и выучившегося на платформе марксистской теории, на деле, впрочем, являвшейся уродливой тенью оригинального марксизма, на перемены в обществе и научном познании? В новых историографических практиках В.А. мощно звучит тема феноменальности русской истории, она едва ли не намеренно усиливается, когда он, как кажется, понимает, что несколько «перегибает палку» российской самобытности. Но, возможно, это и поиск новых конформистских ниш. В сформулированном им вопросе – «предрасположена ли российская историографическая традиция к антропологически ориентированной истории?» – велика доля сомнения в положительном ответе. Основания для постановки вопроса В.А. видит в очевидной специфике российской реальности. «В первую очередь среди них – сравнительная удаленность от центров древних цивилизаций и от путей, соединивших общества, что наследовали этим цивилизациям; неблагоприятное соотношение пространства и населения и постоянная доминанта колониационного центра (вырастающего в государственный центр) над слабыми колонизируемыми и присоединяемыми регионами; неблагоприятные условия для аграрной деятельности и труднодоступность минеральных ресурсов... неизменно общинная и рутинная организация материального производства, недостаточная экономическая активность и самодетальность населения, постоянное «поравнение» внизу и особая, как казалось, жестокость в имущественных и социальных отношениях между «верхами» и «низами»... Отсюда и историографический Левиафан оказывается мощнее историографического Ионы. Разработка антрополо-

гической истории России затруднена значительно меньшей, чем на Западе (в Европе), обеспеченностью источниками, отражающими ментальные явления... вне государственной традиции, источниками, способными полноценно обеспечить антропологически ориентированное историческое изучение»³².

Характерной и отличительной чертой научного облика В.А. была, как кажется, его редко встречающаяся в век специализации ученой работы способность одинаково комфортно чувствовать себя на двух полюсах исторического познания. На одном были глобальные, всеохватывающие, тотальные идеи и представления, на другом – предельно частные, детальные, конкретные исследовательские объекты. Сравнительно новая для него область изучения и преподавания – историческая география – позволяла максимально сблизить эти крайности познавательной деятельности.

В одной из первых специальных работ на эту тему размышления о месте и роли исторической географии в системе исторических наук поистине стали возвышенными, соединились с пространством, временем и историей человека, вопросами взаимодействия гуманитарного и естественнонаучного знания в изучении проблемы «человек и пространство».

«Исторические процесс, создав авторефлексию и исторические науки, познает себя как многомерное явление. Отсчет событий; счет царствованиям, временам и эпохам; противоположение «своей» и «чужой» истории – от миров эллинов и варваров Геродота до европоцентризма и антитез «Запад–Восток», «Север–Юг»; видение сменяющихся или сосуществующих цивилизаций – от Книги пророка Даниила до трудов А. Тойнби; иерархия обществ, государств, территорий; созданные в различных эпистемологических системах шкалы форм, сущностей и ценностей исторического процесса – это неисчислимый корпус мер в историческом познании, возможность сосуществования и конкуренции их определенного сомножества, споры о мерах даже в рамках одной и той же методологии восходят к трем главным феноменам истории человека, проявляющим себя и в историческом процессе, и в его познании. *Это – Время, Пространство, Событие*»³³.

Как историк исторической науки, В.А. определяет место исторической географии в системе исторического знания и науки в первую очередь через ее историю, и, следуя традиционным правилам, определяет ее вехи последовательно в границах Средневековья, Возрождения, рационалистической, романтической, позитивистской историографии, марксистской формационной методологии... Эта схема является, по-видимому, в его новейших представлениях универсальной, и реальная история исторической географии легко в нее укладывается, как, по его мнению, укладывается все в теории и практике исторического знания.

Определение исторической географии как географии прошлого признается В.А. устаревшим и недостаточным. «Современное определение

исторической географии как научной дисциплины, возможно, конституируется как исследование взаимоотношений, какие существовали и существуют между человеческим обществом и отдельными его частями и пространством планеты во временных координатах и событийном пространстве»³⁴.

Став законным и естественным преемником А.И. Андреева, В.К. Яцунского, О.М. Медушевой, А.Л. Станиславского в преподавании исторической географии в Историко-архивном институте, оперативно войдя в сравнительно новую для него проблематику, В.А., конечно, адаптировал академические суждения и характеристики к особенностям студенческой аудитории. В лекциях он предпочитал возвращаться к традиционным определениям, не забывая при этом напомнить слушателям, что цели, задачи и возможные результаты исследований и изучения исторической географии гораздо шире всех определений, в которые вкладывается ее понятие. Напоминая также, что любое определение должна характеризовать некая целостность и, возможно, «осознание этой целостности – целостности природы, общества и человека, целостности пространства, времени и истории мира – единственный путь, сберегающий от разрушения»³⁵.

Отсюда – «еретический» в тогдашних условиях и отнюдь и не такой уж риторический вопрос, который ученый однажды задал не столько своему читателю и слушателю, сколько самому себе: «Входят ли в состав исторических источников, т.е. свидетельств человеческой истории, независимые от человека явления природы?».

Это были сомнения в жестко очерченных границах определения исторического источника исключительно как продукта целенаправленной человеческой деятельности. И робкой попыткой вернуться к альтернативным и хорошо известным ему версиям, расширяющим познавательную деятельность в границах истории.

Уместно напомнить, что еще в 1960-е гг. С.О. Шмидт предложил включать в понятие исторического источника не только результаты «человеческой деятельности», но и естественно-географическую среду в самом широком понимании этого термина. Источниковедческая база исторической науки, «шкала ценности исторических источников», писал С.О. Шмидт, меняется: климат, ландшафт, природные катастрофы, животный мир, эпидемии не менее значительные источники информации, чем продукты человеческой деятельности. Сетую на игнорирование источников природного происхождения при изучении антропологически ориентированной истории, назревших вопросов взаимодействия общества и природы, С.О. Шмидт предлагал в первую очередь считать историческим источником все, что источает или может источать информацию, что является источником исторической информации³⁶.

Точно так же, как С.О. Шмидт, считал и считает С.М. Каштанов. Он предлагает различать исторические источники на явления и произ-

ведения природы и проявления и результаты созидательной деятельности человека³⁷. Для историка, реконструирующего прошлое, информация, заключенная в источнике, – на первом месте. Где и откуда он «взял», «добыл» эту информацию, конечно, важно. Но существеннее то, что эта информация необходима ему для целей, которые он перед собой поставил, научной темы, какую он сформулировал, задачи, которую ему предстоит решать. Скажем, «для изучения древнейшей истории с ее относительно ограниченной источниковой базой и очень тесной зависимостью общества от природной среды», наряду с источниками этнографическими, археологическими, антропологическими, лингвистическими и письменными, необходимо изучать источники и естественнонаучные. И среди них – как преобразованную человеком природную среду, так и не преобразованную³⁸.

В общем, у В.А. были союзники и в этом, строго научном вопросе, и в других, относящихся, скажем так, к вопросам научной коммуникации. Но выйти за пределы однажды очерченного им (или другими) круга он уже был или не силах. Или не хотел.

В.А. был в первую очередь историком отечественной исторической науки, разумеется, ориентируясь в общемировых проблемах истории исторического знания. Новые и долгожданные требования к преподаванию историографии, историографической научно-исследовательской практике привели к решительному обновлению учебных программ и в целом крутому повороту в содержании, в методах и методике преподавания историографических курсов. Между прежними аналогичными опытами, а их было немало³⁹, и новой программой дисциплины «История исторической науки» по специальности «Историко-архивоведение» лежит пропасть не только идейного и методологического характера, но в первую очередь содержательного. Теперь в программе и, следовательно, в курсе предусматривается освоения студентами эволюции исторического познания в его средиземноморско-европейской традиции с древнейших времен до настоящего времени, а развитие российской историографии рассматривается в контексте мировой исторической мысли и исторической науки. «Историография представляется в курсе как сложный процесс постоянного “rewriting of history” (переписывания истории), создания сменяющихся друг друга моделей исторического прошлого»⁴⁰.

Так исподволь нащупывается, а затем и обнаруживается один из путей «реабилитации» отечественной исторической науки советского периода. Советские историки создавали соответствующие тогдашней идеологии и методологии модели исторического прошлого, а в новых условиях наступило время переписывания истории (и, добавим, историографии). Выходит, что если опыты создания «управляемой истории» будут возобновлены, то историки просто обречены на очередное обновление исторических и историографических моделей. При этом проблема их моральной и социальной ответственности как будто снимается. Или переключается

на власть и обстоятельства. В конце концов, все ушли или уйдут, и те, кто, как мог, молча сопротивлялся, и те, кто обвинял, и те, кто каялся, немногочисленные адвокаты, тьма обвинителей, судьи, публика, «мир безмолвного молчания»...

В докладе на одной из научных конференций В.А. демонстрирует, как можно в полете мысли, поднимаясь над сотнями историков и филологов, веками, континентами, воспаряя вывьс и оставаясь в достаточных пределах точности, изложить на нескольких страницах историю мирового исторического знания. Сказав в заключение: «Точность исторического знания – прежде всего, понятие историчное и системное. Его современный смысл, как и современный смысл точности гуманитарного знания в целом, возможно обсуждать только в рамках существующих познавательных систем и познавательной ситуации...»⁴¹

Сохранились свидетельства о новых творческих замыслах В.А., которым, увы, не суждено было осуществиться. В личном архиве его ученицы, историка культуры Т.А. Пархоменко, сохранился, написанный им план-проспект статьи «Историки и интеллектуальные круги России (конец XIX – начало XX века)», предназначавшейся для книги по истории творческого сообщества страны. История исторической науки уверенно включается в нем в общую ткань истории отечественной культуры. Предполагалось рассмотреть следующие вопросы:

«1. Эволюцию статуса истории как знания и как занятия в российском обществе, в российской культуре, российском политическом обиходе от оформления российской историографии (первая половина XVIII в.) до рубежа XIX–XX вв.

2. Проблемы, связанные со становлением и оформлением российского историка как профессионала (первая половина – середина XIX в.) и его “вписывание” в интеллектуальные круги России.

3. Место, занимаемое профессиональными историками, историками-“любителями” (коллекционеры; члены научных обществ; лица, принадлежащие к иным профессиональным кругам, но публично выступающие по вопросам истории), преподавателями средней школы в профессиональном спектре интеллектуальной России конца XIX – начала XX в. Придется, в частности, вернуться и к старому спору об определении, численности, составе, классификации русской интеллигенции рубежа веков (В.Р. Лейкина-Свирская, Л.Е. Ерман и др.), разделить понятия “интеллигенция” и “интеллектуальные круги”.

4. “Степень востребованности” и “степень авторитетности” областей интеллектуальной деятельности и наук по отношению к старым проблемам и проблемам, вставшим перед российским обществом на рубеже XIX–XX в. (литература, публицистика, философия, право, экономика, история и т.д.).

5. “Ответы” исторической науки на “социальные ожидания” времени. Дифференциация запроса и дифференциация ученых. Только ли в прошлое

обращена история? Не предвидели начала катастрофического развития событий начала XX в.: была ли история хуже или лучше других областей интеллектуальной деятельности в этом отношении? Крушение концепций “шестивия венчанного царя с верноподданным народом”. Надежды и опасения либеральных историков. Активность и ожидания радикалов.

6. Авторитет историка в общественном мнении страны накануне, во время и после революции 1905–1907 гг. Новые издания и историк.

7. Самоидентификация и идентификация историков на этих трех этапах (Павлов-Сильванский о Миллюкове; Ключевский о политиканстве и науке своих учеников; авторитет Платонова; кумиры студенчества и др.)

8. Российская культура и историография; историография и российская культура: начало складывания новых отношений. Российский историк в мире (А.С. Лаппо-Данилевский и др.; подготовка Петербургского международного конгресса исторических наук)⁴².

В последние годы жизни В.А. часто обращается к теме, с которой он, собственно, начинал свою научную деятельность – персонификации историографического процесса, антропологически ориентированной истории исторической науки⁴³.

Его особым вниманием как «исторического географа» пользуется творчество В.К. Яцунского. Он находит самые нужные и верные слова, определяющие роль ученого в развитии отечественной исторической географии. Он набрасывает точные штрихи к портрету М.М. Богословского, раскрывая, может быть, сокровенные тайны его психологического и творческого облика.

В одну из знаменательных дат в жизни С.М. Каштанова В.А. «дарит» юбиляру «годами накопленные размышления о нем и об Историко-архивном институте».

Он пишет проникновенный очерк об А.А. Зимине, где милые сердцу студенческие воспоминания сопровождаются размышлениями историографа о поразительном феномене выдающегося ученого. Он находит еще один существенный – и неожиданный – ракурс для понимания судьбы национальной историографии в XX в. «Творчество Зимина, если воспользоваться термином того времени, хронологически полностью укладывается в т.н. период «расцвета советской исторической науки» (но, вопреки тогдашнему официальному пониманию этой формулы, размышляешь о том, что ведь действительным ее расцветом и были А.А. Зимин и С.Б. Веселовский, Н.Н. Воронин и Л.В. Черепнин, С.Н. Валк и А.И. Андреев, М.Я. Гефтер и К.Н. Тарновский...)⁴⁴. Спустя двадцать лет после смерти ученого, В.А. находит ему точное место в новейшей российской историографии. Благодаря А.А. Зимину, «впервые в дореволюционной и советской “россике средневековья” оказалась сформированной альтернативная, построенная на иных основаниях, концепция исторического процесса и доказана самая возможность существования строго научной альтернативной русской истории... “Официально-государственный”

и “москвоцентристский” характер подходов был решительно заменен историей людей, общества и “полицентричным” подходом. Это было сделано А.А. Зиминим до появления в нашей науке понятий “историческая антропология” и “антропологически ориентированная история”, “альтернативная история” и “точки бифуркации”... В его трудах мы не найдем этих терминов. Но не Зимин ли был в числе тех, кто привел нас к этим, казалось бы, импортированным понятиям?»⁴⁵

Терминологические и теоретические изыскания были несвойственны еще одному ученому МГИАИ. Светлую память о нем В.А. сохранял до конца жизни.

В 2006 г. выходит в свет книга Н.П. Ерошкина, включающая три работы – «Крепостническое самодержавие и его политические институты», «Законодательный механизм России периода буржуазных реформ 60 – 70-х гг. XIX в.» и «Самодержавие накануне краха». Ответственный редактором книги «Российское самодержавие» и автором вступительной статьи был В.А. По общему мнению многочисленных учеников, друзей и коллег Николая Петровича Ерошкина, статья В.А. была одной из лучших, если не лучшая, о замечательном ученом, педагоге и человеке, статья, далеко выходящая за пределы формального предисловия. И кому как не В.А., которого связывали Н.П. Ерошкиным далеко не формальные, очень близкие человеческие отношения, было найти самые нужные и точные слова, в том числе и при характеристике места ученого в истории науки русской истории, конечно, подверженной трансформации в результате давления извне, но и негибаемой до тех пор, пока в ее рядах остаются те, для кого научная честь и совесть не являются пустым звуком.

В.А. писал, что труды Н.П. Ерошкина «достойно представляют одно из научных направлений, складывавшихся в Историко-архивном институте, со всеми особенностями этого направления: новой, уникальной тогда научной дисциплиной (история государственных учреждений), междисциплинарным синтезом (история, архивоведение, государствоведение, история права и др.), массивным введением в научный оборот новых архивных материалов, глубоким анализом исторических источников, приводившим, как правило, к отходу от репродуцируемых политико-идеологических штампов»⁴⁶. Высказав необычайно важную не только в контексте наследия Н.П. Ерошкина мысль, – а на наш взгляд, ключевую для кардинального переосмысления «феномена советской историографии», когда речь идет о подлинно научной ее составляющей, – В.А. провел исключительно тонкий и образцовый историографический анализ концепции истории российского самодержавия, разработанной и последовательно отстаивавшейся Н.П. Ерошкиным.

Три десятилетия отделяют работы Н.П. Ерошкина от сегодняшнего дня российской историографии самодержавия, писал в заключение В.А. Налицо существенное приращение источников и литературы о династии

Романовых, государственности и учреждениям России XIX – начала XX вв. Но историческая концепция ученого, как принято говорить, выдержав испытания и искушения советской эпохи, уверенно выигрывает и в нынешних, вполне реальных «боях за историю». В последние годы «выявилась тенденция к некоему странному “отбеливанию” и “стерилизации” облика последнего самодержца... Главным аргументом здесь выступает действительно совершенное в 1918 г. Советской властью несмыслимое преступление – бессудный и незаконный расстрел царской семьи. Но меняет ли это сколько-нибудь представление о системном кризисе самодержавия, о тупике, в который оно зашло в 1917 г. как система управления страной? Не получается ли так, что российскому обществу, российскому читателю вновь пытаются преподнести теорию в перевернутых, как это было в 20–80-е годы, тонах? Не являются ли книги Н.П. Ерошкина... средством от нового черно-белого перевертывания исторического видения?»⁴⁷

Вернемся к статье В.А., открывающей «Российское самодержавие» Н.П. Ерошкина. «Приличная профессура умирает стоя, – однажды заметил Николай Петрович в дружеском застолье с профессором Владимиром Евгеньевичем Иллерицким и автором этих строк. Владимир Евгеньевич осенью 1982 г. прочитав лекцию и проведя на кафедре консультации, один спустился в метро – ехать домой – и только что и успел, что схватиться за сердце. Николай Петрович 30 января 1988 г. возвращался из Ленинграда – счастливый, с горой материала для уже третьего тома «Высших и центральных государственных учреждений России». В вагоне было очень тепло, утро же стояло морозное, за 20. Позвонил домой, сел в такси бодрый настолько, что совершенно забыл о таблетках. Разницу температур почти в 50 градусов больное сердце не вынесло»⁴⁸.

* * *

Виктор Александрович Муравьев утром 24 октября 2009 г. приехал в единственное место, где ему в последние годы было по-настоящему хорошо и покойно, где 20 лет он почти самостоятельно и самозабвенно, не особенно привлекая постороннюю рабочую силу, строил свой дом. Он не торопился: он вырастил детей, он посадил деревья, он написал книги. Оставалось малое: достроить дом, уже требовавший ремонта. Он ушел стоя, в нескольких сотнях метров от дома, оставшегося без своего зодчего...

Примечания

¹ Памяти Виктора Александровича Муравьева // Новый исторический вестник. 2009. № 3(21). С. 6–8; Памяти Виктора Александровича Муравьева (17.01.1941 – 25.10.2009) // Вестник РГГУ. 2010, № 7. С. 300–302; *Пархоменко Т.А.* Портрет историка как явление культуры в творчестве Виктора Александровича Муравьева (1941 – 2009): памяти учителя // Культурологический журнал. 2010. № 2. С. 1–11; *Дурновоцев В.И.* Виктор Александрович Муравьев:

историк в зеркале историографии // Вестник РГГУ. 2011. № 11. С. 261–275; *Архунова Т.Г.* Мои незабвенные: Ерошкин, Степанский, Смирнова, Муравьев // «Новый исторический вестник» к 80-летию МГИАИ–РГГУ: Избранное, 2005 – 2010. М., 2011. С. 64–72.

Pamyati Viktora Aleksandrovicha Muraveva // *Novy istorichesky vestnik*. 2009. No. 3(21). P. 6–8; *Pamyati Viktora Aleksandrovicha Muraveva (17.01.1941 – 25.10.2009)* // *Vestnik RGGU*. 2010. No. 7. P. 300–302; *Parkhomenko T.A.* Portret istorika kak yavlenie kultury v tvorchestve Viktora Aleksandrovicha Muraveva (1941 – 2009): pamyati uchitelya // *Kulturologichesky zhurnal*. 2010. No. 2. P. 1–11; *Durnovtsev V.I.* Viktor Aleksandrovich Muravev: istorik v zerkale istoriografii // *Vestnik RGGU*. 2011. No. 11. P. 261–275; *Arkhipova T.G.* Moi nezabvennye: Eroshkin, Stepanский, Smirnova, Muravev // “Novyy istoricheskiy vestnik” k 80-letiyu MGIAI–RGGU: Izbrannoe, 2005 – 2010. Moscow, 2011. P. 64–72.

² *Луцкий Е.А., Муравьев В.А.* Историография истории СССР в годы Великой Отечественной войны // *История СССР*. 1980. № 3; *Луцкий Е.А., Муравьев В.А.* Глава 5. Историография истории СССР в годы Великой Отечественной войны // *Историография истории СССР (эпоха социализма): Учебник*. М., 1982.

Lutsky E.A., Muravev V.A. Istoriografiya istorii SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny // *Istoriya SSSR*. 1980. No. 3; *Lutsky E.A., Muravev V.A.* Glava 5. Istoriografiya istorii SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny // *Istoriografiya istorii SSSR (epokha sotsializma): Uchebnik*. Moscow, 1982.

³ *Муравьев В.А.* Безымянные герои войны (О книгах С.И. Садовникова) // *Археографический ежегодник за 2005 год*. М., 2007. С. 87; *Муравьев В.А.* Поиск, ставший судьбой // *Вестник архивиста*. 2006. № 6(96). С. 412–417.

Muravev V.A. Bezymyannye geroi voyny (O knigakh S.I. Sadovnikova) // *Arheograficheskiy ezhegodnik za 2005 god*. Moscow, 2007. P. 87; *Muravev V.A.* Poisk, stavshiy sudboy // *Vestnik arkhivista*. 2006. No. 6(96). P. 412–417.

⁴ *Архунова Т.Г.* Указ. соч. С. 65–66.

Arkhipova T.G. Op. cit. P. 65–66.

⁵ Мир источниковедения: Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М.; Пенза, 1994. С. 387–390.

Mir istochnikovedeniya: Sbornik v chest Sigurda Ottovicha Shmidta. Moscow; Penza, 1994. P. 387–390.

⁶ Кружку источниковедения истории СССР – 15 лет // *Труды МГИАИ*. Т. 24, вып. 2. Вопросы источниковедения истории СССР. М., 1966. С. 267–272.

Kruzhku istochnikovedeniya istorii SSSR – 15 let // *Trudy MGIAI*. Vol. 24, Part 2. Voprosy istochnikovedeniya istorii SSSR. Moscow, 1966. P. 267–272.

⁷ *Рашковский Е.Б.* Три урока (из философского дневника) // *Мир источниковедения*. С. 452.

Rashkovsky E.B. Tri uroka (iz filosofskogo dnevnika) // *Mir istochnikovedeniya*. P. 452.

⁸ *Валк С.Н.* Вступительная лекция Н.П. Павлова-Сильванского // *Труды Ленинградского отделения Института истории*. Вып. 5. М.; Л., 1963. С. 617–626.

Valk S.N. Vstupitel'naya lektsiya N.P. Pavlova-Silvanskogo // *Trudy Leningradskogo otdeleniya Instituta istorii*. Vol. 5. Moscow; Leningrad, 1963. P. 617–626.

⁹ *Муравьев В.А.* Материалы Н.П. Павлова-Сильванского в ленинградских архивах // *Труды МГИАИ*. Т. 22. М., 1965. С. 279–292.

Muravev V.A. Materialy N.P. Pavlova-Silvanskogo v leningradskikh arkhivakh // *Trudy MGIAI*. Vol. 22. Moscow, 1965. P. 279–292.

¹⁰ *Муравьев В.А.* Когда был поставлен вопрос о «русском феодализме»? // *Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки*. М., 1981. С. 313–321.

Muravev V.A. Kogda byl postavlen vopros o “russkom feodalizme”? // *Problemy istorii russkogo obshchestvennogo dvizheniya i istoricheskoy nauki*. Moscow, 1981. P. 313–321.

¹¹ *Муравьев В.А.* Лекционные курсы Н.П. Павлова-Сильванского в высших вольных учебных заведениях Петербурга // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 247–258; *Муравьев В.А.* Две лекции Н.П. Павлова-Сильванского («История и современность», «Революция и русская историография») // История и историки: Историографический ежегодник за 1972 год. М., 1973. С. 337–364.

Muravev V.A. Leksionnyye kursy N.P. Pavlova-Silvanskogo v vysshikh volnykh uchebnykh zavedeniyakh Peterburga // Arkheografichesky ezhegodnik za 1969 god. Moscow, 1971. P. 247–258; *Muravev V.A.* Dve lektcii N.P. Pavlova-Sil'vanskogo ("Istoriya i sovremennost", "Revolyutsiya i russkaya istoriografiya") // Istoriya i istoriki: Istoriograficheskiy ezhegodnik za 1972 god. Moscow, 1973. P. 337–364.

¹² *Шмидт С.О.* Сочинения Н.П. Павлова-Сильванского как памятник истории и культуры // *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. М., 1988. С. 591.

Shmidt S.O. Sochineniya N.P. Pavlova-Silvanskogo kak pamyatnik istorii i kultury // *Pavlov-Silvanskiy N.P.* Feodalizm v Rossii. Moscow, 1988. P. 591.

¹³ *Беленький И.Л.* Борис Иванович Сыромятников (1874 – 1947) // Россия и современный мир. 2002. № 4. С. 204–213; *Тихонов В.В.* Историк «старой школы»: Научная биография Б.И. Сыромятникова. Pisa, 2008; *Дурновцев В.И., Тихонов В.В.* Жизнь и труды историка Б.И. Сыромятникова. М., 2012.

Belenky I.L. Boris Ivanovich Syromyatnikov (1874–1947) // Rossiya i sovremennyy mir. 2002. No. 4. P. 204–213; *Tikhonov V.V.* Istorik "staroy shkoly": Nauchnaya biografiya B.I. Syromyatnikova. Pisa, 2008; *Durnovtsev V.I., Tikhonov V.V.* Zhizn i trudy istorika B.I. Syromyatnikova. Moscow, 2012.

¹⁴ *Шмидт С.О.* Сочинения Н.П. Павлова-Сильванского как памятник истории и культуры. С. 587–599; *Чирков С.В.* Н.П. Павлов-Сильванский и его книги о феодализме // Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. С. 600–638.

Shmidt S.O. Sochineniya N.P. Pavlova-Silvanskogo kak pamyatnik istorii i kultury. P. 587–599; *Chirkov S.V.* N.P. Pavlov-Silvanskiy i ego knigi o feodalizme // *Pavlov-Silvanskiy N.P.* Feodalizm v Rossii. P. 600–638.

¹⁵ *Муравьев В.А.* Теории феодализма в России в русской историографии конца XIX – начала XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1969. С. X.

Muravev V.A. Teorii feodalizma v Rossii v russkoy istoriografii kontsa XIX – nachala XX vv.: Diss. ... kand. ist. nauk. Moscow, 1969. P. X.

¹⁶ *Ibidem.* P. VIII.

¹⁷ *Ibidem.* P. 501–502.

¹⁸ *Ibidem.* P. 503.

¹⁹ *Хорхордина Т.И.* Корни и корона: Штрихи к портрету Историко-архивного института (1930 – 1991) М., 1997. С. 86.

Khorkhordina T.I. Korni i krona: Shtrikhi k portretu Istoriko-arkhivnogo instituta (1930 – 1991) Moscow, 1997. P. 86.

²⁰ *Иллерицкий В.Е.* Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980.

Illeritsky V.E. Sergey Mikhaylovich Solovev. Moscow, 1980.

²¹ *Мохначева М.П.* Источники по истории становления и развития историографии в МГИАИ–ИАИ РГГУ // Вестник РГГУ. 2009. № 4. С. 23–47; 2010. № 7. С. 56–82.

Mokhnacheva M.P. Istochniki po istorii stanovleniya i razvitiya istoriografii v MGIAI–IAI RGGU // Vestnik RGGU. 2009. No. 4. P. 23–47; 2010. No. 7. P. 56–82.

²² Вопросы историографии в высшей школе: Всесоюзная конференция преподавателей историографии истории СССР и всеобщей истории университетов и педагогических институтов. Смоленск, 31 января – 3 февраля 1973 г. Смоленск, 1975.

Voprosy istoriografii v vysshey shkole: Vsesoyuznaya konferentsiya prepodavateley istoriografii istorii SSSR i vseobshchey istorii universitetov i pedagogicheskikh institutov. Smolensk, 31 yanvarya – 3 fevralya 1973 g. Smolensk, 1975.

²³ Волков Л.В., Муравьев В.А. Историография истории СССР в период завершения социалистического строительства в СССР (середина 30-х – конец 50-х годов): Учебное пособие. М., 1982.

Volkov L.V., Muravev V.A. Istoriografiya istorii SSSR v period zaversheniya sotsialisticheskogo stroitelstva v SSSR (sredina 30-kh – konets 50-kh godov): Uchebnoe posobie. Moscow, 1982.

²⁴ Муравьев В.А. К изучению исторических взглядов деятелей большевистской партии дооктябрьского периода (историография вопроса) // Труды МГИИИ. Т. 30, вып. 1. М., 1974. С. 26–36.

Muravev V.A. K izucheniyu istoricheskikh vzglyadov deyatley bolshevistskoy partii dooktyabrskogo perioda (istoriografiya voprosa) // Trudy MGIIAI. Vol. 30, Part 1. Moscow, 1974. P. 26–36.

²⁵ Муравьев В.А., Волобуев О.В. Ленинская концепция революции 1905 – 1907 годов и советская историография. М., 1982; Муравьев В.А. Современная советская историография революции 1905 – 1907 годов. М., 1985; Муравьев В.А. История революции 1905 – 1907 гг. в России в творчестве М.Н. Покровского // Советская историография Отечественной истории: Ученые и их труды. М., 1988.

Muravev V.A., Volobuev O.V. Leninskaya kontseptsiya revolyutsii 1905 – 1907 godov i sovetskaya istoriografiya. Moscow, 1982; Muravev V.A. Sovremennaya sovetskaya istoriografiya revolyutsii 1905 – 1907 godov. Moscow, 1985; Muravev V.A. Istoriya revolyutsii 1905 – 1907 gg. v Rossii v tvorchestve M.N. Pokrovskogo // Sovetskaya istoriografiya Otechestvennoy istorii: Uchenye i ikh trudy. Moscow, 1988.

²⁶ Муравьев В.А. Революция 1905 – 1907 гг. и русские историки (к постановке проблемы) // Интеллигенция и революция: XX век. М., 1985. С. 72–73.

Muravev V.A. Revolyutsiya 1905 – 1907 gg. i russkie istoriki (k postanovke problemy) // Intelligentsiya i revolyutsiya: XX vek. Moscow, 1985. P. 72–73.

²⁷ Минаев В.В. Вспоминая Красавченко // Новый исторический вестник. 2007. № 1(15). С. 167–182.

Minaev V.V. Vspominaya Krasavchenko // Novy istorichesky vestnik. 2007. No. 1(15). P. 167–182.

²⁸ Московский государственный ордена «Знак Почета» историко-архивный институт. Пермь, 1984.

Moskovsky gosudarstvenny ordena “Znak Pocheta” istoriko-arkhivny institut. Perm, 1984.

²⁹ Муравьев В.А. Советская историография революции 1905 – 1907 годов: Проблемы освоения ленинской концепции истории Первой российской революции. Дисс. ... докт. ист. наук. М., 1987.

Muravev V.A. Sovetskaya istoriografiya revolyutsii 1905 – 1907 godov: Problemy osvoeniya leninskoy kontseptsii istorii Pervoy rossiyskoy revolyutsii. Diss. ... dokt. ist. nauk. Moscow, 1987.

³⁰ Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института. М., 2001.

Nauchno-pedagogicheskaya shkola istochnikovedeniya Istoriko-arkhivnogo instituta. Moscow, 2001.

³¹ Муравьев В.А. Левиафан и Иона в России: предрасположена ли российская историографическая традиция к антропологически ориентированной истории // Историческая антропология: Место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998. С. 40–44.

Muravev V.A. Levafan i Iona v Rossii: predraspolozhena li rossiyskaya istoriograficheskaya traditsiya k antropologicheski orientirovannoy istorii // Istoricheskaya antropologiya: Mesto v sisteme sotsialnykh nauk, istochniki i metody interpretatsii. Moscow, 1998. P. 40–44.

³² Ibidem. P. 43.

³³ *Муравьев В.А.* Пространство, время, история человека и общества: Историческая география в системе исторических наук // Исторический источник: человек и пространство. М., 1997. С. 24.

Muravev V.A. Prostranstvo, vremya, istoriya cheloveka i obshchestva: Istoricheskaya geografiya v sisteme istoricheskikh nauk // Istoricheskiy istochnik: chelovek i prostranstvo. Moscow, 1997. P. 24.

³⁴ *Муравьев В.А.* Пространство, время, история человека и общества: Историческая география в системе исторических наук. С. 35; *Муравьев В.А.* Историческая география в мире и в России (XVIII в. – 60-е гг. XX в.) // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания. Ч. 1. М., 2008. С. 67–93.

Muravev V.A. Prostranstvo, vremya, istoriya cheloveka i obshchestva: Istoricheskaya geografiya v sisteme istoricheskikh nauk. P. 35; *Muravev V.A.* Istoricheskaya geografiya v mire i v Rossii (XVIII v. – 60-e gg. XX v.) // Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny – istochnikovedenie – metodologiya istorii v sisteme gumanitarnogo znaniya. Part 1. Moscow, 2008. P. 67–93.

³⁵ *Муравьев В.А.* Пространство, время, история человека и общества: Историческая география в системе исторических наук. С. 35.

Muravev V.A. Prostranstvo, vremya, istoriya cheloveka i obshchestva: Istoricheskaya geografiya v sisteme istoricheskikh nauk. P. 35

³⁶ *Шмидт С.О.* Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997.

Shmidt S.O. Put istorika: Izbrannye trudy po istochnikovedeniyu i istoriografii. Moscow, 1997.

³⁷ *Кауштанов С.М.* С.О. Шмидт и проблема определения исторического источника // Источниковедение: Проблемные лекции. М., 2005. С. 132.

Kashtanov S.M. S.O. Shmidt i problema opredeleniya istoricheskogo istochnika // Istochnikovedenie: Problemnye leksii. Moscow, 2005. P. 132.

³⁸ *Перишц А.И.* Понятие и классификация первобытно-исторических источников // История первобытного общества: Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. С. 35; *Перишц А.И.* Непреобразованная природная среда как источник изучения древнейшей истории // Источниковедение и краеведение в культуре России. М., 2000. С. 18.

Pershits A.I. Ponyatie i klassifikatsiya pervobytno-istoricheskikh istochnikov // Istoriya pervobytnogo obshchestva: Obshchie voprosy. Problemy antroposotsiogeneza. Moscow, 1983. P. 35; *Pershits A.I.* Nepreobrazovannaya prirodnyaya sreda kak istochnik izucheniya drevneyshey istorii // Istochnikovedenie i kraevedenie v kulture Rossii. Moscow, 2000. P. 18.

³⁹ Программа по историографии истории СССР (проект). М., 1978; Программа дисциплины «Историография истории СССР» для государственных университетов: Специальность 2008 – История. М., 1987.

Programma po istoriografii istorii SSSR (proekt). Moscow, 1978; Programma distsipliny “Istoriografiya istorii SSSR” dlya gosudarstvennykh universitetov: Spetsialnost 2008 – Istoriya. Moscow, 1987.

⁴⁰ Историко-архивоведение: Специальность 020800: Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования и примерные программы дисциплин федерального компонента (циклы общепрофессиональных дисциплин и дисциплин специализации). М., 2003. С. 572.

Istorko-arkhivovedenie: Spetsialnost 020800: Gosudarstvenny obrazovatelny standart vysshego professionalnogo obrazovaniya i primernye programmy distsiplin federalnogo komponenta (tsikly obshcheprofessionalnykh distsiplin i distsiplin spetsializatsii). Moscow, 2003. P. 572.

⁴¹ *Муравьев В.А.* Точное историческое знание: претензии поколений историков // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты. М., 1999. С. 15.

Muravev V.A. Tochnoe istoricheskoe znanie: pretenzii pokoleniy istorikov // Tochnoe gumanitarnoe znanie: traditsii, problemy, metody, rezultaty. Moscow, 1999. P. 15.

⁴² *Пархоменко Т.А.* Указ. соч. С. 10.

Parkhomenko T.A. Op. cit. P. 10.

⁴³ *Муравьев В.А.* В.О. Ключевский и «новая волна» историков начала XX века // Ключевский: Сборник материалов. Пенза, 1995; *Муравьев В.А.* Б.И. Сыромятников // Историки России XVIII – XX веков. Вып. 6. М., 1997. С. 75–84; *Муравьев В.А.* «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна // Археографический ежегодник за 1998 год. М., 1999. С. 228–232.

Muravev V.A. V.O. Klyuchevskiy i “novaya volna” istorikov nachala XX veka // Klyuchevskiy: Sbornik materialov. Penza, 1995; *Muravev V.A.* B.I. Syromyatnikov // Istoriki Rossii XVIII – XX vekov. Vol. 6. Moscow, 1997. P. 75–84; *Muravev V.A.* “Russkaya istoriografiya” N.L. Rubinshteyna // Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1998 god. Moscow, 1999. P. 228–232.

⁴⁴ *Муравьев В.А.* Александр Александрович Зимин (1920 – 1980) // Историки России: Послевоенное поколение. М., 2000. С. 170.

Muravev V.A. Aleksandr Aleksandrovich Zimin (1920 – 1980) // Istoriki Rossii: Poslevoennoe pokolenie. Moscow, 2000. P. 170.

⁴⁵ Там же. С. 174.

Ibidem. P. 174

⁴⁶ *Муравьев В.А.* Николай Петрович Ерошкин и его труды по истории российского самодержавия // *Ерошкин Н.П.* Российское самодержавие. М., 2006. С. 18.

Muravev V.A. Nikolay Petrovich Eroshkin i ego trudy po istorii rossiyskogo samodержaviya // *Eroshkin N.P.* Rossiyskoe samodержavie. Moscow, 2006. P. 18.

⁴⁷ Там же. С. 36.

Ibidem. P. 36.

⁴⁸ Там же. С. 17.

Ibidem. P. 17.

ИЗ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО ИСТОРИКО-АРХИВНОГО ИНСТИТУТА: АРХИВОВЕДЫ И ИХ УЧЕБНИКИ

В декабре 2012 г. в РГГУ состоялось знаменательное событие – презентация архивоведческих учебников нового поколения по направлению «Документоведение и архивоведение», подготовленных преподавателями Историко-архивного института РГГУ.

Теперь она вспоминается не только с гордостью, но и печалью: собравшиеся услышали одно из последних выступлений Сигурдта Оттовича Шмидта. Выдающийся российский ученый отметил, что «благодарен коллегам не только как историк, но и как гражданин». По его словам, «русская дореволюционная наука развивалась именно в университетах. И в советские времена ведущие ученые страны считали преподавание и просветительство своим профессиональным долгом: Историко-архивный институт был и остается интеллектуальным и методологическим центром отечественного архивоведения. Нынешние книги – лучшее тому подтверждение».

В 2011–2012 гг. было издано несколько архивоведческих учебников, подготовленных преподавателями кафедры истории и организации архивного дела¹. Они получили высокую оценку не только отечественных специалистов², но и зарубежных. В частности, в письме, направленном в адрес кафедры, Шарль Кечкемети – Генеральный секретарь Международного совета архивов с 1962 по 1988 гг., а ныне координатор архивных программ Института «Открытое общество» – отметил, что учебник «История архивоведческой мысли» – «это поистине пионерский труд, поскольку открывает новые направления исследований». Он выразил надежду, что эта книга «послужит стимулом для проведения аналогичных исследований в других странах».

На той знаменательной, запомнившейся презентации был представлен и учебник нового поколения по архивоведению, подготовленный авторским коллективом кафедры архивоведения³.

Из всех архивоведческих курсов, – а архивоведение как комплексная научная дисциплина включает в себя значительное число локальных дисциплин, – одним из основных и, пожалуй, наиболее сложным для восприятия студентами, вчерашними школьниками, является теория и методика архивоведения. Широта диапазона межнаучных и междисциплинарных связей архивоведения обусловлена тем, что оно, являясь дисциплиной исторического цикла наук, имеет объектом исследования документы и системы документов и решает информационные задачи⁴. Теория и методика архивоведения – современное название курса, наиболее точно отражающее его содержание. Ранее, на протяжении нескольких десятков лет,

курс назывался «Теория и практика архивного дела». С таким названием вышло три учебных пособия и два учебника, в подготовке которых активное участие принимали преподаватели Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ). Эти издания – своего рода этапы развития теории и методики архивоведения как вузовского учебного курса, за которыми стоят судьбы разных поколений ученых и преподавателей МГИАИ–ИАИ РГГУ. Они работали с ощущением уникальности того вклада, который каждый из них вносил в мировую архивистику⁵.

Подготовка архивистов в Московском государственном историко-архивном институте началась в 1931 г., с момента создания института, который формировался как научно-методический центр всей страны. В стенах МГИАИ–ИАИ за все годы его существования было подготовлено несколько архивоведческих учебников и обучающих систем, которые использовались в нескольких вузах СССР, а сейчас – в большом числе вузов России, поскольку во многих регионах ведется обучение студентов по курсу архивоведения.

В 1935 г. вышло в свет учебное пособие Г.А. Князева «Теория и техника архивного дела», в 1946 г. – К.Г. Митяева «Теория и практика архивного дела», а в 1958 г. – подготовленное авторским коллективом под редакцией К.Г. Митяева, Г.А. Белова, А.И. Логиновой и Н.Р. Прокопенко учебное пособие «Теория и практика архивного дела в СССР». Последнее, по сравнению с предыдущими, охватывало более широкий круг вопросов: публикация документов, технические архивы, кино-, фото- и фоноархивы, микрофотокопирование документов и другие. Но так как К.Г. Митяев профессионально занимался и делопроизводственными сюжетами, то в учебных пособиях, подготовленных им и с его участием, вопросам становления систем документирования, рациональной организации делопроизводства в государственном аппарате, постановке делопроизводства для формирования государственного архивного фонда СССР уделялось большое внимание.

Забегая вперед, скажем, что современная подготовка бакалавров по совмещенному направлению «Документоведение и архивоведение» корнями уходит в научные разработки К.Г. Митяева (1902–1969), который как никто другой рассматривал в единой, естественной и логичной связке делопроизводство и архивное дело. Он создал стройную теорию организации системы делопроизводства, от зарождения документов до передачи их в государственный архив, и разработал до тонкостей систему взаимоотношений между архивной службой и аппаратом делопроизводства государственных служб⁶. Как разносторонне образованного человека и ученого характеризуют Константина Григорьевича Митяева все, кто работал с ним и учился у него: «Он был настоящим ученым, очень любившим свое дело и переживавшим за него»⁷.

Подготовка вышеназванных пособий была вызвана требованиями государственного аппарата к повышению уровня всей организационной

и научной работы архивных органов, государственных и ведомственных архивов. С другой стороны, она предусматривала возможность обеспечения студентов, и практических работников учебно-методическими трудами обобщающего характера.

Вышедшие в 1930–1950-е гг. учебные пособия, конечно, содержали по ряду позиций политизированные определения, высказывания и т.д.: в то время по-другому и быть не могло. Но при этом авторы, настоящие знатоки своего дела, будучи и свидетелями, и непосредственными участниками советского архивного строительства, стремились критически переработать и использовать все передовое, прогрессивное, что дало русское дореволюционное и зарубежное архивоведение. Важно отметить, что с 1950-х гг. на кафедре теории и практики архивного дела (ТиПАД) сложился сильный преподавательский состав: Н.А. Павлова (1897–1989), М.Ф. Петровская (1909–1966), М.Н. Шобухов (1908–1970), Н.А. Ковальчук (1922–2011), Н.А. Орлова (1922–2011), Л.Г. Сырченко, А.А. Кузин (1911–1992), К.И. Рудельсон (1919–2000) и другие. Позже в эту работу включились Н.Г. Филиппов (1924–2000), К.Б. Гельман-Виноградов (1925–2010), Л.М. Рошаль (1936–2010)⁸.

Именно с их именами связан второй этап подготовки учебной литературы по архивоведению в МГИАИ, который приходится на 1960–1980-е гг. За это время – в 1966 г. (под редакцией Л.А. Никифорова и Г.А. Белова)⁹ и 1980 г. (под редакцией Ф.И. Долгих и К.И. Рудельсон)¹⁰ – были опубликованы два учебника с одинаковым названием «Теория и практика архивного дела в СССР». Издание 1980 г. стало вторым, дополненным и переработанным. Подготовил их коллектив кафедры, которая, повторимся, носила тогда такое же название, как и вышедшие учебники, – кафедра теории и практики архивного дела.

Среди авторов учебников – Нина Александровна Ковальчук, студентка Историко-архивного института в 1940–1947 г., окончившая аспирантуру МГИАИ в 1951 г. По рекомендации И.Л. Маяковского (1878–1954) она была принята преподавателем на кафедру ТиПАД. Она опубликовала интересные воспоминания о МГИАИ 1940-х гг., прекрасно передающие колорит эпохи и атмосферы, царившей в институте в те непростые годы. Она ярко и образно вела свой предмет, и столь же ярко и образно даны в ее воспоминаниях портреты преподавателей и сотрудников института.

Н.А. Ковальчук вдохновенно написала и о замечательном педагоге, человеке высокой культуры и талантливом ученом – Клавдии Ивановне Рудельсон – и о ее методике преподавания архивоведческих дисциплин. Студенты, вспоминая преподавателей института, отмечали: «Наши педагоги работали с полной отдачей. Они пробуждали в нас стремление к интеллектуальному и эмоциональному развитию... давали нам гуманитарную основу знаний. Не потому ли мы, историки-архивисты тех лет, как правило, становились своими в любом коллективе, исповедующем служение Истории, Culture, Искусству»¹¹. К.И. Рудельсон была выпуск-

ницей МГИАИ 1940 г., окончила аспирантуру института в 1947 г. Защитив кандидатскую диссертацию и став преподавателем кафедры, она явилась одним из ключевых авторов и редакторов обоих архивоведческих учебников (второе издание учебника, 1980 г., вышло под ее редакцией), внесла огромный вклад в развитие теории отечественного архивоведения.

Еще один автор архивоведческих учебников – Нина Александровна Орлова. Она так увлеченно и образно читала курс «теория и практика архивного дела», приводя «живые» примеры из своего опыта работы в Центральном государственном военно-историческом архиве, что студенты, ожидавшие услышать сухие лекции по скучной, как им поначалу казалось, дисциплине, сразу проникались неподдельным интересом к этому предмету.

Эти учебники, которые достаточно схожи по концептуальности и по структурированию материала, естественно, были в должной мере политизированы (это было неизбежно), но в них уже более широко давались научные подходы в архивоведении.

Если К.Г. Митяев рассматривал только принципы историзма и недробимости архивного фонда, а также явно сопряженный с последним принцип (даже можно сказать, разновидность последнего) недробимости комплексов архивных фондов, то в двух кафедральных учебниках (назовем так условно учебники 1966 и 1980 гг.) уже освещаются принципы историзма, всесторонности и комплексности изучения документов, принцип коммунистической партийности. Принцип недробимости архивного фонда был отнесен на дальний план, к проблеме фондирования, а принцип централизации архивного дела как самостоятельный вообще не называется, а лишь констатируется наличие централизации архивного дела в общегосударственном масштабе.

Научные методы архивоведения в этих учебниках, как и в предыдущих учебных пособиях, не освещались вообще. Однако источниковедческий метод достаточно традиционен для архивоведения, и можно считать его древнейшим методом в работе с архивными документами. Системный подход, функциональный и информационный анализы пришли в архивоведение из естественнонаучных областей знаний и были адаптированы к процессам работы с архивными документами, начиная именно с 1960-х гг.

В этих учебниках уже не рассматривались сугубо делопроизводственные вопросы, а лишь была обозначена взаимосвязь документоведения и архивоведения в целом. Также «ушли» из учебников разделы, посвященные техническим и кино-, фото- и фоноархивам. Но по-прежнему рассматривались вопросы археографии: выявление и отбор материала для публикации, передача текста и археографическое оформление. Но все это применительно не собственно к архивным документам (что свойственно археографии в целом), а к информационным справочникам по документам, хранящимся в архиве.

Не вдаваясь далее в подробности, отметим, что структурно эти учебники также продолжили аналогичный проблемный подход, заложенный в ранних работах. Однако справедливости ради надо сказать, что не учебники и учебные пособия повторяли структуру друг друга, а базировались они на единых архивных правилах, которые последовательно включали в себя основные направления деятельности архивных учреждений СССР по организации хранения и использования документального наследия в стране.

Новый – третий – этап в подготовке учебной литературы по теории и методике архивоведения пришелся на начало 2000-х гг.

За последние годы в Историко-архивном институте РГГУ авторским коллективом были подготовлены Компьютерная обучающая система «Архивистика. Путеводитель по архивным технологиям», печатная версия которой вышла в свет в 2003 г.¹², и учебник «Архивоведение (теория и методика)» для высших учебных заведений. В разработке компьютерной обучающей системы «Архивистика» принимали участие Г.А. Осичкина, Е.В. Алексеева, Л.П. Афанасьева и другие преподаватели под руководством нынешней заведующей кафедрой архивоведения Е.М. Буровой. Отметим, что одновременно авторский коллектив под руководством чл.-корр. РАН В.П. Козлова написал учебник «Архивоведение» для системы среднего профессионального образования, который с 2002 по 2007 гг. выдержал пять изданий.

Компьютерная обучающая система «Архивистика» явилась новым словом в образовательных технологиях. Она интересна не только содержательной частью, но и возможностью на основе современных технологий осуществлять самостоятельную подготовку по курсу на основе вариативности выбора комплексов документов и проведения компьютерного тестирования по отдельным темам. Она строилась не только по принципу сочетания содержательной части и компьютерных технологий, но и визуализации текста, что необходимо для восприятия столь сложного содержания в формате современных технологий.

«Архивистика» предназначена для широкого круга пользователей: студентов, преподавателей, работников государственных, муниципальных и ведомственных архивов, сотрудников службы документационного обеспечения управления, а также лиц, не имеющих специального образования или желающих повысить свою квалификацию. Она знакомит пользователей с достижениями в области архивных технологий, а именно: сбора, обработки и поиска ретроспективной документной информации. Каждая из перечисленных категорий пользователей может выстраивать свой собственный алгоритм работы с системой, а, следовательно, и освоения предложенного материала: от наиболее детального, рассчитанного на студентов, обучающихся по специальностям «Историко-архивоведение», «Делопроизводство и документационное обеспечение управления», «История», по направлению «Документоведение и архивоведение» и другим, связанным с ретроспективной документной информацией.

Основную информационную нагрузку несет текст лекций, в которых подробно рассматривается пять тем: «Организация документов и дел Архивного фонда РФ», «Аналитико-синтетическая обработка ретроспективной документной информации», «Комплектование и экспертиза ценности документов», «Создание архивной описи», «Учет документов АФ РФ».

Авторы творчески подошли к раскрытию каждой темы, поместив при помощи гипертекстовых ссылок дополнительную информацию, сведенную в отдельные блоки. Один из них – «Советы великих»: включает в себя цитаты из трудов «классиков» архивного дела и других смежных областей, помогающих осмыслить то или иное теоретическое положение).

Другой – «Предупреждение об опасности»: о действиях или умозаключениях, которых следует избегать исходя из опыта предшествующих эпох. Например: «Архивоведение само по себе, без знания других наук принесет мало пользы... Архивист должен обладать историко-юридической подготовкой, особенно быть знакомым с историей тех учреждений, дела которых находятся в его архиве, сверх того, требуется очень часто специальное знакомство с палеографией, дипломатикой, старинным языком своего народа, а иногда знакомство с иностранными языками» (Воронов А.П. Архивоведение. СПб., 1904).

Еще один блок – «Из истории архивоведческой мысли». Он содержит исторические факты и забавные случаи. Например, из письма А.И. Герцена Н.П. Огареву: «Ты, кажется, сжег мои письма, это скверно, лучше бы ты сжег дюйм пальца на левой руке у меня. Наши письма – важнейший документ развития, в них время от времени отражаются все модуляции, отзываются все впечатления на душу: ну как же можно жечь такие вещи...»

Наконец, блок «Научная дискуссия», в который сведены мнения ученых по актуальным проблемам архивоведения.

Таким образом, каждый исследователь сам вправе решать, ограничится ли он знакомством только с современными технологиями архивного дела либо углубится в прошлое, в научные дискуссии архивоведов и историков для лучшего понимания современного положения вещей.

Очень интересным является в «Архивистике» электронный архив, в котором есть документы XII–XVII вв., XVIII – начала XX вв., 1917–1991 гг., предоставленные федеральными архивами России.

В архиве содержатся образы ранних памятников славянской письменности Киевской Руси, удельного периода, Великого княжества Московского, Московского царства (акты, летописи, материалы приказного делопроизводства и поместно-вотчинных архивов) из собраний РГАДА.

За период XVIII – начала XX вв. включены материалы государственных учреждений Российской империи, церковных и благотворительных организаций, политических партий, документы личного происхождения. В том числе из фондов № 1717 «Собственная канцелярия шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа 1826 – 1844 гг.» и № 1838 «Коллекция документов

члена Государственного совета, профессора О.Х. Озерова 1869 – 1942 гг.» из собраний ГА РФ.

Документы за период 1917–1991 гг. представлены материалами учреждений РСФСР и СССР. В том числе из фондов А-2306 «Наркомат просвещения РСФСР 1917 – 1946 гг.» (ГА РФ) и № 385 «Министерство промышленности строительных материалов СССР 1965 - 1985 гг.» (РГАЭ).

Отметим значимую особенность «Архивистики»: на протяжении более десятка лет она является единственной компьютерной обучающей системой, комплексно охватывающей несколько наиболее важных проблем по теории и методике работы с документами Архивного фонда Российской Федерации и другими архивными документами.

Однако «Архивистика» охватывает только вопросы организации архивных документов, комплектования ими архивов, экспертизы ценности и учета документов. Разработка технологии компьютерного изучения вопросов создания справочно-поисковых средств (научно-справочного аппарата) к архивным документам и их использования – ближайшая задача ученых и преподавателей Историко-архивного института РГГУ.

Разработку «Архивистики» органично продолжило написание нового учебника. Современный, отвечающий нынешнему этапу развития России и архивоведческой науки, получивший название «Архивоведение (теория и методика)», он вышел в свет в 2012 г. Его авторы – Е.М. Бурова, Е.В. Алексеева и Л.П. Афанасьева, воспитанницы МГИАИ, выросшие в его стенах от студенток до известных специалистов и преподавателей архивоведения¹³.

Новый учебник значительно отличается от своих предшественников, учебников и учебных пособий, как по представленным проблемам, так и по форме подачи материала. Здесь существенно глубже проработаны научные основы отечественного архивоведения, впервые принципы, научные методы и локальные признаки отдельных этапов работы с документами даются во взаимосвязи.

Принципиально новым содержанием в учебнике наполнен системный подход к изучению документов: не подвергая сомнению подход к документам и их комплексам как к системе, в учебнике четко дается вся цепочка работы с документами от момента их создания до занятия ими строго определенного места на стадии хранения, то есть кроме документной анализируется и технологическая система работы с документами.

Говоря об отдельных уровнях классификации документов Архивного фонда Российской Федерации (АФ РФ), следует признать, что в связи с произошедшими изменениями в стране на рубеже XX–XXI вв. наибольшему воздействию подверглись первые два уровня классификации. Анализируя признаки классификации документов АФ РФ на первом уровне (по сети государственных архивов), авторы разграничивают признаки советского и российского архивоведения, вводя в состав последних два принципиально новых признака, а именно: функциональный (на его основе

в стране создается сеть архивов кадровой документации) и тематический, обосновывающий тенденцию создания архива документов по истории Великой Отечественной войны.

Справедливости ради напомним, что идея создания тематического архива истории Великой Отечественной войны была высказана заведующим кафедрой вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ, профессором Александром Николаевичем Сперанским (1891–1943) еще в мае 1942 г. На Всесоюзной конференции историков-архивистов в 1943 г. она была подхвачена заведующим кафедрой истории и организации архивного дела, профессором Владимиром Васильевичем Максаковым (1886–1964). Вместе с поддержавшими его историками, архивистами, писателями, музейными работниками он выступил с настоятельным требованием выявления, учета, планомерного собирания и концентрации документов, отражающих события военных лет, в едином центре – Центральном архиве Великой Отечественной войны. Однако этот призыв, обращенный ко всем «людям доброй воли», был погребен под бюрократическими грифами секретности и постепенно предан забвению. Лишь в начале XXI в. идеи А.Н. Сперанского, В.В. Максакова и их единомышленников о создании Архива Великой Отечественной войны были возрождены¹⁴.

Впервые в учебнике «Архивоведение (теория и методика)» рассмотрены все нюансы классификации документов на втором уровне (по архивным фондам), убедительно продемонстрированы сложности реализации в современных условиях принципа недробности архивного фонда и пути рационального решения вопросов отбора на хранение документов одного фондообразователя в разные хранилища.

Лейтмотивом решения всех вопросов организации хранения документов в учебнике является сопоставимый анализ подхода к документам разных форм собственности: государственной, муниципальной или частной. На основе этого рассматриваются вопросы не только классификации документов, но и комплектования ими государственных и негосударственных хранилищ. Освещается такое новое для российского архивного дела направление как архивный аутсорсинг.

Комплектование государственных и муниципальных архивов в стране впервые дано на основе ранее не публиковавшихся нормативных документов: «Примерные списки учреждений, организаций и предприятий, являющихся и не являющихся источниками комплектования государственных архивов» и «Методические рекомендации по определению источников комплектования государственных архивов», которые в 1987 г. были выпущены с грифом «Для служебного пользования». И только в современной России стало возможным в учебной литературе ссылаться на эти документы.

Именно по этой причине никогда ранее в учебной литературе не рассматривались проблемы денежной оценки документов: вышедшие в СССР «Методические рекомендации по денежной оценке актов до-

кументов эпох феодализма и капитализма», рукописных и старопечатных книг, документов личного происхождения XVII–XX вв., приобретаемых в собственность государства» имели тот же гриф. И только начиная с 1990-х гг. стали появляться публикации по данной тематике, вышли интересные работы во ВНИИДАД, подготовленные с учетом международного опыта купли-продажи не только собственных документов, но и их копий, в частности микроформ. Авторы учебника анализируют мировой и российский рынки документов, рассматривают основные составляющие ценообразования на архивные документы, случаи установления цен (в частности в процессе страхования). Появление такого материала в учебнике очень важно и своевременно, так как вопросы маркетинга архивных документов и архивной информации являются весьма актуальными на сегодняшний день в архивной среде.

Особо следует отметить: авторы учебника не только ввели принципиально новые темы, но и по каждой проблеме, даже если она является достаточно традиционной при рассмотрении теории и методики архивоведения, освещают новые подходы и решения с учетом реалий сегодняшнего дня. При этом они зачастую проводят сравнительный анализ ситуации в той или иной области работы с документами в СССР и Российской Федерации.

Все этого разительно отличает данный авторский подход от предыдущих работ в области теории и методики архивоведения.

Таким образом, учебник «Архивоведение (теория и методика)» отличается новизной подачи материала по ряду проблем. Но особенно выделяет этот учебник из ряда подобных еще и наличие в нем трех важных элементов, существенно дополняющих авторский текст: обширный исторический экскурс, выдержки из текстов законодательных и нормативных методических документов, термины и определения на английском, французском и немецком языках.

Этот авторский подход был использован и в «Архивистике», и в учебнике. Роднит эти два издания и такой прием, как адресное обращение. По каждой теме дается «вводная», дающая установку, на что из данной темы особенно должны обратить внимание те, кто работает в сфере документационного обеспечения, в архиве организации, в государственном или муниципальном архиве. Такой подход дает возможность расширить круг пользователей от студентов до практических работников, а наличие глоссариев на иностранных языках расширяет возможности использования данных работ и зарубежными специалистами.

Несомненно, учебник этот хорошо послужит делу обучения архивистов и историков как в самом Историко-архивном институте, так и далеко за пределами его старых, но прочных стен.

Примечания

¹ *Старостин Е.В.* Архивы Русской православной церкви (X – XX вв.): Учебное пособие. М., 2011; *Хорхордина Т.И., Волкова Т.С.* Российские архивы: История и современность:

Учебник для вузов. М., 2012; *Хорхордина Т.И.* История архивоведческой мысли: Учебник для вузов. М., 2012.

Starostin E.V. Arkhivy Russkoy pravoslavnoy tserkvi (X – XX vv.): Uchebnoe posobie. Moscow, 2011; *Khorkhordina T.I., Volkova T.S.* Rossiyskie arkhivy: Istoriya i sovremennost: Uchebnik dlya vuzov. Moscow, 2012; *Khorkhordina T.I.* Istoriya arkhivovedcheskoy mysli: Uchebnik dlya vuzov. Moscow, 2012.

² *Иноземцева З.П.* Изданы учебники по истории российских архивов и истории архивоведческой мысли // Вестник архивиста. 2013. № 1. С. 308–310; *Пивовар Е.И., Безбородов А.Б., Карпенко С.В.* Т.И. Хорхордина и новое историческое архивоведение // Новый исторический вестник. 2013. № 1(35). С. 48–55.

Inozemtseva Z.P. Izdany uchebniki po istorii rossiyskikh arkhivov i istorii arkhivovedcheskoy mysli // Vestnik arkhivista. 2013. No. 1. P. 308–310; *Pivovar E.I., Bezborodov A.B., Karpenko S.V.* T.I. Khorkhordina i novoe istoricheskoe arkhivovedenie // Novy istorichesky vestnik. 2013. No. 1(35). P. 48–55.

³ *Бурова Е.М., Алексеева Е.В., Афанасьева Л.П.* Архивоведение (теория и методика): Учебник для вузов. М., 2012.

Burova E.M., Alekseeva E.V., Afanaseva L.P. Arkhivovedenie (teoriya i metodika): Uchebnik dlya vuzov. Moscow, 2012.

⁴ *Хорхордина Т.И.* История архивоведческой мысли. С. 11.

Khorkhordina T.I. Istoriya arkhivovedcheskoy mysli. P. 11.

⁵ *Хорхордина Т.И.* Гуманитарный университет в Москве: История идеи. М., 2012. С. 63.

Khorkhordina T.I. Gumanitarny universitet v Moskve: Istoriya idei. Moscow, 2012. P. 63.

⁶ «Историко-архивный институт стал моим родным домом»: Воспоминания Н.А. Ковальчук о годах учебы в институте (1940 – 1947) // Отечественные архивы. 2003. № 5. С. 74.

“Istoriko-arkhivny institut stal moim rodnym domom”: Vospominaniya N.A. Kovalchuk o godakh ucheby v institute (1940 – 1947) // Otechestvennye arkhivy. 2003. No. 5. P. 74.

⁷ Там же. С. 73.

Ibidem. P. 73.

⁸ *Хорхордина Т.И.* Гуманитарный университет в Москве: История идеи. С. 74.

Khorkhordina T.I. Gumanitarny universitet v Moskve: Istoriya idei. P. 74.

⁹ Теория и практика архивного дела в СССР. М., 1966.

Teoriya i praktika arkhivnogo dela v SSSR. Moscow, 1966.

¹⁰ Теория и практика архивного дела в СССР. М., 1980.

Teoriya i praktika arkhivnogo dela v SSSR. Moscow, 1980.

¹¹ «Наш набор 1945 г. был первым послевоенным...»: Воспоминания профессора Т.В. Батаевой об Историко-архивном институте // Отечественные архивы. 2005. № 1. С. 94.

“Nash nabor 1945 g. byl pervym poslevoennym...”: Vospominaniya professora T.V. Bataevoy ob Istoriko-arkhivnom institute // Otechestvennye arkhivy. 2005. No. 1. P. 94.

¹² *Бурова Е.М., Алексеева Е.В., Афанасьева Л.П., Осичкина Г.А.* Архивистика: Путеводитель по архивным технологиям: Компьютерная обучающая система. М., 2000.

Burova E.M., Alekseeva E.V., Afanaseva L.P., Osichkina G.A. Arkhivistika: Putevoditel po arkhivnym tekhnologiyam: Kompyuternaya obuchayushchaya sistema. Moscow, 2000.

¹³ *Бурова Е.М., Алексеева Е.В., Афанасьева Л.П.* Архивоведение (теория и методика): Учебник для вузов. М., 2012.

Burova E.M., Alekseeva E.V., Afanaseva L.P. Arkhivovedenie (teoriya i metodika): Uchebnik dlya vuzov. Moscow, 2012.

¹⁴ *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы (1917 – 1980-е гг.). М., 1994. С. 280–282; *Хорхордина Т.И.* Гуманитарный университет в Москве: История идеи. С. 63–64.

Khorkhordina T.I. Istoriya Otechestva i arkhivy (1917 – 1980-e gg.). Moscow, 1994. P. 280–282; *Khorkhordina T.I.* Gumanitarny universitet v Moskve: Istoriya idei. P. 63–64.

ИНТЕГРАЦИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НОВЫЙ ВЕК – НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Процессы интеграции, регионализации и дезинтеграции на постсоветском пространстве, как и деятельность отдельных региональных интеграционных объединений являлись в течение первого десятилетия XXI в. одной из наиболее популярных тем в отечественной исторической науке. На это есть немало причин. Первая и главная – новые импульсы, которые постсоветская интеграция получила на рубеже 2000-х гг., когда был дан старт ряду проектов, оказавшихся вполне жизнеспособными (как ЕврАзЭС), а затем в последние годы, когда был создан Таможенный союз, началось реальное формирование Единого экономического пространства, и стала вырисовываться перспектива создания Евразийского союза. Все эти события находились в центре внимания как специалистов-историков, экономистов, политологов, международников, социологов, так и экспертного сообщества в целом.

К настоящему времени сформировалась целая группа академических научно-исследовательских и вузовских учебно-научных центров, которые занимаются постсоветской проблематикой. Среди научных центров следует выделить Отделение международных экономических и политических исследований (ОМЭПИ) Института экономики РАН, которое в значительной степени переориентировало свою исследовательскую работу после распада социалистического лагеря на постсоветскую проблематику. Известными центрами, занимающимися вопросами развития постсоветских государств и интеграционных процессов на постсоветском пространстве, являются Центр эволюционных процессов на постсоветском пространстве и Центр черноморских и средиземноморских проблем при Институте Европы РАН, а также Центр изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН. В Российском институте стратегических исследований и Дипломатической академии МИД России действуют соответственно Центр исследований проблем стран ближнего зарубежья и Центр СНГ.

Проблематику постсоветской интеграции активно изучают, выпуская научную и учебную литературу, ряд университетов. Среди них – Российский государственный гуманитарный университет, в котором созданы и работают учебно-научный центр «Новая Россия. История постсоветской России» и кафедра стран постсоветского зарубежья¹. Далее, МГИМО(У) МИД, где эти сюжеты разрабатывает специализированный центр постсоветских исследований. На Историческом факультете МГУ им. М.В.Ломоносова с начала 2000-х гг. интеграционные процессы на постсоветском пространстве находятся в центре внимания кафедры стран ближнего зарубежья и информационно-аналитического центра по изучению общественно-

политических процессов на постсоветском пространстве, а в Институте стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова этой проблематикой занимается Центр Кавказа и Центральной Азии. Кроме того, в С.-Петербургском государственном университете действуют учебно-научные структуры, в сферу научных интересов которых входит постсоветская интеграция: кафедра международных отношений на постсоветском пространстве Факультета международных отношений и кафедра истории народов стран СНГ Исторического факультета.

Этот, далеко не полный перечень научных и научно-образовательных центров, занимающихся проблематикой постсоветской интеграции, свидетельствует о большом интересе, который российские исследователи проявляют к интеграционным процессам на постсоветском пространстве.

Значительную часть работ, которые написаны отечественными авторами (и размещены на интернет-ресурсах), нельзя считать в строгом смысле слова научными. Под такими мы имеем ввиду работы, не снабженные научным аппаратом, не учитывающие достижений отечественной и зарубежной научной литературы и игнорирующие важность теоретико-методологических основ любой исследовательской работы.

В данном обзоре рассматриваются научные работы (монографические исследования, статьи и доклады) отечественных специалистов, прежде всего историков, экономистов и политологов, за период с 2000 по 2012 гг. Общее количество таких работ насчитывает несколько сотен наименований только за 2000-е гг. Мы сконцентрировались на наиболее значимых, на наш взгляд, трудах, в которых проанализированы выстраивание общего вектора интеграционных процессов на постсоветском пространстве, деятельность интеграционных организаций и различные факторы, оказывавшие влияние на характер и интенсивность их деятельности.

В центре внимания отечественных ученых в рассматриваемый период находился самый широкий спектр вопросов, связанных с интеграционными процессами. Прежде всего, выделяются труды общего характера, в которых затрагиваются различные аспекты постсоветской интеграции, а также рассматриваются интеграционные процессы на постсоветском пространстве в контексте наиболее распространенных теоретических конструкций и типологизации международной интеграции² в мировой науке в целом. Можно выделить и труды, в которых анализируются факторы регионализации постсоветского пространства, проблемы и перспективы региональной интеграции³, в частности – такого интеграционного объединения как Союзное государство России и Беларуси (далее – Союзное государство). Несколько работ, вышедших в последнее время, посвящены геополитическим факторам постсоветской интеграции⁴, а также ее институциональным аспектам⁵. Отдельно следует отметить работы, посвященные различным социальным и культурным процессам, напрямую связанным с интеграцией, а также научные труды, посвященные отраслевым аспектам интеграции⁶.

Примечательно, что уже начали появляться работы, авторы которых приступили к историографическому анализу отечественных исторических исследований, посвященных разнонаправленным процессам, происходящим на постсоветском пространстве. Особый интерес представляет работа А.М. Либмана⁷. Он справедливо отмечает, что отечественное научное сообщество в целом проявляет пристальное внимание к интеграционным процессам на постсоветском пространстве, но при этом значительная часть трудов пишется «по шаблону», доминирует «типичная» работа по интеграции, характеризующаяся набором устоявшихся представлений и клише⁸. Автор предложил свою типологизацию основных альтернатив типичному подходу, определяя их как эмпирические и теоретические исследования, нацеленные на понимание взаимодействия на микроуровне, работы, анализирующие взаимосвязи интеграции и внешней политики России, и, наконец, труды, изучающие интеграцию в контексте евразийских и европейских интеграционных инициатив⁹.

Выделяя наиболее характерные черты, присущие исследованиям о постсоветской интеграции, необходимо отметить, что в большинстве работ затрагивается или ставится вопрос о причинах возникновения и сущности самой первой интеграционной организации – Содружества Независимых Государств. Несмотря на, казалось бы, большой период, прошедший с момента его основания, сохраняются две полярные точки зрения на СНГ. Согласно первой, СНГ – это форма «цивилизованного развода». Согласно второй, СНГ – организация, которая задумывалась как интеграционный проект. Причем в последние годы мысль о «цивилизационном разводе» превалирует. В частности, именно это констатировали участники нескольких круглых столов, посвященных интеграции на постсоветском пространстве, в Институте экономики РАН.

Делая замечания о неэффективности СНГ, общие для подавляющего большинства работ, исследователи, как правило, противопоставляют Содружеству перспективы ряда более молодых интеграционных объединений, таких как ЕврАзЭС и Таможенный Союз. Более перспективными по сравнению с СНГ выглядят в глазах современных исследователей и пока еще не реализованные или только набирающие обороты» проекты – Единое экономическое пространство или Евразийский Союз. В частности, Р.С. Гринберг еще в 2007 г. отмечал, что ЕврАзЭС – единственный перспективный интеграционный проект на постсоветском пространстве¹⁰.

У российских авторов еще не выработана единая система оценки того, какие организации и по какому принципу должны относиться к интеграционным, а какие – нет. Так, наиболее явственно плюрализм мнений по данному вопросу можно наблюдать при анализе таких военно-политических (или преимущественно военно-политических) организаций, как Шанхайская организация сотрудничества и Организация договора о коллективной безопасности. Некоторые исследователи утверждают, что

военно-политические организации и блоки вообще нельзя относить к интеграционным, хотя военно-техническое и военно-политическое сотрудничество вносит свой вклад в развитие интеграционных процессов. Так, Е.Д.Халевинская считает, что сотрудничество в рамках ШОС и ОДКБ «формально не является интеграцией, но они непосредственно влияют на интеграционные процессы». В то же время она выделяет Евразийский банк развития, определяя его как «очень важный интеграционный институт»¹¹.

Другие исследователи употребляют термин «военно-политическая интеграция». Так, А.В. Чаевич, анализируя влияние интеграционных процессов на национальную безопасность России, определяя военно-политическую интеграцию, отмечает, что для нее «характерны близость или совпадение интересов государств в оборонительной области»¹². Автор исходит из так называемого «расширительного толкования сферы безопасности», при котором «в эту сферу включают различные общественные и индивидуальные потребности, так что любые жизненно важные проявления, связанные с оптимальным функционированием личности, государства, социума, в той или иной мере объекты обеспечения безопасности»¹³. Кроме того, автор замечает, что интеграция в СНГ проходит в напряженной геополитической обстановке, что создает потребность в совершенствовании интеграционных процессов в военной сфере, выстраивании эффективной модели коллективной безопасности¹⁴. А по мнению Ю.В. Шишкова, позитивный сдвиг в плане интеграции, скорее всего, может произойти в сфере военно-технического сотрудничества на почве общей внешней угрозы¹⁵.

Не выработан и общепризнанный терминологический аппарат по проблематике постсоветской интеграции. Так, понятие «регионализация» употребляется в разных смыслах и контекстах. Иногда оно противопоставляется термину «интеграция». А иногда несет в себе смысловую нагрузку и как понятие «интеграция» (в региональном масштабе), так и понятие «дезинтеграция».

Именно так регионализацию определяет Л.Б. Вардомский, фокусируя внимание на соотношении интеграционных и дезинтеграционных проявлений на постсоветском пространстве, определяя те и другие как «регионализацию». Данный термин автор употребляет в двух значениях: 1) как дивергенцию или процесс разделения и 2) как региональное сотрудничество. При этом он считает, что интеграционные проекты, предлагавшиеся в 1990-е и даже в первой половине 2000-х гг., оказались нереалистичными, поскольку в них переоценивались инертность постсоветского пространства: их краеугольным камнем являлась идея «реинтеграции», в то время как в условиях открытой рыночной экономики речь идет об интеграции по мере создания экономических и организационно-правовых предпосылок¹⁶.

А.Н. Быков же определяет «регионализацию» как процесс, выражающийся в различных формах экономической интеграции, способствующей соединению экономических потенциалов государств для ускорения их развития и противостояния вызовам глобализации¹⁷.

В качестве наиболее частых и значимых с точки зрения российских исследователей причин неудач тех или иных интеграционных проектов приводятся либо неразвитость политико-правовых систем государств постсоветского пространства, либо элементы авторитарности постсоветских режимов, вступающие в противоречие с принципами рыночной экономики, либо отсутствие необходимых для развития интеграционного процесса экономических условий (слишком слабые экономики), либо управленческие ошибки руководства государств-участников. Либо, наконец, все это вместе взятое.

В частности, Ю.В. Шишков отмечает в своей монографии, что на рубеже 2000-х гг. ни экономически, ни политически регион СНГ не был готов к реальному экономическому интегрированию на рыночной основе. По его мнению, в постсоветских странах отсутствовала политико-правовая зрелость, что обусловлено спецификой исторического развития региона¹⁸. По прошествии более чем десяти лет с момента выхода книги Ю.В. Шишкова оценки многих исследователей принципиально не изменились. Так, П.А. Калинин и К.И. Трубачева, анализируя факторы, препятствующие интеграции, высказывают мнение, что «в политическом плане ситуация ужасна: слабые демократии в России и Украине, просвещенный авторитаризм Беларуси и Казахстана, трайбализм Кыргызстана и т.д.»¹⁹

Мы не можем согласиться с А.М. Либманом в том, что отсутствие политической воли лидеров – главная причина, называемая профессиональными исследователями при анализе неудач «европейского пути» развития постсоветской интеграции. Столь упрощенный подход характерен больше для многочисленной плеяды экспертов и аналитиков, которыми, как правило, не дается ответ на вопрос, способна ли сама по себе интеграция в традиционном ее понимании принести очевидные выгоды интегрирующимся на постсоветском пространстве странам и, прежде всего, России.

Для отечественных историков характерно отсутствие единых критериев оценки эффективности интеграционных процессов, а также тех выгод, которые та или иная страна должна получить от интеграции. Чаше всего в качестве эталона для оценки успешности того или иного интеграционного проекта, как и необходимых для интеграции предпосылок и условий, берутся Европейский Союз и его более чем полувековой опыт²⁰. Большинство исследователей, ориентируясь на опыт ЕС, считают, что главными признаками эффективности интеграционных процессов следует считать формирование развитой системы наднациональных органов, как экономического, так и политического характера, и создание единого экономического, валютного пространства и т.д.

Так, Т.С. Левыкина считает, что в настоящее время для стран СНГ приемлемой и действенной является интеграция «по интересам», а сама форма участия стран в Содружестве не налагает на них почти никаких обязательств. По ее оценке, в целях реализации новых ориентиров на принципах ЕС было создано новое интеграционное объединение – Единое экономическое пространство, – но действующее законодательство не в полной мере учитывает особенности регулирования отношений в сфере производства и потребления энергии и развития ТЭК стран ЕЭП отчасти из-за того, что ЕЭП и Таможенный Союз формировались слишком быстро²¹.

Д.И. Ушкалова указывает на то, что интеграционные процессы носят противоречивый характер: создаются новые структуры, но в то же время многие интеграционные инициативы не получают развития²². Она отмечает, что интеграционные процессы на постсоветском пространстве в значительной степени копируют евроинтеграционные, однако постсоветские интеграционные модели часто не учитывают тот факт, что именно продуманная и последовательно проводимая дирижистская модель (то есть, модель управляемая, а не основанная на саморегулируемой рыночной экономике) лежит в основе в целом успешной европейской интеграции²³. В этих условиях, по мнению автора, большое значение приобретают региональные интеграционные структуры (как Союзное государство) или интеграционные объединения, направленные на ограничение российского влияния (как ГУАМ).

Однако существуют и другие оценки эффективности интеграции. Прежде всего – с точки зрения внешнеполитических (геополитических) интересов России.

Д.И. Ушкалова, анализируя перспективы российско-белорусской интеграции, не дает однозначного прогноза о наиболее вероятном сценарии дальнейшего развития интеграции в рамках Союзного государства, выделяя несколько возможных сценариев (от перехода к единой валюте до трансформации интеграции в трехсторонний формат с участием Казахстана). Она подчеркивает неверность тезиса о том, что два политических режима, подобных тем, которые существуют в России и Беларуси, не могут интегрироваться, ибо существуют объективные экономические геополитические и экономические предпосылки для интеграции двух государств. И Россия должна брать на себя возможные издержки, получая заметные геополитические выгоды²⁴.

В подобных случаях, как правило, отсутствует комплексный подход к исследованию собственно интеграции как явления, нередко упускаются из виду интересы других участников, в результате чего возникают упрощенная картина, недопонимание значения системных (прежде всего экономических) факторов, оказывающих влияние на характер и формы процессов на постсоветском пространстве.

В российской исторической науке (здесь отечественные специалисты сходятся в едином мнении) традиционно считается, что важнейшим элементом интеграции является регулирование этого процесса на государственном и межгосударственном уровне. При этом подавляющее большинство анализируют интеграционные процессы прежде всего с точки зрения их стимулирования, поддержки, регулирования или отрицания теми или иными государствами. Все же в некоторых трудах делается попытка анализа взаимовлияния интеграции и интересов бизнеса, хотя выводы авторов, как правило, заключаются в констатации слабости бизнеса с точки зрения возможностей определять характер экономической интеграции стран СНГ.

Именно этому посвящена работа Б.А. Хейфеца и А.М. Либмана «Корпоративная интеграция: альтернатива для постсоветского пространства». Под «корпоративной интеграцией» авторы подразумевают «интеграцию снизу», находящуюся под влиянием бизнес-интересов. Подробно рассмотрев международную политику и интернациональные связи различных, в первую очередь крупных, компаний и предприятий, они приходят к выводу, что корпоративная интеграция в некоторых случаях – действенный рычаг углубления интеграционного регионального сотрудничества в СНГ, поскольку корпоративные структуры, используя свои лоббистские возможности, способствуют ускорению ряда важных интеграционных проектов. А это особенно важно в условиях сохраняющейся авторитарности в ряде стран СНГ, усиления протекционизма в отношении ресурсов²⁵. Тем не менее, по мнению авторов, в России и других странах СНГ бизнес в настоящее время не может стать «актором», предьявляющим «спрос» на интеграционный проект, и важнейшую роль в стимулировании «спроса» должно играть государство²⁶.

Л.С. Косикова, анализируя природу региональных союзов на постсоветском пространстве, приходит к выводу, что в рамках как макрорегиональной, так и региональной интеграции ключевая ошибка России состоит в том, что она в значительной степени упустила инициативу, понадеявшись на успех так называемой интеграции «снизу», интеграцию через бизнес, упуская роль институционального фактора, а такая интеграция не может приводить к созданию объединений «комплексного типа»²⁷.

Исследователи периодически обращаются и к другим факторам, влияющим на интеграцию. В частности, к средствам массовой информации. А.И. Самсонова на примере анализа образа украинских регионов в российских и украинских средствах массовой информации показала, насколько современные средства массовой информации могут в позитивном или негативном ключе воздействовать на образ интеграции, формировать соответствующим образом общественное мнение²⁸.

Для отечественной исторической науки характерно восприятие России как естественного ядра постсоветской интеграции. Однако исследователи видят много препятствий на пути к реализации этой доминирующей

в нашей стране идеи. Так, в книге Л.С. Косиковой отмечается, что 2004 г., не в последнюю очередь из-за «цветных» революций на пространстве бывшего СССР, стал рубежным для формирования новой стратегии России к интеграции. Если в 1990-е гг. интеграционные инициативы были не подкреплены реальными действиями, а идея экономического союза СНГ провалилась, то в последние годы ситуация меняется. В новых условиях центрально-периферийная концепция отношений между Россией и сопредельными государствами не имеет будущего²⁹.

Обращает на себя внимание анализ автором периодов развития постсоветского пространства как макрорегиона от первой стадии (как его называет автор, «региона бывшего СССР») ко второй стадии – собственно «постсоветской» и, наконец, к третьей – «конкурентной зоне мирового рынка»³⁰. Косикова подчеркивает, что концепция интеграции на основе интеграции вокруг ядра – России – не учитывает объективных дезинтеграционных тенденций. Она негативно оценивает перспективы разносторонней интеграции, так как, по ее мнению, в случае выделения группы государства, которая готова интегрироваться с Россией быстрее остальных, совсем не обязательно, что оставшиеся страны будут также интегрироваться, пусть и с меньшей скоростью. Здесь следует учитывать и роль внешних игроков, которые могут всячески тормозить разностороннюю интеграцию на постсоветском пространстве. Автор указывает на необходимость сохранения СНГ и на перспективы региональной интеграции, в частности Союзного государства, которое она считает ядром постсоветской интеграции.

Характерно, что при анализе региональной интеграции на примере Союзного государства исследователи противопоставляют ее более глобальным интеграционным проектам. Это отчасти верно, ибо интеграция меньшего числа субъектов, как правило, скорее достижима, чем в случае, если интегрируется их значительное число. С другой стороны, следует учитывать такие факторы, как разница потенциалов экономик, разница экономического уклада, разница политических режимов, которые зачастую уходят из поля зрения исследователей.

Наконец, российская историческая наука уделяет внимание анализу влияния внешних сил на ход и перспективы постсоветской интеграции. И здесь также встречаются различные, часто полярные, мнения. Более или менее общая позиция характерна для оценки влияния США, которые определяются чаще всего как противник интеграции с активным участием России и вокруг нее. Так, А.Н. Быков пишет, что «США стремятся любыми путями воспрепятствовать восстановлению единства государств СНГ с Россией»³¹.

В то же время оценки роли Евросоюза разнятся. Ю.В. Шишков отмечает, что «переориентация на ЕС, Турцию или даже Китай может достичь критической массы, когда возвращение “под крыло” России будет бессмысленным»³². П.А. Калинин и К.И. Трубачева считают,

что «отношения между ЕС и странами ЕвразЭС имеют глубокую перспективу, характер и динамика их развития предопределят становление единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока в XXI веке»³³.

Подводя итоги, следует отметить, что сам характер постсоветской интеграции, во многом непоследовательной, колебания отношения к интеграционным инициативам со стороны многих постсоветских государств (особенно, Украины, Узбекистана и некоторых других), наложили отпечаток на содержание отечественных научных трудов по данной проблематике, большинство из которых грешат отсутствием четкой типологизации интеграционных проектов. В оценках авторов проглядывается либо отрицание возможностей и перспектив эффективной интеграции в связи с разным уровнем экономик новых независимых государств и проблемами в социально-политической сфере, либо восприятие интеграции вокруг России как безальтернативного пути дальнейшего развития постсоветского пространства (исключая страны Балтии).

При этом даже авторы, позитивно настроенные в отношении интеграционных инициатив, отмечают, что интеграционные процессы носят противоречивый характер: создаются новые структуры, но в то же время многие интеграционные инициативы не получают развития. В основном отечественные исследователи, выделяя перспективы Таможенного союза (при этом признается наличие системных проблем в рамках реализации проекта Союзного государства), а также Евразийского экономического союза подчеркивают перспективы этих структур с точки зрения экономической интеграции, в известной мере противопоставляя их СНГ.

Союзное государство видится как преимущественно политический проект, реализация которого осложняется разницей в политической и экономической системе двух стран и развитие которого в большей степени обусловлено геостратегическими факторами.

Очевидно, что в ближайшей перспективе отечественные ученые будут все большее внимание уделять новым интеграционным проектам – Таможенному союзу, Евразийскому экономическому союзу, особенно в случае успешного развития этих проектов.

Безусловно, одной из важнейших задач является определение единых критериев оценок эффективности постсоветской интеграции, что будет способствовать более активному и системному изучению интеграционных процессов, с одной стороны, и взаимодействию ученых – с другой.

Примечания

¹ Пивовар Е.И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. СПб., 2010; Манькин А.С., Бородаев А.В., Власов А.В., Гуцин А.В., Левченков А.С., Пивовар Е.И., Наумова Н.Н., Сидоров А.А. Модели региональной интеграции: прошлое и настоящее: Учебное пособие. М., 2010; Безбородов А.Б., Дробижева Л.М., Елисеева Н.В., Зимина В.Д.,

Красовицкая Т.Ю., Павленко О.В. Отечественная история новейшего времени: 1985 – 2008 гг.: Учебник. М., 2009; *Безбородов А.Б., Елисева Н.В., Красовицкая Т.Ю., Павленко О.В.* История России в новейшее время: 1985 – 2009 гг.: Учебник. М., 2013; *Горизонтов Л.Е.* Историческое сознание и национальная идентификация в постсоветских Украине и Белоруссии: Тезисы к постановке проблемы // Национальное самосознание славянских народов в современном мире. М., 2004.

Pivovarov E.I. Postsovetskoye prostranstvo: alternativy integratsii. St. Petersburg, 2010; *Manykin A.S., Borodaev A.V., Vlasov A.V., Gushchin A.V., Levchenkov A.S., Pivovarov E.I., Naumova N.N., Sidorov A.A.* Modeli regionalnoy integratsii: proshloe i nastoyashchee: Uchebnoye posobie. Moscow, 2010; *Bezborodov A.B., Drobizheva L.M., Eliseeva N.V., Zimina V.D., Krasovitskaya T.Yu., Pavlenko O.V.* Otechestvennaya istoriya noveyshego vremeni: 1985 – 2008 gg.: Uchebnik. Moscow, 2009; *Bezborodov A.B., Eliseeva N.V., Krasovitskaya T.Yu., Pavlenko O.V.* Istoriya Rossii v noveyshee vremya: 1985 – 2009 gg.: Uchebnik. M., 2013; *Gorizontov L.E.* Istoricheskoye soznaniye i natsionalnaya identifikatsiya v postsovetskikh Ukraine i Belorussii: Tezisy k postanovke problemy // Natsionalnoye samosoznanie slavyanskikh narodov v sovremennom mire. Moscow, 2004.

² *Шишков Ю.В.* Интеграционные процессы на пороге XXI века: Почему не интегрируются страны СНГ. М., 2001; *Косикова Л.С.* Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: идеи и практика. М., 2008; *Чаевич А.В.* Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и их влияние на национальную безопасность Российской Федерации. М., 2005; *Косикова Л.С.* Итоги 15-летнего развития государств СНГ и их взаимного сотрудничества // К каким альянсам ведет «цивилизированный развод»: Рациональное иррациональное в российской политике в СНГ: Материалы «круглого» стола, посвященные 15-летию образования СНГ. М., 2007; *Халевинская Е.Д.* Интеграция, сотрудничество и развитие на постсоветском пространстве. М., 2012; *Быков А.Н.* Постсоветское пространство: стратегии интеграции и новые вызовы глобализации. СПб., 2009.

Shishkov Yu.V. Integratsionnyye protsessy na poroge XXI veka: Pochemu ne integriruyutsya strany SNG. Moscow, 2001; *Kosikova L.S.* Integratsionnyye protsessy na postsovetskom prostranstve: idei i praktika. Moscow, 2008; *Chaevich A.V.* Integratsionnyye protsessy na postsovetskom prostranstve i ikh vliyaniye na natsionalnuyu bezopasnosty Rossiyskoy Federatsii. Moscow, 2005; *Kosikova L.S.* Itogi 15-letnego razvitiya gosudarstv SNG i ikh vzaimnogo sotrudnichestva // K kakim alyansam vedet “tsivilizovanny razvod”: Ratsionalnoye irratsionalnoye v rossiyskoye politike v SNG: Materialy “kruglogo” stola, posvyashchennye 15-letiyu obrazovaniya SNG. Moscow, 2007; *Khalevinskaya E.D.* Integratsiya, sotrudnichestvo i razvitie na postsovetskom prostranstve. Moscow, 2012; *Bykov A.N.* Postsovetskoye prostranstvo: strategii integratsii i novye vyzovy globalizatsii. St. Petersburg, 2009.

³ *Вардомский Л.Б.* Регионализация постсоветского пространства: факторы, особенности, тенденции. М., 2008; *Ушкалова Д.И.* Процессы регионализации на постсоветском пространстве: Вызовы российско-белорусской интеграции. М., 2010; *Годин Ю.Ф.* Сравнительная эффективность экономических моделей России и Белоруссии в рамках Союзного государства // К каким альянсам ведет «цивилизированный развод»...

Vardomskiy L.B. Regionalizatsiya postsovetskogo prostranstva: faktory, osobennosti, tendentsii. Moscow, 2008; *Ushkalova D.I.* Protssesy regionalizatsii na postsovetskom prostranstve: Vyzovy rossiysko-belorusskoy integratsii. Moscow, 2010; *Godin Yu.F.* Sravnitel'naya effektivnost ekonomicheskikh modeley Rossii i Belorussii v ramkakh Soyuznogo gosudarstva // K kakim alyansam vedet “tsivilizovanny razvod”...

⁴ *Орлик И.И.* Геополитические факторы взаимоотношений государств СНГ // Постсоветское пространство: реалии и перспективы. М., 2009; *Демурина М.В.* Изменения на постсоветском пространстве: цивилизационный вызов // Постсоветское пространство: реалии и перспективы.

Orlik I.I. Geopoliticheskiye faktory vzaimootnosheniy gosudarstv SNG // Postsovetskoye prostranstvo: realii i perspektivy. Moscow, 2009; *Demurina M.V.* Izmeneniya na postsovetskom prostranstve: tsivilizatsionnyy vyzov // Postsovetskoye prostranstvo: realii i perspektivy.

⁵ *Либман А.М.* Конфигурация новых альянсов на постсоветском пространстве: роль дифференциации институтов // К каким альянсам ведет «цивилизированный развод»...

Libman A.M. Konfiguratsiya novykh alyansov na postsovetском prostranstve: rol differentsiatsii institutov // K kakim alyansam vedet “tsivilizovanny razvod”...

⁶ *Левыкина Т.С.* Проблемы интеграционного сотрудничества России на постсоветском пространстве в энергетической сфере. М., 2012; *Данилин И.В.* Новый этап энергетической «большой игры» на постсоветском пространстве: политика ЕС и США // Социально-экономические и политические процессы на постсоветском пространстве: Проблемы развития СНГ. М., 2008; *Головнин М.Ю.* Финансовая интеграция – перспективное направление реформирования СНГ // К каким альянсам ведет «цивилизированный развод»...; *Бельчук А.И.* Российско-белорусский энергетический конфликт – аргументы сторон // Социально-экономические и политические процессы на постсоветском пространстве: Проблемы развития СНГ; *Зевин Л.З.* Возможна ли реструктуризация постсоветского экономического пространства // К каким альянсам ведет «цивилизированный развод»...; *Борисова Е.Г.* Роль русского языка в интеграции постсоветского пространства // К каким альянсам ведет «цивилизированный развод»...; *Стрельцова Я.Р.* Россия–СНГ: роль миграции в интеграционных процессах на постсоветском пространстве // К каким альянсам ведет «цивилизированный развод»...; *Шинкареуцкая Г.Г.* Международные проблемы обеспечения сотрудничества между странами Содружества Независимых Государств // Постсоветское пространство: реалии и перспективы; *Хейфец Б.А., Либман А.М.* Корпоративная интеграция: Альтернатива для постсоветского пространства. М., 2008.

Levykina T.S. Problemy integratsionnogo sotrudnichestva Rossii na postsovetском prostranstve v energeticheskoy sfere. Moscow, 2012; *Danilin I.V.* Novyy etap energeticheskoy “bolshoy igry” na postsovetском prostranstve: politika ES i SShA // Sotsialno-ekonomicheskie i politicheskie protsessy na postsovetском prostranstve: Problemy razvitiya SNG. Moscow, 2008; *Golovnin M.Yu.* Finansovaya integratsiya – perspektivnoe napravlenie reformirovaniya SNG // K kakim alyansam vedet “tsivilizovanny razvod”...; *Belchuk A.I.* Rossiysko-belorusskiy energeticheskii konflikt – argumenty storon // Sotsialno-ekonomicheskie i politicheskie protsessy na postsovetском prostranstve: Problemy razvitiya SNG; *Zevin L.Z.* Vozmozhna li restrukturalizatsiya postsovetского ekonomicheskogo prostranstva // K kakim alyansam vedet “tsivilizovanny razvod”...; *Borisova E.G.* Rol russkogo yazyka v integratsii postsovetского prostranstva // K kakim alyansam vedet “tsivilizovanny razvod”...; *Streltsova Ya.R.* Rossiya–SNG: rol migratsii v integratsionnykh protsessakh na postsovetском prostranstve // K kakim alyansam vedet “tsivilizovanny razvod”...; *Shinkaretskaya G.G.* Mezhdunarodnye problemy obespecheniya sotrudnichestva mezhdru stranami Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv // Postsovetское prostranstvo: realii i perspektivy; *Kheyfets B.A., Libman A.M.* Korporativnaya integratsiya: Alternativa dlya postsovetского prostranstva. Moscow, 2008.

⁷ *Либман А.М.* Исследования региональной интеграции в СНГ и Центральной Азии: Обзор литературы. СПб., 2012.

Libman A.M. Issledovaniya regionalnoy integratsii v SNG i Tsentralnoy Azii: Obzor literatury. St. Petersburg, 2012.

⁸ Там же. С. 11–13.

Ibidem. P. 11–13.

⁹ Там же. С. 14.

Ibidem. P. 14.

¹⁰ *Гринберг Р.С.* Содружество Независимых Государств: возможности и пределы консолидации // К каким альянсам ведет «цивилизированный развод»... С. 22.

Grinberg R.S. Sodruzhestvo Nezavisimykh Gosudarstv: vozmozhnosti i predely konsolidatsii // K kakim alyansam vedet “tsivilizovanny razvod”... P. 22.

¹¹ *Халевинская Е.Д.* Указ. соч. С. 8.

Khalevinskaya E.D. Op. cit. P. 8.

¹² *Чаевич А.В.* Указ. соч. С. 17–18.

Chaevich A.V. Op. cit. P. 17–18.

¹³ Там же. С. 43.

Ibidem. P. 43.

¹⁴ Там же. С. 185–186.

Ibidem. P. 185–186.

¹⁵ *Шишков Ю.В.* Указ. соч. С. 419.

Shishkov Yu.V. Op. cit. P. 419.

¹⁶ *Вардомский Л.Б.* Указ. соч. С. 4–5.

Vardomskiy L.B. Op. cit. P. 4–5.

¹⁷ *Быков А.Н.* Геополитические аспекты евразийской интеграции. М., 2012. С. 9.

Bykov A.N. Geopoliticheskie aspekty evraziyskoy integratsii. Moscow, 2012. P. 9.

¹⁸ *Шишков Ю.В.* Указ. соч. С. 419.

Shishkov Yu.V. Op. cit. P. 419.

¹⁹ *Калиниченко П.А., Трубачева К.И.* Европейский Союз на постсоветском пространстве: право, интеграция, геополитика. М., 2012. С. 41.

Kalinichenko P.A., Trubacheva K.I. Evropeyskiy Soyuz na postsovetском prostranstve: pravo, integratsiya, geopolitika. Moscow, 2012. P. 41.

²⁰ *Либман А.М.* Исследования региональной интеграции в СНГ и Центральной Азии: Обзор литературы. С. 11–12.

Libman A.M. Issledovaniya regionalnoy integratsii v SNG i Tsentralnoy Azii: Obzor literatury. P. 11–12.

²¹ *Левыкина Т.С.* Указ. соч. С. 14.

Levykina T.S. Op. cit. P. 14.

²² *Ушкалова Д.И.* Указ. соч. С. 10.

Ushkalova D.I. Op. cit. P. 10.

²³ Там же. С. 31.

Ibidem. P. 31.

²⁴ Там же. С. 52.

Ibidem. P. 52.

²⁵ *Хейфец Б.А., Либман А.М.* Указ. соч. С. 139.

Kheyfets B.A., Libman A.M. Op. cit. P. 139.

²⁶ Там же. С. 139–140.

Ibidem. P. 139–140.

²⁷ *Косикова Л.С.* Социальные и культурные факторы региональной интеграции: опыт ЕС и СНГ // Социальные факторы постсоветской интеграции. М., 2010. С. 49.

Kosikova L.S. Sotsialnye i kulturnye faktory regionalnoy integratsii: opyt ES i SNG // Sotsialnye faktory postsovetской integratsii. Moscow, 2010. P. 49.

²⁸ *Самсонова А.И.* Роль средств массовой информации в постсоветской консолидации (на примере образцов регионов Украины в российских и украинских СМИ) // Социальные факторы постсоветской интеграции. С. 218–219.

Samsonova A.I. Rol sredstv massovoy informatsii v postsovetской konsolidatsii (na primere obrazov regionov Ukrainy v rossiyskikh i ukrainskikh SMI) // Sotsialnye faktory postsovetской integratsii. P. 218–219.

²⁹ *Косикова Л.С.* Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: идеи и практика. С. 29.

Kosikova L.S. Integratsionnye protsessy na postsovetском prostranstve: idei i praktika. P. 29.

³⁰ Там же. С. 24.

Ibidem. P. 24.

³¹ *Быков А.Н.* Геополитические аспекты евразийской интеграции. С. 14–15.

Вуков А.Н. Geopoliticheskie aspekty evraziyskoy integratsii. P. 14–15.

³² *Шишков Ю.В.* Указ. соч. С. 453.

Shishkov Yu.V. Op. cit. P. 453.

³³ *Калиниченко П.А., Трубачева К.И.* Указ. соч. С. 194.

Kalinichenko P.A., Trubacheva K.I. Op. cit. P. 194.

СООБЩЕНИЯ

И.А. Ревин

КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССИЯ И ВТОРАЯ РУССКАЯ СМУТА: НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ «НАРОД И ВЛАСТЬ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ КРИЗИСОВ

В конце 2012 г. вышел в свет новый – уже третий – сборник¹ научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации», нацеленного на глубокое исследование одной из самых актуальных и дискуссионных проблем российского прошлого – взаимоотношениям общества и государства, народа и власти в условиях системных кризисов. В предыдущие два года были изданы первый и второй сборники². Составители и редакторы всех трех сборников – соавторы-зачинатели научного проекта «Народ и власть...» молодые историки Павел Петрович Марченя (редактор проекта) и Сергей Юрьевич Разин (координатор проекта).

Этот научный проект уже «звучал» в отечественной историографии: его круглые столы, семинары и публикации (как в научных журналах, так и в виде сборников материалов) сразу обратили на себя внимание специалистов стремлением к глубокому осмыслению революционного прошлого России с различных, подчас противоположных, позиций. Тот факт, что в российской элите, да и обществе в целом, как отмечают в предисловии к третьему сборнику П.П. Марченя и С.Ю. Разин, «нет единства мнений о былом, а поэтому не может быть искомого компромисса и по поводу грядущего»³, только подчеркивает его научную и общественную значимость.

Привлечение к дискуссии ведущих отечественных специалистов – историков, социологов, правоведов, политологов, философов – делает проект «Народ и власть...» междисциплинарным и фундаментальным. Благодаря ему научное сообщество получило открытую площадку для острых, а потому весьма поучительных споров. Что особенно ценно, публикации проекта свободно доступны в Интернете: они размещаются в Открытом архиве научного информационного пространства «Соционет» (<http://socionet.ru/collection.xml?h=repec:rus:tqtvuuj>) и в научной электронной библиотеке журнала «Полис» и Института социологии РАН «Граждан-

ское общество в России» (<http://www.civisbook.ru/pers.html?id=120>; <http://www.civisbook.ru/pers.html?id=121>). При том еще что проект помогает реализовать одну из важнейших практически ориентированных функций истории – прогностическую⁴, – все это, несомненно, будет способствовать его популяризации.

Рассуждая о системности кризисов в России, историки часто наговаривают на мысль о предопределенности выводов. Чем больше исходных точек анализа, тем сложнее выделить общую закономерность их расположения и направления их дальнейшего движения, а, значит, у исследователя появляется соблазн повернуть их в русло нужной концепции (собственной или заимствованной – в данном случае не столь важно), не обременяя себя дополнительными аргументами.

«Разруха в головах» – она, в том числе, и в головах самих ученых. Как философия была «служанкой богословия» и стремилась к свободе, так истории нужно освободиться от господства идеологии. Для русской исторической школы с ее ярко выраженным, гипертрофированным этатизмом это сделать будет нелегко.

В этой связи обращает на себя внимание опубликованная в третьем сборнике работа В.Б. Аксенова о психологии масс накануне революции 1917 г. Автор отмечает, что мистификация общественного сознания затронула все слои населения Российской империи и способствовала делегитимизации власти. «Религиозный кризис и криминализация общества приводили к переоценке многих ценностей, морально-нравственных и общественных устоев. Революция пробуждала в людях жажду деятельности, узаконила идеал человека-революционера»⁵. Черты иррационального мировоззрения и поведения в сознании русского человека присутствовали всегда, но они были скрыты от глаз окружающих, преследовались государством и церковью, порицались обществом. В революционный период они вырвались на поверхность. Почему так произошло – вопрос вопросов.

О причинах крестьянской революции в России первой трети XX в. рассуждает известный историк-аграрник В.В. Бабашкин. Он обобщил основные результаты исследовательского проекта «Крестьянская революция в России 1902 – 1922 гг.» и основное внимание сосредоточил на роли крестьянства в революционном процессе. Автор реанимирует историографический тезис об отсутствии в России накануне «Великого Октября» «капитализма в западном понимании этого слова» и о ведущей роли в революционных событиях самого антикапиталистического сословия – общинных крестьян⁶.

Действительно, о каком капитализме в чистом виде может идти речь, если большинство крестьян по-прежнему испытывали полуфеодальное давление со стороны бывших владельцев, государства, разбогатевших общинников? Скажем, в Области войска Донского, где капиталистиче-

ские отношения получили большее распространение, многие крестьяне вынужденно арендовали землю казаков для прокормления собственных семей, а не для получения прибыли. Казаки же своей поголовной военной службой несли фактически феодальные (вассальные) повинности государству. Распространение на коренных донских крестьян всеобщей воинской повинности, по мнению самих крестьян, ставило их вровень с казаками. Обеспеченность крестьянских хозяйств землей была в 3–4 раза меньше, чем казачьих, поэтому они стали требовать уравнивания в правах с другими сословиями. Однако это произойдет слишком поздно: только 2(15) декабря 1917 г. атаман А.М. Каледин решился на создание паритетного войскового правительства. А Большой войсковой круг примет «Положение о принудительном отчуждении частновладельческих (помещичьих, офицерских, дворянских и др.), церковных и монастырских земель в войсковой земельный фонд» только в августе 1918 г. Отметим, что речь не шла о национализации – предполагалась раздача земли мало-земельным казакам и коренным донским крестьянам (при условии, что они не участвовали в борьбе против казачества). Иногородние крестьяне в законе не упоминались вообще, и, как следствие, эта самая революционно настроенная часть крестьянства продолжила борьбу за землю.

В этой связи отметим: заключение В.В. Бабашкина о том, что «в пореформенное сорокалетие максималистски понимаемая крестьянами свобода превращается у них в революционную идею»⁷ – абсолютно справедливо. Однако, борясь с властью, крестьяне не знали, что с ней делать, впрочем, как и другие революционные силы. Отсюда – решение сиюминутных задач, которые носили ситуативный характер. Главное – земля. Отсюда – массовое распространение самозавлада дворянских земель без ликвидации политического строя. А вот борьба политических сил за крестьян в годы революции – это, скорее, стремление получить контроль над армией. Как в период Смуты начала XVII в. законные цари и самозванцы боролись за влияние на казаков и земское ополчение, а в эпоху дворцовых переворотов придворные группировки – за расположение гвардии, так в 1917 г. развернулась «битва за бойца», победу в которой одержали большевики.

Крестьянин сам по себе не опасен – опасен вооруженный крестьянин, ибо эмоционально-психологический настрой «человека с ружьем» не приемлет компромиссов. Стремясь решить все «здесь и сейчас», он одним выстрелом способен развязать кровавую бойню. Отсюда – непредопределенность Гражданской войны, ибо слишком радикальные шаги крестьян (выраженные эсерами, а затем большевиками) изначально вели к формированию антибольшевистского лагеря из весьма разрозненных социальных и политических групп (монархисты, националисты, казаки, помещики, офицеры). То, насколько серьезными были эти противоречия, на примере временного и непрочного союза Добровольческой армии и

Донского казачьего войска в конце 1917 – начале 1918 гг. подробно проиллюстрировал С.В. Карпенко: «Этот неудачный и трагический опыт показывает, сколь глубоким был революционный раскол российского общества, столь всеобщим – развал российской государственности, сколь неодолимым – разрушительный напор новой русской смуты»⁸.

«Архитектура взаимоотношений крестьянства и власти в России», «неудобный» для «отечественного исторического сообщества» аграрный вопрос применительно к 1917 г. стали объектом внимания Д.И. Люкшина. В последние два десятилетия аграрной историей, по его оценке, занимались больше по инерции ученые старшего (еще советского) поколения, и – надо отдать им должное – весьма продуктивно. Падение идеологического гнета привело к отказу от классово-экономического детерминизма в рассмотрении крестьянской проблематики, а накопленный статистический и фактологический материал позволил выдвинуть новые гипотезы и теории. Среди молодых историков научный интерес к крестьяноведению существенно ниже, что обусловлено, главным образом, многообразием новых направлений исторического познания. (В этой связи отметим, что в рамках научного проекта «Народ и власть...» также осуществляется комплексная попытка возрождения и развития лучших традиций отечественного крестьяноведения⁹). Автор констатирует, что современное крестьяноведение больше опирается на накопленную в предшествующий период источниковую базу, чем расширяет ее за счет ввода в научный оборот новых архивных документов.

Интересен вывод Д.И. Люкшина о роли дезертиров в революционном движении начала XX в.: «именно дезертиры и отпусники выступили зачинщиками первых крестьянских беспорядков»¹⁰. Это объясняет высокую степень деморализации русской армии в период Первой мировой войны, что стало важным фактором распространения революции. В центральных губерниях страны сил Отдельного корпуса жандармов для ликвидации крестьянских выступлений явно не хватало, а широко привлекать к подавлению «бунтов» армейские части власти побаивались. Так, в Области войска Донского эти функции выполняли казаки, и их действия только обостряли и без того накаленные донельзя сословные противоречия с крестьянством, во многом обусловившие жестокость Гражданской войны на Дону.

В.П. Булдаков посвятил свою работу проблеме мифологизации революций в историографическом контексте. Главная причина, порождающая мифотворчество, по мнению автора, кроется в том, что «историю всякой революции следовало бы изучать с позиций синергетики, а не прогрессистского видения истории, твердо усвоив, что в сложноорганизованных системах все взаимосвязано» и что видовая особенность российской историографии заключается в неумении отпочковаться от

мифа¹¹. Действительно, в России как никакой другой стране история стала «служанкой идеологии», и эту ее функцию осуществляют сотни (если не тысячи) «прислужников». В.П. Булдаков рассматривает некоторые наиболее одиозные «труды», в частности многочисленные публикации М. Веллера и В. Мединского.

Вывод В.П. Булдакова о том, что «действует целая PR-фабрика по производству государственно востребованных мифов»¹², подтверждают и работы других авторы проекта.

Собственно феноменологии революции посвящена работа П.П. Марченя. В свойственной автору манере выделены и обобщены «историографически недоосмысленные пласты» русской революции (по каждому из них оригинальная авторская точка зрения представлена в отдельных публикациях: женское начало в Русской смуте¹³, пьяные погромы в 1917 г.¹⁴, российская многопартийность как фактор смуты¹⁵, массовое правосознание как доминанта смуты и революции в России¹⁶).

Автор не объяснил критерии вычленения этих направлений, не обозначил иерархичность их влияния на революционные события. Он лишь констатировал, что факторов смуты и революции много больше. На наш взгляд, этот перечень следует дополнить как минимум еще двумя: переоценка традиционной системы ценностей и деморализация армии.

Думается, стоит согласиться с мнением П.П. Марченя о том, что Февраль и Октябрь не только остаются полюсами общественно-политической жизни России в ее смутные времена – они задают смысловые координаты, в рамках которых строится современное «проективное россиеведение», вычерчиваются различные варианты траектории «Русского пути»¹⁷.

О необходимости теоретического обоснования революционности России рассуждает А.И. Фурсов, считая, что «научный факт есть эмпирический факт, включенный в рамки той или иной теории; вне теории есть только эмпирические наблюдения, за которыми скрывается... плохая теория»¹⁸. По его мнению, «слабое понимание собственной природы, собственного народа («общества») и отношений с ним – характерная черта всех исторических систем власти в России»¹⁹. Очевидно, что ключевой – и притом «бездонной» – проблемой здесь является раскол между элитой и обществом, «правителями» и «управляемыми», «верхами» и «низами».

Историческим альтернативам революции посвящена работа А.В. Чертищева. Он предлагает пересмотреть историческую оценку революции 1905–1907 гг. Соглашаясь с мнением Ю.С. Пивоварова, автор считает, что главная удача этой революции состояла том, что она завершилась компромиссом между властью и обществом, но не победой одной из этих двух

сил. Правда, возникает сомнение в том, что «это был в высшей степени взаимовыгодный компромисс власти и общества»²⁰, так как дальнейшее развитие событий показало неспособность власти решить назревшие проблемы эволюционным путем. (Попутно отметим, что отдельными авторами проекта «Народ и власть...» вся Первая русская революция и последующее развитие революционных событий рассматриваются в контексте органического антагонизма либеральной альтернативы и крестьянской России²¹). Ограниченный и противоречивый характер преобразований (прежде всего в аграрной сфере) и привел Россию к революции 1917 г.

В итоге аграрной реформы П.А. Столыпина даже в относительно хорошо обеспеченной землей Области войска Донского не только не прекратилась, но еще более обострилась борьба против помещиков в сочетании с борьбой между крестьянской беднотой и кулачеством (так, в 1915 г. в поселке Больше-Каменском Таганрогского округа имел место массовый погром кулацких хозяйств). Политика насильственного разрушения общины и насаждения хуторских и отрубных хозяйств наталкивалась на растущее сопротивление крестьян Дона. В ряде мест они не допускали землемеров к проведению землемерных работ, выступая против несправедливого выделения отрубов, которое лишило сельские общества лугов, водоемов, свободного проезда. Это вело к агрессии против отрубщиков и хуторян, в которых крестьяне видели главный источник своих бед.

Столыпинская реформа в полной мере не сгладила остроты аграрного вопроса. Около четверти всех хозяйств Области войска Донского не имели посевов, около трети не имели сельскохозяйственного инвентаря, а примерно 1/6 часть – не имели никакого скота. Казачество, в сравнении с крестьянами, находилось в лучшем положении, но и среди казаков было немало бедняцких хозяйств. Более того, 21 % крестьянских хозяйств принадлежало более 75% всей надельной и купчей земли крестьян, тогда как на долю 79 % хозяйств приходилось менее 25% всей земельной площади, принадлежавшей крестьянскому населению области. По данным переписи 1917 г., 15 652 (10,23 %) донских крестьянских хозяйств были безземельными, 68 тыс. (44,44 %) имели менее 4 дес. земли, 39 тыс. (25,49 %) имели 4–10 дес., 30 348 (19,83 %) – от 10 до 100 дес. земли²². В сознании крестьянина земля – кормилица. Поэтому смысл его жизнедеятельности заключается в развитии хозяйства любыми доступными средствами, в том числе противозаконными, но воспринимаемые крестьянским миром как справедливые.

По подсчетам Л.И. Футорянского, в волостях приписных крестьян без земли насчитывалось 13 446, посторонних – 20 320 хозяйств, а всего

на Дону было 86 590 безземельных хозяйств. Примерно половина из них не нуждалась в земле и давно занималась разными промыслами (43 295 хозяйств)²³. Войсковая запасная земля составляла 12 807 101 дес. (15,1% всей земли), чиновникам и офицерам принадлежало 1 193 316 дес. (9,3%). И если разделить всю эту землю на количество нуждающихся в ней хозяйств, то получим по 45 дес. на хозяйство. Средняцким хозяйствам требовалось по 22,5 дес. на двор, поэтому земельный вопрос на Дону можно было решить без конфискации станичных земель. Однако на перераспределение помещичьих земель войсковое правительство решится только летом 1918 г.

А.В. Чертищев прав, заключая, что «искусственно задержанная эволюция обязательно превращается в будущую революцию, как и особенности самого эволюционного развития России»²⁴.

Вторая часть сборника представляет собой подробное изложение выступлений на круглом столе «Народ и власть в российской смуте», состоявшемся 23 октября 2009 г. в Институте социологии РАН (ранее материалы этой большой и важной дискуссии публиковались лишь частично²⁵). В ней нашли отражение основные историографические и методологические пробелы изучения революций.

Интересной и требующей трезвого обдумывания представляется позиция П.П. Марчени и С.Ю. Разина по поводу методологии разделения понятий смуты и революции с точки зрения «социологического функционализма»²⁶. Дискуссионным выглядит и их тезис о том, что смуты бывают только в империях, в то время как революции могут происходить в любых государствах²⁷.

Системность революционных кризисов и их всеобъемлющий характер позволяют приступать к их анализу с любой стороны. И достоинство сборника (как и проекта «Народ и власть...» в целом) состоит в том, что в работах многих участников проекта можно найти ответы на поставленные в ходе обсуждения вопросы.

Примечания

¹ Россия и революция: Прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: Сборник научных статей (к 95-летию Февраля – Октября 1917 г.). М., 2012.

Rossiya i revolyutsiya: Proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoy istorii: Sbornik nauchnykh statey (k 95-letiyu Fevralya – Oktyabrya 1917 g.). Moscow, 2012.

² Народ и власть в российской смуте: Сборник научных статей участников Международного круглого стола. М., 2010; Крестьянство и власть в истории России XX века: Сборник научных статей участников Международного круглого стола. М., 2011.

Narod i vlast v rossiyskoy smute: Sbornik nauchnykh statey uchastnikov Mezhdunarodnogo kruglogo stola. Moscow, 2010; Krestyanstvo i vlast v istorii Rossii XX veka: Sbornik nauchnykh statey uchastnikov Mezhdunarodnogo kruglogo stola Moscow, 2011.

³ *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Вместо введения: От авторов научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» // Россия и революция: Прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. С. 10–11.

Marchenya P.P., Razin S.Yu. Vmesto vvedeniya: Ot avtorov nauchnogo proekta “Narod i vlast: Istoriya Rossii i ee falsifikatsii” // Rossiya i revolyutsiya: Proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoy istorii. P. 10–11.

⁴ *Марченя П.П.* «Смута» как проблема отечественной истории: Чему учат системные кризисы России? // История в подробностях. 2010. № 5. С. 86–91.

Marchenya P.P. “Smuta” kak problema otechestvennoy istorii: Chemu uchut sistemnye krizisy Rossii? // Istoriya v podrobnostyakh. 2010. No. 5. P. 86–91.

⁵ *Аксенов В.Б.* Политическая семиосфера и психологическая динамика российского общества в 1914–1917 гг.: От мистификации общественного сознания к революционному психозу // Россия и революция: Прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. С. 34.

Aksenov V.B. Politicheskaya semiosfera i psikhologicheskaya dinamika rossiyskogo obshchestva v 1914–1917 gg.: Ot mistifikatsii obshchestvennogo soznaniya k revolyutsionnomu psikhozu // Rossiya i revolyutsiya: Proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoy istorii. P. 34.

⁶ *Бабашкин В.В.* Два большевизма, или место Октября в Русской революции // Россия и революция: Прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. С. 37–38.

Babashkin V.V. Dva bolshevizma, ili mesto Oktyabrya v Russkoy revolyutsii // Rossiya i revolyutsiya: Proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoy istorii. P. 37–38.

⁷ Там же. С. 52–53.

Ibidem. P. 52–53.

⁸ *Карпенко С.В.* Добровольческая армия и Донское казачье войско в конце 1917 – начале 1918 гг.: Несостоявшийся союз // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. С. 170; *Карпенко С.В.* Добровольческая армия и казачий «Юго-Восточный союз»: Разные пути возрождения России // Обозреватель–Observer. 2012. № 10. С. 118.

Karpenko S.V. Dobrovolcheskaya armiya i Donskoe kazache voysko v kontse 1917 – nachale 1918 gg.: Nesostoyavshiysoyuz // Rossiya i revolyutsiya: proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoy istorii. P. 170; *Karpenko S.V.* Dobrovolcheskaya armiya i kazachiy “Yugo-Vostochnyy soyuz”: Raznye puti vrozhdeniya Rossii // Obozrevatel–Observer. 2012. No. 10. P. 118.

⁹ *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»: 1-я часть // Власть. 2011. № 8. С. 161–171; *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»: 2-я часть // Власть. 2011. № 9. С. 173–184; *Марченя П.П.* Крестьянин и Империя: есть ли смысл у «русского бунта»? // История в подробностях. 2010. № 6. С. 88–96; *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Крестьянство и власть как «две России» // Обозреватель–Observer. 2011. № 9. С. 18–25; *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Крестьянский вопрос как фактор российских реформ и революций // Обозреватель–Observer. 2011. № 11. С. 30–44; *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Крестьяноведение как россиеведение (дискуссии круглого стола «Крестьянство и власть в

истории России XX века») // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 355–360; *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Аграрный вопрос и русская революция: Первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Российская история. 2012. № 5. С. 217–219.

Marchenya P.P., Razin S.Yu. Mezhdunarodny krugly stol “Krestyanstvo i vlast v istorii Rossii XX veka»: 1-ya chast // *Vlast*. 2011. No. 8. P. 161–171; *Marchenya P.P., Razin S.Yu.* Mezhdunarodny krugly stol “Krestyanstvo i vlast v istorii Rossii XX veka”: 2-ya chast // *Vlast*. 2011. No. 9. P. 173–184; *Marchenya P.P.* Krestyanin i Imperiya: est li smysl u “russkogo bunta”? // *Istoriya v podrobnostyakh*. 2010. No. 6. P. 88–96; *Marchenya P.P., Razin S.Yu.* Krestyanstvo i vlast kak “dve Rossii” // *Obozrevatel–Observer*. 2011. No. 9. P. 18–25; *Marchenya P.P., Razin S.Yu.* Krestyanskiy vopros kak faktor rossiyskikh reform i revolyutsiy // *Obozrevatel–Observer*. 2011. No. 11. P. 30–44; *Marchenya P.P., Razin S.Yu.* Krestyanovedenie kak rossievedenie (diskussii kruglogo stola “Krestyanstvo i vlast v istorii Rossii XX veka”) // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2012. No. 3. P. 355–360; *Marchenya P.P., Razin S.Yu.* Agrarnyy vopros i russkaya revolyutsiya: Pervoe zasedanie teoreticheskogo seminaru “Krestyanskiy vopros v otechestvennoy i mirovoy istorii” // *Rossiyskaya istoriya*. 2012. No. 5. P. 217–219.

¹⁰ *Люкшин Д.И.* Деревня Семнадцатого года: Сотворение периферии // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. С. 184.

Lyukshin D.I. Derevnya Semnadsatogo goda: Sotvorenie periferii // *Rossiya i revolyutsiya: proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoy istorii*. P. 184.

¹¹ *Булдаков В.П.* Революция и мифотворчество: Коллизии современного исторического воображения // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. С. 60–62.

Buldakov V.P. Revolyutsiya i mifotvorchestvo: Kollizii sovremennogo istoricheskogo voobrazheniya // *Rossiya i revolyutsiya: proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoy istorii*. P. 60–62.

¹² Там же. С. 78.

Ibidem. P. 78.

¹³ *Марченя П.П.* Баба и Смута: К мифу о «не женском лице войны» и прочих социальных бед // История в подробностях. 2012. № 11. С. 82–89.

Marchenya P.P. Baba i Smuta: K mifu o «ne zhenskomo litse voynny» i prochikh sotsialnykh bed // *Istoriya v podrobnostyakh*. 2012. No. 11. P. 82–89.

¹⁴ *Марченя П.П.* «Зеленый змий» на службе «Красной смуты»: Алкоголь и пьяные погромы от Февраля к Октябрю 1917-го // История в подробностях. 2010. № 4. С. 30–43; *Марченя П.П.* Пьяные погромы и борьба за власть в 1917 г. // Новый исторический вестник. 2008. № 1. С. 84–95.

Marchenya P.P. “Zelenyy zmiy” na sluzhbe “Krasnoy smuty”: Alkogol i pyanye pogromy ot Fevralya k Oktyabryu 1917-go // *Istoriya v podrobnostyakh*. 2010. No. 4. P. 30–43; *Marchenya P.P.* Pyanye pogromy i borba za vlast v 1917 g. // *Novy istorichesky vestnik*. 2008. No. 1. P. 84–95.

¹⁵ *Марченя П.П.* Политические партии и массы в России 1917 года: Массовое сознание как фактор революции // Россия и современный мир. 2008. № 4. С. 82–99; *Марченя П.П.* Массы и партии в 1917 году: Массовое сознание как доминанта русской революции // Новый исторический вестник. 2008. № 2. С. 64–78.

Marchenya P.P. Politicheskie partii i massy v Rossii 1917 goda: massovoe soznanie kak faktor revolyutsii // *Rossiya i sovremennyy mir*. 2008. No. 4. P. 82–99; *Marchenya P.P.* Massy i

partii v 1917 godu: Massovoe soznanie kak dominanta russkoy revolyutsii // *Novy istorichesky vestnik*. 2008. No. 2. P. 64–78.

¹⁶ *Марченя П.П.* Изучение массового сознания революционной эпохи 1917 г. в отечественной исторической науке // *Вестник РГГУ*. 2009. № 17. С. 212–227; *Марченя П.П.* О полидисциплинарном подходе к изучению места и роли масс в истории // *Вестник РГГУ*. 2012. № 4. С. 261–275; *Марченя П.П.* Массовое правосознание как фактор русской революции 1917 г. // *История государства и права*. 2010. № 19. С. 20–22.

Marchenya P.P. Izuchenie massovogo soznaniya revolyutsionnoy epokhi 1917 g. v otechestvennoy istoricheskoy nauke // *Vestnik RGGU*. 2009. No. 17. P. 212–227; *Marchenya P.P.* O polidistsiplinarnom podkhode k izucheniyu mesta i roli mass v istorii // *Vestnik RGGU*. 2012. No. 4. P. 261–275; *Marchenya P.P.* Massovoe pravosochnanie kak faktor russkoy revolyutsii 1917 g. // *Istoriya gosudarstva i prava*. 2010. No. 19. P. 20–22.

¹⁷ *Марченя П.П.* Бессмысленность и смысл Русской революции: Февраль и Октябрь в истории России // *Россия и революция: Прошлое и настоящее системных кризисов русской истории*. С. 215; *Марченя П.П.* «Февраль» и «Октябрь» в российском календаре // *Научный диалог*. 2013. № 1. С. 21–34.

Marchenya P.P. Bessmyslennost i smysl Russkoy revolyutsii: Fevral i Oktyabr v istorii Rossii // *Rossiya i revolyutsiya: Proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoy istorii*. P. 215; *Marchenya P.P.* “Fevral” i “Oktyabr” v rossiyskom kalendare // *Nauchny dialog*. 2013. No. 1. P. 21–34.

¹⁸ *Фурсов А.И.* Народ, власть и смута в России: Размышления на полях одной дискуссии // *Россия и революция: Прошлое и настоящее системных кризисов русской истории*. С. 239.

Fursov A.I. Narod, vlast i smuta v Rossii: Razmyshleniya na polyakh odnoy diskussii // *Rossiya i revolyutsiya: Proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoy istorii*. P. 239.

¹⁹ Там же. С. 221.

Ibidem. P. 221.

²⁰ *Чертищев А.В.* Революция: Возможности и реальность сдерживания // *Россия и революция: Прошлое и настоящее системных кризисов русской истории*. С. 268.

Chertishchev A.V. Revolyutsiya: Vozmozhnosti i realnost sderzhivaniya // *Rossiya i revolyutsiya: Proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoy istorii*. P. 268.

²¹ *Разин С.Ю.* Крестьянство Среднего Поволжья и политические партии в революции 1905–1907 гг. // *Новый исторический вестник*. 2008. № 2. С. 57–63.

Razin S.Yu. Krestyanstvo Srednego Povolzhya i politicheskie partii v revolyutsii 1905–1907 gg. // *Novy istorichesky vestnik*. 2008. No. 2. P. 57–63.

²² Наш край: Документы по истории Донской области: XVIII – начало XX века. Ростов н/Д., 1963. С. 302.

Nash kray: Dokumenty po istorii Donskoy oblasti: XVIII – nachalo XX veka. Rostov on Don, 1963. P. 302.

²³ *Футорянский Л.И.* Подворное обследование всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи на Дону в 1917 г. // *Взаимодействие народов и культур на Юге России: История и современность*. Ростов н/Д., 2008. С. 282.

Futoryanskiy L.I. Podvornoe obsledovanie vserossiyskoy sel'skokhozyaystvennoy i pozemelnoy perepisi na Donu v 1917 g. // *Vzaimodeystvie narodov i kultur na Yuge Rossii: Istoriya i sovremennost*. Rostov on Don, 2008. P. 282.

²⁴ *Чертищев А.В.* Указ. соч. С. 277.

Chertishchev A.V. Op. cit. P. 277.

²⁵ *Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю.* Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 1-я часть // *Власть*. 2010. № 4. С. 14–17; *Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю.* Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 2-я часть // *Власть*. 2010. № 5. С. 10–14; *Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю.* Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 3-я часть // *Власть*. 2010. № 6. С. 13–17; *Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю.* Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 4-я часть // *Власть*. 2010. № 7. С. 9–14; *Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю.* Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 5-я часть // *Власть*. 2010. № 8. С. 9–13; *Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю.* Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 6-я часть // *Власть*. 2010. № 9. С. 16–21; *Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю.* «Народ и власть в российской смуте»: Прошлое и настоящее системных кризисов в России // *Вестник архивиста*. 2010. № 3. С. 288–302; *Разин С.Ю.* «Перестройка» и «Смута» на Международном круглом столе «Народ и власть в российской смуте» // *Федерализм*. 2010. № 2. С. 223–234.

Buldakov V.P., Marchenya P.P., Razin S.Yu. Mezhdunarodny krugly stol “Narod i vlast v rossiyskoy smute”: 1-ya chast // *Vlast*. 2010. No. 4. P. 14–17; *Buldakov V.P., Marchenya P.P., Razin S.Yu.* Mezhdunarodny krugly stol “Narod i vlast v rossiyskoy smute”: 2-ya chast // *Vlast*. 2010. No. 5. P. 10–14; *Buldakov V.P., Marchenya P.P., Razin S.Yu.* Mezhdunarodny krugly stol “Narod i vlast v rossiyskoy smute”: 3-ya chast // *Vlast*. 2010. No. 6. P. 13–17; *Buldakov V.P., Marchenya P.P., Razin S.Yu.* Mezhdunarodny krugly stol “Narod i vlast v rossiyskoy smute”: 4-ya chast // *Vlast*. 2010. No. 7. P. 9–14; *Buldakov V.P., Marchenya P.P., Razin S.Yu.* Mezhdunarodny krugly stol “Narod i vlast v rossiyskoy smute”: 5-ya chast // *Vlast*. 2010. No. 8. P. 9–13; *Buldakov V.P., Marchenya P.P., Razin S.Yu.* Mezhdunarodny krugly stol “Narod i vlast v rossiyskoy smute”: 6-ya chast // *Vlast*. 2010. No. 9. P. 16–21; *Buldakov V.P., Marchenya P.P., Razin S.Yu.* “Narod i vlast v rossiyskoy smute”: Proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov v Rossii // *Vestnik arkhivista*. 2010. No. 3. P. 288–302; *Razin S.Yu.* “Perestroyka” i “Smuta” na Mezhdunarodnom kruglom stole “Narod i vlast v rossiyskoy smute” // *Federalizm*. 2010. No. 2. P. 223–234.

²⁶ Россия и революция: Прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. С. 329.

Rossiya i revolyutsiya: Proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoy istorii. P. 329.

²⁷ Там же. С. 328.

Ibidem. P. 328.

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ: ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ

Безвременно ушедшая Валентина Дмитриевна Зимина (1957–2012) – воспитанница Исторического факультета Калининского (Тверского) государственного университета, профессор РГГУ – положила начало изучению Белой государственности в ее современном понимании. Историк неординарно мыслящий, а главное – пишущий, она сформулировала оригинальные теоретические взгляды, разработала и применила новаторские подходы, наметила дальнейшие пути исследования этой сложной, многоплановой проблематики¹.

Выделив из всей «белой тематики» в качестве стержневой проблему государственности Белого движения, она рассматривала ее как продолжение Российской имперской государственности. Анализ огромного фактического материала по всем «белым» территориям бывшей Российской империи, глубокое и системное выявление общего и особенного, целеустремленный поиск ответа на главный вопрос – почему Белое движение потерпело поражение? – позволили ей сделать исключительно важные обобщения.

Одно из них состоит в том, что «модель белого государственного устройства России сочетала в себе тоталитарные и демократические начала», а это «создавало широкое поле для политических комбинаций». А с другой стороны, спецификой Белого движения стало «чрезвычайное многообразие политических режимов как результат различия их социально-сословных обликов, технологии захвата и удержания власти, а также идеологического оформления»².

Всей своей многолетней плодотворной работой В.Д. Зимина воплотила в реальность не раз высказанное ею предположение (скоро ставшее, по сути, уверенным утверждением), что изучение истории Белого движения, как и вообще истории Гражданской войны, «должно идти поступательно: от режима к региону и далее к России в целом. Это путь не от простого к сложному – “по прямой”, а скорее “по спирали”, поскольку конечная цель заключается в определении закономерностей развития политического процесса в России. И вряд ли такой процесс можно схематизировать с учетом всех его местных и общероссийских особенностей»³.

Так ею был задан «вектор» изучения государственности Белого движения на перспективу. И этот «вектор», как ни покажется это кому-то обидным, разом отбросил на обочину многие работы, появившиеся в 1990-е гг., на волне почти массового интереса к Белому движению, – как «тонкие», так и «толстые», – с разной степенью придыхания живописавшие о «героизме белых воинов» и «трагедии Белой гвардии», о «терни-

стом пути» белых вождей, будто бы «далеких от политики», о символах и униформе белых войск... Но только не о политических режимах, законодательстве, правительствах, военном и гражданском аппаратах управления, внутренней политике, «экономическом порядке» и прочих подобных «скучных материях». Впрочем, время для беспристрастного критического анализа постсоветской историографии Белого движения, кажется, еще не наступило.

Так или иначе, дело В.Д. Зиминной продолжил Василий Жанович Цветков, ныне один из авторитетных историков Белого движения и Гражданской войны.

Он начинал свою исследовательскую работу в конце 1980-х гг., будучи аспирантом Исторического факультета Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. Начиная с изучения аграрно-крестьянской политики белогвардейских режимов. Особую, благотворную роль в становлении молодого историка сыграло научное руководство профессора Эрнста Михайловича Щагина, одного из ведущих отечественных историков-аграрников.

Первые статьи В.Ж. Цветкова, опубликованные в начале и середине 1990-х гг., были посвящены аграрно-крестьянской политике правительств генералов А.И. Деникина и П.Н. Врангеля. Они сразу обратили на себя внимание широким использованием новых, только что ставших доступными источников, основательностью и системностью анализа, взвешенностью оценок⁴.

Кандидатская диссертация по этой теме, защищенная в 1996 г., своим высоким уровнем предвещала скорое, почти уже состоявшееся, появление сильного историка-аграрника Гражданской войны.

Однако В.Ж. Цветков свернул на иной путь: значительно расширив круг изучаемых проблем, он в качестве «ударных» выбрал идеологическую и политико-правовую составляющие Белого движения. Сделал он это, исходя из верной в общем-то посылки: нельзя изучать ни аграрно-крестьянское, ни какое другое ключевое направление внутренней политики белых правительств, не исследовав трансформации идеологии, права и политических институтов Белого движения. Причем не в отдельном регионе, а сравнивая их между собой, выявляя общие закономерности и региональную специфику. В частности, его внимание привлекли торговля и продовольственное дело на Белом юге, собственно вооруженные силы белых диктатур юга России, формирование и снабжение которых в значительной мере зависели от взаимоотношений генеральской власти и южнорусского крестьянства. В конце 1990-х – 2000-х гг. им были опубликованы работы, в той или иной мере освещавшие эти мало или совсем не исследованные тогда сюжеты⁵.

Следующим этапом научного творчества В.Ж. Цветкова стали объемные, в 30–40 печатных листов, сугубо научные, безо всяких «научпопов-

ских вольностей», книги о политических «структурах» Белого движения во всех регионах его «базирования» и существования. Написаны они были в ходе долгой и кропотливой работы над докторской диссертацией. Долгой в сравнении с иными нынешними докторами-«скороспелками» (для уточнения смысла в нашем контексте прибегнем к помощи незабвенного В.И. Даля: «Человек, ранее обычного созревший... кичливостью своею»). Первые две, охватывающие период с конца 1917 до конца 1919 гг., были опубликованы до защиты докторской, состоявшейся в июне 2010 г. (одним из оппонентов была В.Д. Зимина)⁶.

В.Ж. Цветков взялся за этот нелегкий, почти неподъемный труд, требующий как использования огромного массива опубликованных и архивных материалов, так и скрупулезного их анализа, ставя перед собой цель, по большому счету, вписать политическую историю Белого движения в военную. А именно: выявить, как политики и военные пытались изменить организацию и методы управления занимаемой территорией, чтобы приспособиться к переменчивой военной обстановке и вместе с тем создать прочный и действенный механизм власти, способный не только «одолеть большевизм», но и стать основой для «возрожденной», то есть «очищенной» от большевизма, России.

Как видно из текста первых двух книг, сущностной чертой Белого движения В.Ж. Цветков считает его стремление к «самоопределению» в качестве государственно-правовой альтернативы Советской власти, возникшей, как были убеждены многие белые политики и идеологи, в условиях «пренебрежения правом». Впервые в отечественной историографии он подошел к процессу формирования политических «структур» и политического курса Белого движения, исходя из той посылки, что оно являлось самостоятельной военно-политической общностью, но при этом – неотъемлемой частью всего антибольшевистского движения во время Гражданской войны.

В обеих книгах В.Ж. Цветков последовательно, по разным регионам бывшей империи, анализирует, прежде всего, образование и деятельность центрального и местного аппаратов управления (исполнительной, законодательной и судебной властей), политико-правовой статус органов власти и управления, оценивает степень их традиционности, правопреемственности и новаций. Это логично дополняется рассмотрением роли общественно-политических надпартийных объединений (Всероссийского национального центра, Совета государственного объединения России, Союза возрождения России, Омского блока в Сибири, Объединения несоциалистических организаций на Дальнем Востоке и других) и партийных организаций (прежде всего кадетской партии и «новообразованных пропартий») в формировании политического курса белых правительств. Наконец, он раскрывает эволюцию политического курса белых правительств во взаимосвязи с изменением форм правления и государственного устрой-

ства, а также с попытками разрешения таких важных политико-правовых вопросов, как избирательная система, форма диктаторского управления, создание коалиционных органов власти.

Достоинства этих двух книг очевидны. Но, как известно, достоинства неизбежно продолжают недостатками. С разговором о них, однако, повременим.

Третью книгу В.Ж. Цветков уже после защиты докторской диссертации доработал и разбил на две части, первая из которых увидела свет в начале 2013 г. Таким образом, он, по сути, начал и успешно завершает работу над монографией-многотомником, что стало крайне редким, практически исключительным явлением в российской историографии.

В первой части третьей книги В.Ж. Цветков системно рассматривает, как, при сохранении политических программ, в конце 1919 – начале 1920 гг. на антибольшевистских территориях белые диктаторы и их правительства отказывались от форм государственной власти, основанных на «Положении о полевом управлении войск в военное время», как вместо совещательно-распорядительных органов создавались представительные органы власти, «близкие к нуждам населения», как шло избавление гражданской власти от «засилья военных». В этом он видел цель своего труда, и достижению этой цели он подчинил решение всех конкретных исследовательских задач, строго придерживаясь проблемно-хронологически-территориального принципа, что, несомненно, следует отметить как большое достоинство.

Оценивая эту первую часть третьей книги, мы ограничимся двумя регионами, самыми «показательными», – востоком и югом России.

В.Ж. Цветков правомерно и обоснованно начинает рассмотрение политико-правовых и «структурных» перемен с Сибири, где к ним приступили раньше, чем на юге России. Им излагаются и оцениваются, прежде всего, проекты и идеи создания некоего подобия «представительства» (Государственного Земского совещания), созданного на основе земских и других общественных организаций, которое избегало бы конфронтации с Омским правительством и наладило бы с ним деловое сотрудничество. Далее – политические взгляды отдельных высших чинов армии и гражданской администрации. И, наконец, идеи и проекты различных общественных деятелей относительно тогдашнего и будущего государственного устройства Белой Сибири.

С особой обстоятельностью и всесторонностью – и в этом состоит другое достоинство книги (как и многотомника в целом) – В.Ж. Цветков разбирает «смену курса», произошедшую после эвакуации Омска. По его мнению, прочно обоснованному множеством источников, со стороны Колчака они сводились к «переменам в звеньях управленческой модели» и кадровым перестановкам на правительственном уровне. Прежде всего – к созданию Верховного совещания при правителе, которое в условиях

эвакуации и разрыва связей между различными элементами аппарата военного и гражданского управления сыграло роль фактора распада власти верховного правителя, в частности – правительственного кризиса и отставки П.В. Вологодского. С другой стороны, как показывает автор, резко усилился нажим на правительство со стороны оппозиционных сил, либеральных и социалистических, которых уже не удовлетворяла «смена лиц»: они начали настаивать на радикальной реорганизации правительственного аппарата и смене политического курса.

Завершается разбор «смены курса» анализом замыслов и проектов нового председателя Совета министров В.Н. Пепеляева по реформированию представительной власти, правительственного и центрального аппаратов гражданского управления. Они были призваны «расширить сотрудничество власти и общества» (включая оппозиционную общественность). Далее рассматриваются проекты, предлагавшиеся другими министрами. И, наконец, оцениваются реальные шаги по реформированию (в частности, по разделению военной и гражданской властей). В их оценке автор согласился с Н.В. Устряловым, назвавшим их «административной революцией Пепеляева» на том основании, что все свелось лишь к перемещениям чиновников, не повлияв на политический курс.

«Сибирский» раздел книги завершается выводами, которые В.Ж. Цветков свел к двум «парадоксальным порочным кругам». С одной стороны, чем чаще и громче правительство заявляло об «отказе от диктатуры» и «союзе с демократией», тем явственнее оппозиция видела в «административной революции» признак слабости и развала власти. С другой, чем больше говорилось о «разделении властей» (военной и гражданской), о том, что необходимо как-то подчинить военную власть гражданской, чем решительнее делались первые попытки к тому, тем «слабее становились белый фронт и тыл»⁷.

Выявленная В.Ж. Цветковым парадоксальность, то есть противоречие «обыденному» здравому смыслу, в этих «порочных кругах», конечно, требует преодоления. Проще говоря – основательного анализа и объяснения. Но сам он, похоже, отложил решение этой сложной задачи до следующих своих работ (а возможно, предполагает, что решение ее – тяжкий удел уже его последователей).

В данном же издании авторский интерес, предмет исследования резко смещены в сторону эволюции и реформ «политической модели российского Белого движения» и его конкретных «структур». Причем интерес этот осознанно и целеустремленно сужен до «проектно-правого поля», до идей, предложений и «проектотворчества» правительственных и общественных «деятелей». И за границы этого поля В.Ж. Цветков старается не выходить ради глубины, системности анализа. В результате за пределами этих четко очерченных границ остался конкретный аппарат военного и гражданского управления, осталась «армия» управленцев, чиновников, которые являлись

«плотью и кровью» тыловой системы снабжения и обслуживания войск Колчака. Между тем, по большому счету, от действий «армии» чиновников (в военной форме и статской) исход боевых операций на Восточном фронте зависел в ненамного меньшей степени, чем от армий полевых.

В этих соображениях – ни тени упрека автору: работа в этом направлении – дело исключительно сложное, трудоемкое и объемное, как всякое серьезное «госучрежденческое» исследование. Это – именно соображения относительно продолжения, развития многотомника В.Ж. Цветкова.

Думается, в будущем при расширении поля исследования за счет включения в него чиновничества правительственного и центрального (министерского) аппаратов диктаторской власти Колчака появится возможность лучше понять, почему «политические перемены в тылу» столь пагубно сказались на фронте. Рассмотрение качественного состава чиновничества, его отношения к происходящему на фронте и в тылу, мотивации и эффективности его деятельности – не единственный, конечно, но крайне важный способ раскрыть столь многоплановое и многослойное явление, как действительность государственного строительства в целом и результативность конкретных реформ государственного устройства.

Освещение «политических перемен» на Белом юге, необходимость которых, как и на Белом востоке, была осознана из-за поражений на фронте и роста крестьянского повстанчества в тылу, В.Ж. Цветков начинает с обострения конфликта между главным командованием ВСЮР и казачьими органами власти Кубанского края. Рассматривает он его исключительно в «нормотворческом» и «государственно-структурном» ключе, сделав упор на вопрос «суверенности» Кубани.

Экономическая, снабженческая почва этого конфликта осталась за рамками исследования (даже не представлена хотя бы в общих чертах). Хотя реально, на наш взгляд, за спорами о «разграничении сфер компетенции» и мере «суверенности» Кубани стояла жесткая борьба за право распоряжаться ее богатыми хозяйственными ресурсами: за их счет можно было снабжать продовольствием и промтоварами (закупленными на внешних рынках в обмен на вывозимое сырье) не только ВСЮР, но и население занимаемых губерний «до Москвы». И без выявления причинно-следственных связей между «экономикой» и «политикой» вряд ли можно полноценно анализировать «нормотворческую» сторону «Кубанского действия». Совершенно прав был Кубанский атаман А.П. Филимонов, написавший Деникину (его письмо цитирует автор) о том, что «взяточничество, спекуляция и т.п. грехи разъедают нашу жизнь и жизнь армии неизмеримо больше», чем кубанские «самостийники», что они – «более опасные и гнусные явления нашего времени»⁸.

В следующем разделе В.Ж. Цветков рассматривает упразднение Особого совещания при главкоме ВСЮР в ноябре–декабре 1919 г. Он обстоятельно разбирает записку Н.И. Астрова и предложения Н.В. Савича, где

содержались соображения о необходимости разделения исполнительной и законодательной властей, превращения Особого совещания в полноценное правительство ради повышения авторитета и влияния среди населения. Деникин, однако, предпочел проект А.И. Фенина, который предложил упразднить Особое совещание, вызывавшее уже всеобщее недовольство, и заменить его правительством при главкоме.

Разбирая эту реорганизацию, В.Ж. Цветков тщательно «выплетает» ее из политической борьбы между правыми и либералами, ибо политические сюжеты «вынесены» им в самостоятельные разделы. Насколько это целесообразно – можно поспорить, но так или иначе он констатировал, что «проведенные изменения не наладили работу в нужном режиме», объясняя это прежде всего нахождением Деникина и правительства в разных местах и обстановкой поражений и отступления⁹.

На наш взгляд, если смотреть на суть дела, статус и компетенция правительства как исполнительного органа при военном диктаторе-законодателе не изменились, а отделение исполнительной власти от законодательной было чисто «бумажным». К тому же председателем правительства был назначен генерал А.С. Лукомский, который председательствовал в Особом совещании. То есть, по сути, произошла лишь «смена вывески». Однако автор, по аналогии с Белой Сибирью, назвал произошедшее на Белом юге «административной революцией» на том основании, что реорганизация, не меняя политического курса, была нацелена на спасение положения на фронте, а также на создание «более эффективной системы “оперативного руководства”»¹⁰. Последняя формулировка автора представляется нам слишком громкой: «смена вывески» – все же этого мало, чтобы повысить эффективность государственного управления.

Логичным продолжением стали разделы о создании и устройстве «Южно-русской власти» как компромисса между главным командованием ВСЮР и властями казачьих областей Дона, Кубани и Терека в январе 1920 г., о формировании Южно-русского правительства. Они отличаются большей обстоятельностью и детальностью, что вполне оправдано: эта страница истории Белого движения до сих пор мемуаристами была освещена лучше, чем историками. Создание и работа Верховного круга Дона, Кубани и Терека рассматриваются как «структурно», так и, что особенно ценно, в контексте политической борьбы (как внутри казачества, так и между сторонниками главного командования и казаками), во взаимосвязи с колебаниями политических настроений «правлящих кругов» этих казачьих областей. Естественно, основное внимание уделено разработке Верховным кругом «новой модели власти», «модели управления», основанных на союзе казачьих государственных образований, стремившихся отделиться от России, раз на большей части ее территории утвердилась «Совдепия».

В.Ж. Цветков показывает, как поражения и отступления ВСЮР вынудили Деникина уступить «казачьей демократии» в вопросе о конструи-

ровании власти, как шаг за шагом он делал эти уступки, завершившиеся введением в действие «Положения о Южно-русской власти», созданием Законодательной палаты «из представителей населения» и коалиционно-го Южно-русского правительства, в котором большинство «портфелей» досталось казакам и деятелям земского и городского самоуправления (председатель – донец Н.М. Мельников). На основе глубокого анализа документов, явившихся итогом компромисса между главным командованием ВСЮР и руководством казачьих областей, считая эти документы важными «правовыми памятниками» и постоянно проводя параллели с Белой Сибирью, он обоснованно пришел к выводу: на Белом юге «впервые был выработан и начал осуществляться на практике парламентский вариант управления» вместо диктатуры главкома¹¹.

Подводя итоги «политико-правовых преобразований в системе управления» на Белом юге с ноября 1919 по март 1920 гг., В.Ж. Цветков уверенно предположил, что «Южно-русская власть» вполне могла послужить основой создания «будущей Всероссийской власти». Прежде всего потому, что, с одной стороны, «взаимодействие с государственными структурами казачества придавало этой модели больше демократизма», с другой – в этой модели «общегосударственные позиции возобладали над краевыми»¹².

Две трети объема 500-страничной первой части третьей книги отданы Белому Крыму и всей Белой Таврии, то есть последней на юге России военной диктатуре – генерала П.Н. Врангеля. Эти разделы отличает особенно глубокий, обстоятельный, системный анализ (что в минувшие времена не без высокопарности именовалось «капитальностью») «военно-политической структуры» и «эволюции политического курса».

Как показывает В.Ж. Цветков, в феврале–марте 1920 г. многие военные и политические факторы и обстоятельства вызвали «кризис доверия» к власти Деникина, обострение конфликта между Деникиным и Врангелем, активизацию заговорщической деятельности Врангеля и его сторонников. Все это закономерно создало предпосылки для смены главкома. Детальный (хотя и несколько формальный, отстраненный от человеческих качеств, психологии и «задних мыслей» его участников) разбор заседания Военного совета завершен выводом, что смена главкома произошла строго в традициях военного управления, без какого-либо участия всего два месяца назад созданных на Белом юге «гражданских инстанций» – представительного и правительственного учреждений. Сам автор склонен объяснить это их нерабочим состоянием на тот момент. Но дело, думается, в ином: командование изначально относилось к ним как к вынужденной уступке «казачьей демократии» ради подъема казачества и перелома на фронте, а раз они не оправдали этих расчетов – попросту забыло о них как о чем-то совершенно бесполезном, а то и вредном.

Рассмотрев создание Врангелем Совета при главкоме как правительственного органа и новых центральных управлений, В.Ж. Цветков расценивает это как шаг Врангеля к единоличной диктатуре и как «сокращение аппарата управления», предпринятое в целях «повышения эффективности работы». Если первое очевидно и спорить с этим не приходится, то второе, на наш взгляд, сильно приукрашивает картину: деникинский центральный аппарат гражданского управления, а отчасти и военного, после эвакуации в Крым был совершенно дезорганизован, развалился, так что «повышать» было совершенно нечего. Реально речь шла о поспешном спасении «осколков разбитого вдребезги» путем сведения близких отраслей управления под власть одного начальника.

Охарактеризовав состав правительства Врангеля, В.Ж. Цветков пришел к убедительному выводу: профессионализмом оно «не многим уступало» предшествующим белым правительствам, однако «превосходило их по части способности к эволюции взглядов под влиянием изменившейся обстановки»¹³. И вывод этот убеждает в правоте тех, и прежде всего самого автора, кто считает, что реформы Врангеля не сводились к социальной демагогии, «словесному социальному лавированию», а задумывались прежде всего ради реального социально-экономического и политико-морального результата, и только во вторую очередь – ради того, чтобы «произвести впечатление».

Исследуя далее «процесс создания политических структур», В.Ж. Цветков рассматривает его основные «звенья»: апрельское соглашение и июльский договор Врангеля с атаманами и правительствами казачьих войск Дона, Кубани, Терека и Астрахани, которыми была установлена верховная власть главкома над казачьими «государственными образованиями» (с сохранением «полной независимости в их внутреннем устройстве и управлении»), включение глав казачьих властей в Совет при главкоме, принятие на себя Врангелем нового титула «Правитель юга России» и переименование Совета при главкоме в Правительство юга России при сохранении его «совещательного» статуса при «Правителе», реформы местного управления и самоуправления, организационные перемены в сфере военной и гражданской юстиции.

Относительно правительства Врангеля В.Ж. Цветков выдвигает интересное и небесспорное предположение. А именно: в случае успешного продвижения Русской армии через южнорусские губернии к центру России оно могло эволюционировать как путем расширения состава за счет руководителей других антибольшевистских сил, так и в направлении «нового органа представительной власти». При этом сохранялся бы диктаторский характер власти Врангеля. С другой стороны, само по себе расширение занимаемой территории вело бы к усложнению управленческих функций и расширению полномочий правительства (добавим от себя: и соразмерному, а то и несоразмерному «разбуханию» правительственного аппарата)¹⁴.

Конечно, неблагоприятное это занятие – оценивать первую часть книги, не прочитав второй: ведь там могут быть раскрыты как раз те сюжеты, отсутствие которых в первой части бросается в глаза как недостатки и вызывает желание покритиковать автора, поспорить с ним. Но так уж сложилось: первая часть какое-то время будет «жить своей жизнью», без своего продолжения и завершения.

А потому еще раз выскажемся относительно отсутствия в книгах В.Ж. Цветкова освещения – хотя бы в самых общих чертах, в «первом приближении» – некоторых важнейших составляющих Белой государственности (хотя внешней политике правительства Врангеля автор уделил очень большое внимание). Мы избегаем слов «недостатки» и «недоработки», поскольку в данном случае они просто неуместны. Это будет справедливо трактовать иначе: сознательное авторское намерение на данном этапе работы «отвлечься» от этих составляющих, создать прочную политико-правовую основу для системного изучения Белой государственности, а уже потом двигаться дальше в этом направлении.

Когда-то в одном из писем нам В.Ж. Цветков так сформулировал свой подход: «В правительственных кабинетах “мозги работали” и работали именно потому, что вплоть до осени 1922-го была надежда и вера, что советская власть не продержится долго, что она рано или поздно падет (чуть ли не сама по себе). И еще потому, что лихорадочно пытались ответить на вопрос, на который не ответили раньше. И ответить именно тогда, когда потребуется “модель власти”, способная провести запланированные (в кабинетах правительств) преобразования. Иными словами, разрыв между «теорией» и «практикой» – типичная черта белых правительств. Поэтому можно изучать «теорию» отдельно от «практики». Потому что кабинетные проекты и реальность отдельно друг от друга – это и есть Белое дело. И так во многом. И в политике, и в экономике. И в аграрной политике. Ну, за исключением земельной реформы Врангеля...»

Разные на этот счет могут быть мнения.

Мы убеждены в том, что без изучения перечисленных ниже составляющих государственности Белого движения, ее «практики» невозможно в полной мере исследовать и оценить ее «теорию», ее политико-правовую основу. И уж тем более – понять, какие государственно-правовые факторы и каким именно образом ослабили белые военные диктатуры перед лицом диктатуры большевиков, не позволили им создать аппарат государственного управления, способный мобилизовать все силы, средства и ресурсы занимаемой территории, необходимые для победы в Гражданской войне.

Выделим три таких составляющих.

Первая: чиновничество, «плоть и кровь» всякой государственности. Именно оно держало в своих руках государственный аппарат белых диктатур сверху донизу. Именно от него зависела работа «приводных ремней» от правительственного аппарата к центральному, а от центрального аппарата

управления к местному. Одновременно с правом «бумажным» существовало и играло куда большую роль «чиновничье право», позволяющее «поворачивать дышло» закона туда, куда требовали интересы чиновничества. Каковы были его интересы и мотивация «канцелярского труда», каковы были его количественные и качественные параметры – это нужно изучать и применительно к каждой белой военной диктатуре, и в сравнительно-историческом плане, ибо в каждом регионе была своя специфика.

Вторая: «офицерское право» (В.Ж. Цветков коснулся момента зарождения этого явления осенью 1917 г., назвав его «пулеметным правом», еще в первой книге¹⁵). Именно оно «регулировало» реальную жизнь белого фронта и его ближнего тыла. Творцы и носители «офицерского права» совершенно игнорировали как политико-правовые установления, прожекты и новации верховной власти, так и «правовое дышло» статского чиновничества, руководствуясь то действительными «интересами фронта», то собственными «шкурными инстинктами».

Третья: экономика, точнее – «экономический порядок». Гражданская война – эпоха, когда, и политика, и стратегия оказались «пленены» экономикой. Когда от состояния экономики и «экономического порядка» в тылу напрямую зависели отношение населения к белой власти, снабжение армии за счет внутренних хозяйственных ресурсов и внешнеэкономических связей, материальное положение и политико-моральное состояние личного состава армии, ее боеспособность в целом (о чем мы не раз писали еще в конце 1980-х – начале 1990-х гг.¹⁶). «Вычленение», «отсечение» экономики от политики и сугубо военной, фронтовой составляющей Белого движения может завести в тупик нового мифотворчества. Какими бы соображениями такой подход ни оправдывался, он равносителен переносу Гражданской войны с грешной земли на облака.

Думается, в сугубо политико-правовом, «конституционном» (вернее – «формально-структурном», «модельном») подходе к государственности Белого движения было бы куда больше смысла, если бы Деникин взял Москву и созвал Учредительное собрание. Или Врангель хотя бы устроил и обустроил независимый от «Совдепии», основанный на рыночной экономике и демократии «остров Крым».

Не ради «дежурных» критических замечаний указываем мы на отсутствие (повторимся: намеренное и оправданное в данном конкретном случае) в книгах В.Ж. Цветкова раскрытия этих составляющих государственности Белого движения. Ясно, что одному исследователю на такой многоплановый труд (да еще с учетом неизбежной проработки сотен богатых фондов региональных архивов от Владивостока до Архангельска и Ростова-на-Дону) и трех жизней не хватит.

Ради другого: помочь молодому поколению историков-«белогвардейцев» прочно встать на фундамент, надежно заложенный В.Д. Зиминой, увидеть серьезные, подлинно научные, а не «актуальные»

(читай – конъюнктурные) исследовательские перспективы. Без этого в наше время, когда историческая наука «заточена» на «соискание» степеней и должностей, слишком велик риск потонуть в болоте «мелкотемья»...

Примечания

¹ *Зими́на В.Д.* Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. Волгоград, 1997; *Зими́на В.Д.* Гражданская война 1918–1922 гг. как политический конфликт в развитии российской государственности // Новый исторический вестник. 2004. № 2(11). С. 258–279; *Зими́на В.Д.* «Белое дело» взбунтовавшейся России. М., 2006.

Zimina V.D. Beloe dvizhenie i rossiyskaya gosudarstvennost v period Grazhdanskoй voyny. Volgograd, 1997; *Zimina V.D.* Grazhdanskaya voyna 1918–1922 gg. kak politichesky konflikt v razvitiі rossiyskoй gosudarstvennosti // Novy istorichesky vestnik. 2004. No. 2(11). P. 258–279; *Zimina V.D.* “Beloe delo” vzbuntovavsheysya Rossii. Moscow, 2006.

² *Зими́на В.Д.* Гражданская война 1918–1922 гг. как политический конфликт в развитии российской государственности. С. 14–15.

Zimina V.D. Grazhdanskaya voyna 1918–1922 gg. kak politichesky konflikt v razvitiі rossiyskoй gosudarstvennosti // Novy istorichesky vestnik. 2004. No. 2(11). P. 14–15.

³ Там же. С. 3–4.

Ibidem. P. 3–4.

⁴ *Цветков В.Ж.* «Белое дело» и «черный передел»: Земельный вопрос в деятельности белогвардейских правительств // Былое. 1994. № 9. С. 12–13; *Цветков В.Ж.* Время белых миражей: Из арсенала аграрной пропаганды Добровольческой армии // Былое. 1994. № 12. С. 13; *Цветков В.Ж.* Сельские общественные организации в аграрно-крестьянском законодательстве Правительства Юга России (1920 г.) // Власть и общество в России в первой трети XX века. М., 1994. С. 158–160; *Цветков В.Ж.* Аграрное законодательство Правительства Юга России (1920 г.) // Крестьянство и власти в России в 1917–1994 гг. Ростов н/Д, 1994. С. 22–24; *Цветков В.Ж.* Аграрная политика белогвардейских правительств Юга России (1918–1920 гг.) // Научные труды МПГУ имени В.И. Ленина. М., 1996. С. 93–101; *Цветков В.Ж.* Аграрная революция или аграрная реформа? (Опыт политики Правительства Юга России в белой Таврии. 1920 г.) // Посев. 1996. № 4. С. 42–45; *Цветков В.Ж.* «Свобода торговли» или «хлебная повинность» (особенности продовольственной политики денikinского правительства: Лето–осень 1919 г.) // Научные труды МПГУ имени В.И. Ленина. М., 1997. С. 59–67; *Цветков В.Ж.* Участие крестьянских общественных организаций в аграрной политике белогвардейских правительств юга России (1919–1920 гг.) // Научные труды МПГУ. М., 1999. С. 122–128.

Tsvetkov V.Zh. “Beloe delo” i “cherny peredel”: Zemelny vopros v deyatelnosti belogvardeyskikh pravitelstv // Byloe. 1994. No. 9. P. 12–13; *Tsvetkov V.Zh.* Vremya belykh mirazhey: Iz arsenalа agrarnoy propagandy Dobrovolcheskoy armii // Byloe. 1994. No. 12. P. 13; *Tsvetkov V.Zh.* Selskie obshchestvennyye organizatsii v agrarno-krestyanskom zakonodatelstve Pravitelstva Yuga Rossii (1920 g.) // Vlast i obshchestvo v Rossii v pervoy treti XX veka. Moscow, 1994. P. 158–160; *Tsvetkov V.Zh.* Agrarnoy zakonodatelstvo Pravitelstva Yuga Rossii (1920 g.) // Krestyanstvo i vlasti v Rossii v 1917–1994 gg. Rostov on Don, 1994. P. 22–24; *Tsvetkov V.Zh.* Agrarnaya politika belogvardeyskikh pravitelstv Yuga Rossii (1918–1920 gg.) // Nauchnye trudy MPGU imeni V.I. Lenina. Moscow, 1996. P. 93–101; *Tsvetkov V.Zh.* Agrarnaya revolyutsiya ili agrarnaya reforma? (Opyt politiki Pravitelstva Yuga Rossii v beloy Tavrii. 1920 g.) // Posev. 1996. No. 4. P. 42–45; *Tsvetkov V.Zh.* “Svoboda torgovli” ili “khlebnaya povinnost” (osobennosti prodovolstvennoy politiki denikinского pravitelstva: Leto–osen 1919 g.) // Nauchnye trudy MPGU imeni V.I. Lenina. Moscow, 1997. P. 59–67; *Tsvetkov V.Zh.* Uchastie krestyanskikh obshchestvennykh organizatsiy

v agrarnoy politike belogvardeyskikh pravitelstv yuga Rossii (1919–1920 gg.) // Nauchnye trudy MPGU. Moscow, 1999. P. 122–128.

⁵ *Цветков В.Ж.* «Добровольческая армия не пропустит в горы ни одного фунта хлеба» // Военно-исторический журнал. 1999. № 4. С. 54–64; *Цветков В.Ж.* Белые армии Юга России: 1917–1920 гг., М., 2000; *Цветков В.Ж.* Продовольственная политика деникинского правительства // Вопросы истории. 2004. № 5. С. 112–127; *Цветков В.Ж.* Эволюция программы реформ в политической деятельности правительства Врангеля в 1920 г. // Крым. Врангель. 1920 год. М., 2006. С. 64–82; *Цветков В.Ж.* Эволюция репрессивного законодательства белых правительств // Вопросы истории. 2007. № 4. С. 16–26; *Цветков В.Ж.* Аграрно-крестьянская политика Белого движения в России // Новый исторический вестник. 2007. № 1(15). С. 116–130; *Цветков В.Ж.* Земская реформа правительства генерала П.Н. Врангеля (июнь – октябрь 1920 г.) // Новый исторический вестник. 2008. № 1(17). С. 198–205.

Tsvetkov V.Zh. “Dobrovolcheskaya armiya ne propustit v gory ni odnogo funta khleba” // *Военно-istoricheskiy zhurnal.* 1999. No. 4. P. 54–64; *Tsvetkov V.Zh.* Belye armii Yuga Rossii: 1917 – 1920 gg., Moscow, 2000; *Tsvetkov V.Zh.* Prodovolstvennaya politika denikinskogo pravitelstva // *Voprosy istorii.* 2004. No. 5. P. 112–127; *Tsvetkov V.Zh.* Evolyutsiya programmy reform v politicheskoy deyatelnosti pravitelstva Vrangelya v 1920 g. // *Krym. Vrangel.* 1920 god. Moscow, 2006. P. 64–82; *Tsvetkov V.Zh.* Evolyutsiya repressivnogo zakonodatelstva belykh pravitelstv // *Voprosy istorii.* 2007. No. 4. P. 16–26; *Tsvetkov V.Zh.* Agrarno-krestyanskaya politika Belogo dvizheniya v Rossii // *Novy istoricheskiy vestnik.* 2007. No. 1(15). P. 116–130; *Tsvetkov V.Zh.* Zemskaya reforma pravitelstva generala P.N. Vrangelya (iyun – oktyabr 1920 g.) // *Novy istoricheskiy vestnik.* 2008. № 1(17). P. 198–205.

⁶ *Цветков В.Ж.* Белое дело в России: 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008; *Цветков В.Ж.* Белое дело в России: 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009.

Tsvetkov V.Zh. Beloe delo v Rossii: 1917–1918 gg. (formirovanie i evolyutsiya politicheskikh struktur Belogo dvizheniya v Rossii). Moscow, 2008; *Tsvetkov V.Zh.* Beloe delo v Rossii: 1919 g. (formirovanie i evolyutsiya politicheskikh struktur Belogo dvizheniya v Rossii). Moscow, 2009.

⁷ *Цветков В.Ж.* Белое дело в России, 1920–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). Ч. I. М., 2013. С. 60.

Tsvetkov V.Zh. Beloe delo v Rossii, 1920–1922 gg. (formirovanie i evolyutsiya politicheskikh struktur Belogo dvizheniya v Rossii). Part I. Moscow, 2013. P. 60.

⁸ Там же. С. 70.

Ibidem. P. 70.

⁹ Там же. С. 79.

Ibidem. P. 79.

¹⁰ Там же. С. 78.

Ibidem. P. 78.

¹¹ Там же. С. 94.

Ibidem. P. 94.

¹² Там же. С. 112–113.

Ibidem. P. 112–113.

¹³ Там же. С. 179–180.

Ibidem. P. 179–180.

¹⁴ Там же. С. 215–216.

Ibidem. P. 215–216.

¹⁵ *Цветков В.Ж.* Белое дело в России: 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). С. 187–188.

Tsvetkov V.Zh. Белое дело в России: 1917–1918 гг. (formirovanie i evolyutsiya politicheskikh struktur Belogo dvizheniya v Rossii). P. 187–188.

¹⁶ *Karpenko C.B.* Развитие политического сознания трудящегося крестьянства в белогвардейском тылу (Из истории разложения и краха врангелевщины) // Советская культура: 70 лет развития. М., 1987. С. 118–128; *Karpenko C.B., Ryabov A.V.* Роль иностранных флотов в интервенции в России (1918 – 1922 гг.) // Морской сборник. 1988. № 2. С. 23–27; *Karpenko C.B.* Средние городские слои Таврии при врангелевском режиме // Городские средние слои в трех российских революциях. М., 1989. С. 158–164; *Karpenko C.B.* Почему не был создан «остров Крым»? // Перспективы. 1992. № 1. С. 63–71; *Karpenko C.B.* Врангель в Крыму: «левая политика правыми руками» // Свободная мысль. 1993. № 15. С. 93–109; *Karpenko C.B.* Белое дело: Врангель в Таврии. М., 1994.

Karpenko S.V. Razvitiye politicheskogo soznaniya trudyashchegosya krestyanstva v belogvardeyskom tylu (Iz istorii razlozheniya i krakha vranglevshchiny) // Sovetskaya kultura: 70 let razvitiya. Moscow, 1987. P. 118–128; *Karpenko S.V., Ryabov A.V.* Rol inostrannykh flotov v interventsii v Rossii (1918 – 1922 gg.) // Morskoj sbornik. 1988. No. 2. P. 23–27; *Karpenko S.V.* Srednie gorodskie sloi Tavrii pri vranglevskom rezhime // Gorodskie srednie sloi v trekh rossiyskikh revolyutsiyakh. Moscow, 1989. P. 158–164; *Karpenko S.V.* Pochemu ne byl sozdan «ostrov Krym»? // Perspektivy. 1992. No. 1. P. 63–71; *Karpenko S.V.* Vrangel v Krymu: «levaya politika pravymi rukami» // Svobodnaya mysl. 1993. No. 15. P. 93–109; *Karpenko S.V.* Beloe delo: Vrangel v Tavrii. Moscow, 1994.

Г.Н. Ланской

«ТРУДЫ ИСТОРИКО-АРХИВНОГО ИНСТИТУТА» КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

С момента основания в 1931 г. Историко-архивный институт занял уникальное место среди высших учебных заведений, действовавших на территории Советского государства. Он по традиции, заложенной в начале XX в. Московским и С.-Петербургским археологическими институтами, стал осуществлять подготовку специалистов, владевших в равной мере навыками научного использования и хранения исторических документов. Однако в течение первых нескольких лет деятельности институт, в котором сформировался высококвалифицированный состав профессоров и преподавателей, не имел возможности публиковать научные работы в «собственном» издании: у института не было периодического издания, как почти у всех советских университетов.

Поэтому «Труды Историко-архивного института» (с 1948 г. – «Труды Московского государственного историко-архивного института»), вы-

пуск которых начался в соответствии с решением Ученого совета ИАИ от 11 сентября 1938 г., стали ярким, самобытным, весомым пополнением группы тогдашних периодических и продолжающихся изданий советских вузов и научно-исследовательских институтов. А с другой стороны – ценным историографическим источником в области развития исторических знаний и различных направлений архивоведения.

В изданных с 1939 по 1976 гг. 32-х томах «Трудов...» были опубликованы многочисленные статьи по истории СССР, источниковедению, вспомогательным историческим дисциплинам, истории и организации архивного дела, теории и практике архивного дела. Размещение на страницах этого продолжающегося издания не только полномасштабных статей, но и небольших сообщений, рефератов давало возможность публиковать исследования как опытных, так и начинающих ученых. В результате по материалам выпущенных томов, увидевших свет как в период конца 1930 – первой половины 1970-х гг., так и в постсоветский период, можно изучать историю деятельности научно-педагогических школ Историко-архивного института, творчество его выдающихся профессоров А.И. Андреева, Н.П. Ерошкина, Е.И. Каменцевой, В.В. Максакова, И.Л. Маяковского, О.М. Медушевской, В.А. Муравьева, А.А. Новосельского, А.Д. Степанского, С.О. Шмидта и многих других.

В середине 1990-х гг., когда Историко-архивный институт уже стал частью Российского государственного гуманитарного университета, было принято решение после 20-летнего перерыва (в 1976 г. вышел последний, 32-й том «Трудов МГИАИ») возродить известное издание под названием «Труды Историко-архивного института». Инициаторами этой работы стали профессор А.Б. Безбородов и Е.В. Старостин, а организационным центром – кафедра истории и организации архивного дела. Возглавляющая кафедру в настоящее время профессор Т.И. Хорхордина внесла наибольший практический вклад в работу по формированию и подготовке к публикации «Трудов...» нового поколения. Являясь автором получивших широкое профессиональное признание исследований по истории и организации архивного дела в России и СССР¹, она проявила талант организатора и координатора работы по развитию данного, сочетающего в себе исследовательские и просветительские черты, научно-издательского проекта. С 1996 г. вышло в свет семь томов «Трудов...» (33–39-й тома).

В 37-м томе «Трудов...», вышедшем из печати в 2007 г., опубликованы материалы научной конференции «Архивы и история: вклад видных отечественных и зарубежных историков в развитие архивоведения и истории архивов. XX век», подготовленной кафедрой истории и организации архивного дела. Кроме того, в 37-м томе, как и в последующих, появилась новая рубрика «Из опыта научно-педагогической работы в ИАИ РГГУ», ценные материалы и разработки которой представлены кафедрой иностранных языков. В этот том также введены рубрики «Из редакционной почты» и «Из жизни российских и зарубежных коллег».

В 38-м томе, увидевшем свет в 2011 г., помещены материалы научно-методического семинара «Русский мир и постсоветское пространство», вызвавшие большой интерес научной общественности.

Таким образом, в двух предпоследних томах «Трудов...», опубликованных в 2007 и 2011 гг.², проявилась характерная для данного историографического источника тенденция: включение в них новых видов и комплексов научных текстов. Это – материалы научных конференций и научно-методологических семинаров, аналитические обзоры результатов научно-педагогической деятельности преподавателей Историко-архивного института РГГУ, обзоры лучших дипломных работ и защищаемых в диссертационных советах РГГУ исторических исследований, письма и комментарии постоянных авторов. Благодаря этому «Труды Историко-архивного института» приобретают в дополнение к глубине и содержательности своих материалов такое значимое в научно-исследовательской сфере качество, как динамичность – способность реагировать с помощью публикаций на новейшие тенденции и явления в развитии исторической науки и архивоведения.

Опубликованный в 2012 г. и представленный в начале апреля 2013 г. на Международной научной конференции, посвященной памяти первого избранного директора Историко-архивного института РГГУ Е.В. Старостина, 39-й том «Трудов Историко-архивного института»³ ярко отразил достигнутый положительный опыт редакционных коллективов предшествовавших изданий. Авторы предисловия к нему – директор Историко-архивного института РГГУ А.Б. Безбородов и безвременно ушедший из жизни в марте 2011 года Е.В. Старостин – подчеркнули, что «выбор редакционной коллегией тематики 39 тома был обусловлен прежде всего интересами отечественной историко-архивной науки»⁴, определив тем самым актуальность подготовленного издания.

Значительную часть тома составили материалы состоявшейся в Историко-архивном институте РГГУ Международной научной конференции «Память России. Династические архивы императорского дома Романовых»⁵, также проведенной кафедрой истории и организации архивного дела. Общей целью, объединившей содержание докладов этого представительного форума, стало исследование различных аспектов работы историков и архивистов с историко-документальным наследием династии Романовых за весь период ее истории с февраля 1613 до заключительных событий Февральской революции 1917 г.

Раздел «Трудов...», содержащий материалы конференции, открывается статьей Е.В. Старостина, в которой рассматривается весь процесс формирования архивно-документального наследия семьи Романовых, начиная с избрания на царство Михаила Федоровича и заканчивая отречением от престола императора Николая II. Ученым было убедительно показано, что целостный – наднациональный – архив династии Романовых

не был сформирован в связи с неудавшимися усилиями по систематизации документов российских правителей и членов их семей. Впоследствии это привело к рассредоточению документального собрания членов семьи Романовых по различным фондам личного происхождения и фондам ряда высших органов государственной власти⁶.

Опубликованные доклады в виде научных статей, основанные на уже известных (например, на дневниках цесаревича Николая Александровича Романова) или ранее не вводившихся в научный оборот источниках (например, многих материалах архивов и библиотек Великобритании), отчетливо разделяются на три тематических группы.

В первую группу входят статьи, в которых документы по истории членов династии Романовых анализируются прежде всего с историко-ведческой точки зрения применительно к раскрытию отдельных этапов и событий российской истории XVIII–XIX вв. В частности, это характерно для статьи О.П. Ведьмина об источниках по истории дворцового переворота, приведшего к свержению императора Петра III⁷, и статьи В.В. Олевской о политике российского государства по отношению к различным конфессиональным сообществам в XIX в.⁸

Ко второй, широко представленной в материалах конференции, группе докладов относятся исследования, посвященные отдельным архивным фондам и более широким документальным комплексам, хранящимся в Российском государственном архиве древних актов⁹, Государственном архиве Российской Федерации¹⁰ и отдельных менее известных хранилищах – например, Центральном государственном архиве Республики Узбекистан¹¹. Значительный интерес среди данного массива историографических источников вызывают также статьи о документах Российского императорского дома применительно к периоду пребывания его членов в изгнании¹² и документах о деятельности членов семьи Романовых в виде микрофотокопий¹³. Благодаря публикации этих докладов исследователи получили возможность определить для себя перспективы изучения как проанализированных предшествующими авторами, так и других архивных фондов, содержащих сведения о политической деятельности и частной жизни членов семьи Романовых.

Третья тематическая группа докладов посвящена жизни и деятельности отдельных представителей семьи Романовых – вел. кн. Георгия Михайловича¹⁴, вел. кн. Георгия Александровича¹⁵ и императрицы Марии Федоровны¹⁶. Их историографическая значимость заключается в том, что, основываясь на большом комплексе опубликованных и не публиковавшихся источников, они существенно расширяют представления о вкладе различных членов дома Романовых в развитие Российского государства, об их личном отношении к событиям, происходившим в России второй половины XIX – начала XX вв.

В целом, опубликованный в 39-м томе «Трудов Историко-архивного института» цикл материалов Международной научной конференции «Па-

мья России. Династические архивы императорского дома Романовых» представляет самостоятельную ценность, включая в себя различные по объему статьи общеисторической, источниковедческой и архивоведческой направленности.

Вторая часть сборника включает в себя статьи профессоров и преподавателей Российского государственного гуманитарного университета, раскрывающие различные проблемы отечественной и всеобщей истории, а также отдельные источниковедческие и архивоведческие темы.

Среди источниковедческих и неразрывно связанных с ними историографических исследований выделяются статьи И.Б. Антоновой, А.А. Киличенкова и Е.В. Пчелова. В статье И.Б. Антоновой прослеживается тенденция эволюции риторического искусства от творческо-философской практики древнегреческого периода, характерной в том числе для произведений Аристотеля, до риторических форм новейшего времени. Применительно к периоду XX в. И.Б. Антонова на многочисленных примерах демонстрирует проявляющуюся в Советском государстве в связи с революционными событиями и в советско-американских отношениях периода Холодной войны политизацию и идеологизацию устных выступлений различных представителей партийно-государственного руководства¹⁷. А.А. Киличенков анализирует, с одной стороны, развитие источниковой базы исследований английских и американских авторов применительно к изучению истории советского военно-морского флота после окончания Великой Отечественной войны. С другой стороны, он показывает, как происходило постепенное внедрение сравнительного метода в изучении потенциала и задач развития советского и американского военно-морского флота¹⁸. Е.В. Пчелов в своей статье на многочисленных примерах геральдических символов князей русского и литовского государств средневекового периода убедительно доказывает отличие характерных для данных государств и их правителей конных эмблем, представленных на официальных гербах¹⁹.

Проблемам развития информационного потенциала зарубежных архивов посвящены статьи А.В. Попова и В.Б. Прозоровой. В работе А.В. Попова, в первую очередь, анализируются представленные в различных странах Европы документы по истории российской эмиграции, а также посвященные им исследования современных историков. С другой стороны, автор исследует современный опыт работы российских ученых в области выявления и последующего изучения зарубежной архивной россики. В частности, он отмечает перспективность ведения Федеральным архивным агентством автоматизированной базы данных «Зарубежная архивная Россия»²⁰. Также комплексный характер имеет статья В.Б. Прозоровой. В ней изучаются дискуссии известных французских исследователей (в частности, Г. Бребана и М. Дюшена) по вопросу о совершенствовании закона об архивах от 3 января 1979 г. и одновременно с этим исследуется процесс подготовки и принятия действующего закона,

опубликованного в 2008 г. и базирующегося на созданном в 2004 г. Кодексе национального достояния²¹.

Большую историографическую ценность представляют статьи, посвященные актуальным проблемам отечественной и всеобщей истории.

В статье С.В. Карпенко, основанной на широком массиве мемуарных источников, делается аргументированный с помощью многочисленных примеров вывод о том, что с самого начала событий Гражданской войны недостаточность имевшихся в распоряжении Добровольческой армии финансовых ресурсов создавала препятствия для выработки и реализации военно-стратегических инициатив²². Подробные, основанные на опубликованных в России и Германии историографических источниках, сведения о развитии германской политической элиты в предвоенный период развития Третьего рейха и в конце 1990-х гг. содержатся соответственно в статьях М.В. Дацишиной²³ и М.В. Капустянской²⁴.

Рассмотренные публикации, а также посвященная экономическому развитию древнегреческих городов-государств статья Е.В. Булычевой²⁵, отражают новые направления развития исторических исследований в РГГУ и при этом вносят очевидный вклад в дальнейшую разработку актуальных для российской и зарубежной истории тем.

Заключительный раздел 39-го тома «Трудов Историко-архивного института» по новой, но уже вполне сложившейся традиции посвящен опыту научно-педагогической деятельности профессоров и преподавателей кафедры иностранных языков. В опубликованных статьях анализируются различные вопросы лингвистики и риторики (в данном контексте следует, прежде всего, отметить опубликованные на английском языке статьи заведующей кафедрой Л.А. Халиловой²⁶), текстологии и фразеологии. Большое внимание в данном разделе уделяется актуальным вопросам организации учебных занятий и проведения контроля знаний учащихся, которые рассматриваются на примерах проведения занятий по иностранному языку²⁷ и истории Древнего мира²⁸.

Проанализированные статьи и доклады, опубликованные в 39-м томе «Трудов Историко-архивного института», свидетельствуют о том, что в Историко-архивном институте РГГУ осуществляются разнообразные по содержанию и функционально-целевой направленности исследования. Продолжением заложенных в конце 1930-х гг. и затем в послевоенный период является значительное внимание к проблематике истории и организации архивного дела в России и зарубежных странах. Фундаментальностью наблюдений, глубиной выводов и репрезентативностью источниковой базы отличаются статьи по проблемам отечественной и всеобщей истории различных периодов. Опубликованные работы, посвященные проблемам преподавания иностранных языков различным группам студентов, свидетельствуют о продолжении и о потенциальной эффективности осуществляемых методических изысканий в данной востребованной форме профессиональной деятельности.

Примечания

¹ *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы: 1917–1980-е гг. М., 1994; *Хорхордина Т.И.* Корни и крона: Штрихи к портрету Историко-архивного института (1931–1991). М., 1997; *Хорхордина Т.И.* Российская наука об архивах :История. Теория. Люди. М., 2003; *Хорхордина Т.И.* История архивоведческой мысли. М., 2012.

Khorkhordina T.I. Istoriya Otechestva i arkhivy: 1917–1980-e gg. Moscow, 1994; *Khorkhordina T.I.* Korn i krona: Shtrikhi k portretu Istoriko-arkhivnogo instituta (1931–1991). Moscow, 1997; *Khorkhordina T.I.* Rossiyskaya nauka ob arkhivakh :Istoriya. Teoriya. Lyudi. Moscow, 2003; *Khorkhordina T.I.* Istoriya arkhivovedcheskoy mysli. Moscow, 2012.

² Труды Историко-архивного института. Т. 37. М., 2007; Труды Историко-архивного института. Т. 38. М., 2011.

Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 37. Moscow, 2007; Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 38. Moscow, 2011.

³ Труды Историко-архивного института. Т. 39. М., 2012.

Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 39. Moscow, 2012.

⁴ *Безбородов А.Б., Старостин Е.В.* Предисловие // Труды Историко-архивного института. Т. 39. С. 9.

Bezborodov A.B., Starostin E.V. Predislovie // Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 39. P. 9.

⁵ Там же. С. 13–203.

Ibidem. P. 13–203

⁶ *Старостин Е.В.* Почему Романовы не создали династический архив? // Труды Историко-архивного института. Т. 39. С. 13–20.

Starostin E.V. Pochemu Romanovy ne sozdali dinastichesky arkhiv? // Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 39. P. 13–20.

⁷ *Ведьмин О.П.* Рукописная книга «Тайная история Императора Петра III» о дворцовом перевороте 1762 г.: анализ исторического исследования // Труды Историко-архивного института. Т. 39. С. 47–53.

Vedmin O.P. Rukopisnaya kniga “Taynaya istoriya Imperatora Petra III” o dvortsovom perevorote 1762 g.: analiz istoricheskogo issledovaniya // Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 39. P. 47–53.

⁸ *Олевская В.В.* Некоторые аспекты церковно-государственной политики Романовых в многонациональной и многоконфессиональной империи в XIX в. // Труды Историко-архивного института. Т. 39. С. 54–63.

Olevskaya V.V. Nekotorye aspekty tserkovno-gosudarstvennoy politiki Romanovykh v mnogonatsionalnoy i mnogokonfessionalnoy imperii v XIX v. // Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 39. P. 54–63.

⁹ *Санин О.Г.* Архив Кабинета Петра I в XVIII в.: организация, деятельность и состав документов // Труды Историко-архивного института. Т. 39. С. 33–46.

Sanin O.G. Arkhiv Kabineta Petra I v XVIII v.: organizatsiya, deyatelnost i sostav dokumentov // Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 39. P. 33–46.

¹⁰ *Наумов В.П.* Документальное наследие великого князя Николая Михайловича в ГАРФ // Труды Историко-архивного института. Т. 39. С. 128–135.

Naumov V.P. Dokumentalnoe nasledie velikogo knyazy Nikolaya Mikhaylovicha v GARF // Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 39. P. 128–135.

¹¹ *Котюкова Т.В.* Романовы в Туркестане: по документам ЦГА Республики Узбекистан // Труды Историко-архивного института. Т. 39. С. 96–105.

Kotyukova T.V. Romanovy v Turkestanе: po dokumentam TsGA Respubliki Uzbekistan // Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 39. P. 96–105.

¹² *Закаатов А.Н.* Архив Российского императорского дома в изгнании: 1918–2008 гг. // Труды Историко-архивного института. Т. 39. С. 178–189.

Zakatov A.N. Arkhiv Rossiyskogo imperatorskogo doma v izgnanii: 1918–2008 gg. // Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 39. P. 178–189.

¹³ *Ульяницкий К.Б.* Фонды Романовых в микрофотокопиях ГАРФ // Труды Историко-архивного института. Т. 39. С. 190–192.

Ulyanitsky K.B. Fondy Romanovykh v mikrofoto kopiakh GARF // Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 39. P. 190–192.

¹⁴ *Наумов О.Н.* Великий князь Георгий Михайлович и русская генеалогия // Труды Историко-архивного института. Т. 39. С. 116–127.

Naumov O.N. Velikiy knyaz Georgiy Mikhaylovich i russkaya genealogiya // Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 39. P. 116–127.

¹⁵ *Самохвалов С.В.* Нецарствовавшие Романовы: великий князь Георгий Александрович (источниковедческие аспекты исследования его жизни и деятельности) // Труды Историко-архивного института. Т. 39. С. 136–156.

Samokhvalov S.V. Netsarstvovavshie Romanovy: velikiy knyaz Georgiy Aleksandrovich (istochnikovedcheskie aspekty issledovaniya ego zhizni i deyatelnosti) // Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 39. P. 136–156.

¹⁶ *Пчелов Е.В.* Императрица Мария Федоровна и ее дневники революционных лет // Труды Историко-архивного института. Т. 39. С. 193–202.

Pchelov E.V. Imperatritsa Mariya Fedorovna i ee dnevniki revolyutsionnykh let // Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 39. P. 193–202.

¹⁷ *Антонова И.Б.* Политическая риторика: от античности к современности // Труды Историко-архивного института. Т. 39. С. 276–291.

Antonova I.B. Politicheskaya ritorika: ot antichnosti k sovremennosti // Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 39. P. 276–291.

¹⁸ *Киличенков А.А.* Зарубежная историография военно-морской деятельности СССР: источник и метод // Труды Историко-архивного института. Т. 39. С. 255–275.

Kilichenkov A.A. Zarubezhnaya istoriografiya voenno-morskoy deyatelnosti SSSR: istochnik i metod // Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 39. P. 255–275.

¹⁹ *Пчелов Е.В.* «Погоня» и «Ездец»: родство или сходство? Из истории государственной эмблематики Средневековья // Труды Историко-архивного института. Т. 39. С. 203–223.

Pchelov E.V. “Pogonya” i “Ezdets”: rodstvo ili skhodstvo? Iz istorii gosudarstvennoy emblemтики Srednevekoviya // Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 39. P. 203–223.

²⁰ *Попов А.В.* Архивное наследие русского зарубежья и проблемы зарубежной архивной россии // Труды Историко-архивного института. Т. 39. С. 241–254.

Popov A.V. Arkhivnoe nasledie russkogo zarubezhya i problemy zarubezhnoy arkhivnoy rossiki // Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 39. P. 241–254.

²¹ *Прозорова В.Б.* Французский закон об архивах от 15 июля 2008 г.: история подготовки // Труды Историко-архивного института. Т. 39. С. 340–358.

Prozorova V.B. Frantsuzskiy zakon ob arkhivakh ot 15 iyulya 2008 g.: istoriya podgotovki // Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 39. P. 340–358.

²² *Карпенко С.В.* Из истории финансов Добровольческой армии на начальном этапе ее формирования (декабрь 1917 – февраль 1918 г.) // Труды Историко-архивного института. Т. 39. С. 224–240.

Karpenko S.V. Iz istorii finansov Dobrovolcheskoy armii na nachalnom etape ee formirovaniya (dekabr 1917 – fevral 1918 g.) // Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 39. P. 224–240.

²³ *Дацишина М.В.* Изменение способов формирования политического дискурса в зеркале прагматики политической элиты (На примере Германии 1933–1939 гг.) // Труды Историко-архивного института. Т. 39. С. 306–329.

Datsishina M.V. Изменение способов формирования политического дискурса в зеркале прагматики политической элиты (На примере Германии 1933–1939 гг.) // Труды Историко-архивного института. Vol. 39. P. 306–329.

²⁴ *Капустянская М.В.* Поворот от «эры Коля» к «красно-зеленому эксперименту» // Труды Историко-архивного института. Т. 39. С. 330–339.

Kapustyanskaya M.V. Povорот ot “ery Kolya” k “krasno-zelenomu eksperimentu” // Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 39. P. 330–339.

²⁵ *Булычева Е.В.* Организация продажи общественной земли в Аттике в IV в. до н.э.: Объекты и условия продажи // Труды Историко-архивного института. Т. 39. С. 292–305.

Bulycheva E.V. Organizatsiya prodazhi obshchestvennoy zemli v Attike v IV v. do n.e.: Obekty i usloviya prodazhi // Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 39. P. 292–305.

²⁶ *Халилова Л.А.* Language for professional purposes: ethics of public speaking // Труды Историко-архивного института. Т. 39. С. 359–367; *Халилова Л.А.* Teaching political rhetoric // Труды Историко-архивного института. Т. 39. С. 456–464.

Khalilova L.A. Language for professional purposes: ethics of public speaking // Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 39. P. 359–367; *Khalilova L.A.* Teaching political rhetoric // Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 39. P. 456–464.

²⁷ *Гречухина А.В.* Формирование умений аудирования на основе аутентичных песен на продвинутых этапах обучения иностранному языку в неязыковом вузе // Труды Историко-архивного института. Т. 39. С. 404–412.

Grechukhina A.V. Formirovanie umeniy audirovaniya na osnove autentichnykh pesen na prodvinutykh etapakh obucheniya inostrannomu yazyku v neyazykovom vuze // Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 39. P. 404–412.

²⁸ *Зарипин Р.В.* Зачетные листы как форма итоговой проверки знаний учащихся по истории (из опыта преподавания курса истории Древнего мира) // Труды Историко-архивного института. Т. 39. С. 413–420.

Zarapin R.V. Zachetnye listy kak forma itogovoy proverki znaniy uchaschikhsya po istorii (iz opyta prepodavaniya kursa istorii Drevnego mira) // Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta. Vol. 39. P. 413–420.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В e-ИЗМЕРЕНИИ

В.В. Тихонов

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ИНДЕКСЫ НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ*

Оценка качества научной работы – проблема, остро встающая перед современным научным сообществом. Если в первой половине XX в., когда наука еще не приобрела черты «массового производства», критерием такой оценки являлось признание коллег и общественности, то в последние 50 лет, в связи с ростом научных кадров и их «усреднением», понадобилось учитывать и дополнительные показатели¹.

Особую популярность приобрели количественные параметры. Еще недавно главным критерием научной работы являлось число публикаций. В условиях, когда научных изданий было немного, а все они, как правило, проходили тщательное рецензирование и редактирование, такой критерий был вполне объективен. Сейчас, когда поток научной литературы, включая периодику и монографии, увеличился в разы, оценивать качество публикаций становится чрезвычайно трудно. Подавляющая часть сборников различных конференций выходит в свет без их предварительного обсуждения и редактуры, а журналы зачастую превращаются в место для платной публикации небольших «формальных» статей, необходимых для защиты диссертации. Произошла и девальвация самих научных степеней: они продаются и покупаются, критерии качества диссертационного исследования давно стерлись и формализовались.

Поэтому «в последние 10–15 лет стало весьма распространенным мнение о том, что наилучшим образом научную деятельность исследователя характеризует индекс цитируемости его публикаций, а именно число ссылок на все работы, выполненные им в соответствующей области за определенный период»².

Индекс научного цитирования: от Web of Science до РИНЦ

Индекс цитируемости – это принятый в научном мире показатель значимости трудов какого-либо ученого, представляющий собой число ссылок на его публикации в реферируемых научных периодических изда-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых (проект № МК-2627.2013.6).

ниях. В значительной мере индексы цитирования прекрасно вписываются в рыночную идеологию, когда опубликованный научный труд оценивается в первую очередь количественно, а с другой стороны – с точки зрения «покупательного спроса» на него.

Первоначально такие системы учета цитирований и торговли библиографической информацией возникли в США и активно развивались именно там. В наши дни наибольшим авторитетом пользуется именно американская библиографическая база данных Web of Science (WoS). Особенностью ее является ориентация на американские и вообще англоязычные периодические издания. Подавляющее большинство изданий, представленных в WoS, приходится на «большую тройку»: США, Великобританию и Нидерланды (в последних находятся несколько крупных издательских фирм, поэтому там же зарегистрированы многие международные журналы). Журналы других стран попадают в этот «круг избранных» с огромным трудом. Так, из российских исторических журналов в WoS входят только (да и то с 1993 г.) «Вопросы истории» и «Российская история». При этом ссылки, сделанные на кириллице, системой вообще не учитываются. Попытки других журналов (скажем, «Нового исторического вестника») попасть в эту базу данных успеха не имели: владельцы и менеджеры WoS сочли, что расходы на обработку содержащейся в них библиографической информации и учет цитирований не окупят себя. Понятно: бизнес есть бизнес. Но в результате достижения российских историков (и не только) представлены, мягко говоря, неполно³.

Таким образом, на момент, когда индексы цитирования превратились в важный инструмент оценки научной деятельности, ученые, пишущие и публикующиеся на английском языке, оказались в заведомо выигрышном положении, поскольку существующие системы были ориентированы именно на них. Это, в свою очередь, привело к недооценке в мировой науке роли представителей других языков и стран⁴.

Как следствие, несколько крупных научных держав – Япония, Китай, Бразилия, Испания и другие – создали собственные национальные базы библиографических данных.

Озаботились этим и в России. Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) был создан в 2005 г. Правда, большинство специалистов по наукометрии считают, что он еще не может рассматриваться в качестве полноценной базы данных, поскольку пока слабо ассоциирован с такими крупными базами, как тот же WoS⁵.

Тем не менее, именно РИНЦ становится все более важным показателем при распределении финансирования и оценке научной деятельности. Запуск ряда крупномасштабных государственных программ с солидным финансированием, где требуется независимая и всесторонняя экспертиза, а также курс на увеличение роли российской науки в мировой подтолкнул

чиновников к стимулированию внедрения индексов цитирования в систему управления наукой⁶.

Для оценки качества работы ученых, научных изданий и учреждений разработчики РИНЦ применяют несколько количественных параметров.

Во-первых, индекс Хирша, который вычисляется на основе распределения цитирований работ автора и имеет значение N , если автор имеет N статей, на каждую из которых сослались как минимум N раз, а остальные его статьи имеют число цитирований не более N .

Сравнительно недавно в расчетах РИНЦ появились G -индекс и I -индекс. G -индекс – это корень суммарного цитирования работ сотрудников организации. I -индекс позволяет вычлнить ядро наиболее научно активных и востребованных авторов, имеющих наиболее высокий индекс Хирша. Он высчитывается так: в организации есть N ученых (авторов), индекс Хирша которых (каждого из них) не менее N . Таким образом, чем больше сотрудников с высоким индексом Хирша – тем выше I -индекс.

Учет нескольких показателей позволяет представить более полную картину научных достижений.

К сожалению, РИНЦ не работает (точнее, работает очень плохо) в автоматическом режиме. Фактически все функционирует в режиме «помоги себе сам», чего разработчики даже не скрывают. Чтобы ваши научные достижения или показатели научно-исследовательских организаций в виде статей и ссылок на них были более или менее представлены, требуется специальная (впрочем, общедоступная) регистрация и кропотливая работа по поиску и «привязыванию» статей и ссылок. Таким образом, значительное количество пожилых ученых, слабо ориентирующихся в «дебрях» Интернета, оказываются в заведомо проигрышном положении.

К РИНЦ у историков изначально и совершенно справедливо было немало претензий.

Так, система не учитывает большинства ссылок на труды историков, поскольку ориентирована на журнальные статьи, а не на монографии, являющиеся наиболее значимым и популярным «жанром» среди специалистов-гуманитариев⁷. Дело в том, что подобные наукометрические базы изначально ориентированы на представителей естественнонаучных дисциплин, где основной формой презентации результатов исследований является статья. В социальных и гуманитарных науках, в том числе и в истории, приоритет в цитировании – за монографиями⁸. Понять сотрудников РИНЦ можно: если они будут включать в индекс монографии и сборники статей, которые сейчас издать чрезвычайно легко, а отследить трудно, они просто утонут в потоке литературы.

Это поставило в крайне невыгодное положение всех гуманитариев по сравнению с представителями естественных наук. Например, самый высокий индекс научного цитирования в России у Нобелевского лауреата

А.К. Гейма. Он составляет 40 216 цитирований и индекс Хирша – 52. Для сравнения самый высокий рейтинг среди историков – у археолога А.П. Деревянко: всего 2 750, а индекс Хирша – 14.

Очевидно, разработчикам РИНЦ следует учитывать и монографии. Конечно, для этого необходимо сотрудничество с издательствами. С 2013 г. РИНЦ ввел специальную услугу по размещению на своей платформе полнотекстовых версий книг (монографии, справочники и словари, учебники и учебные пособия, сборники статей, труды конференций), а также диссертаций и авторефератов. Данная услуга доступна не только издательствам, но и ученым, которые могут разместить (при условии отсутствия ограничения в авторских и имущественных правах) свои монографии.

Недавно РИНЦ стал предлагать новую услугу: система Science index [организация] дает возможность представителям организации самостоятельно вносить в базу данных библиографические описания публикаций, в том числе монографий, своих сотрудников. Но услуга эта платная и требует дополнительных усилий, денежных и временных затрат. В то же время, как показывает практика, «подключение» к этой услуге дает весьма заметный эффект. Так, внесение библиографического описания монографий позволяет (в случае с историками) резко повысить основные показатели как авторов, так и организации, где они работают. Платный доступ дает право исправлять библиографические ошибки (например, неправильно оформленную ссылку, которая не засчитывается ни автору, ни организации), «привязывать» публикации к организациям, вносить ссылки в уже зарегистрированные публикации, что также способствует росту рейтинга научной организации.

С этой задачей из-за обилия информации и чисто технической работы могут справиться только непосредственно выделенные для этого люди. Крупные университеты, где есть профессиональные библиографы и специальные научно-информационные структурные подразделения, могут себе это позволить. А вот академические институты, где подобные штатные единицы не предусмотрены, могут решить эту проблему только путем накладки на отдельных сотрудников дополнительных обязанностей (исключение – разве что ИНИОН).

Как бы то ни было, если первоначально появление РИНЦ в среде профессиональных историков не встретило особого энтузиазма, то постепенно ситуация, в том числе и под давлением бюрократического аппарата, менялась в лучшую сторону: все больше журналов и исследователей регистрировались в системе. Стимулирующим фактором стали новые требования ВАК и грантовых организаций, учитывающих в своих конкурсах информацию, полученную из РИНЦ.

На декабрь 2012 г. в РИНЦ было зарегистрировано более 4 тыс. ученых, в той или иной степени относящихся к историческим наукам. К сожалению, далеко не все авторы здесь отражены. Это происходит не только по причине отсутствия у них регистрации, но и из-за несовершенства поисковой системы. Например, специалист, даже зарегистрировавшийся как историк, далеко не всегда отражается в поисковых запросах. Очевидно, что данная проблема требует своего решения. Кроме того, практически не представлены публикации и ссылки в зарубежных периодических изданиях.

Продвигаемые, а то и буквально «проталкиваемые» аппаратом «научно-вузовского» управления, индексы научного цитирования постепенно становятся обыденным элементом жизни сотрудников исследовательских институтов и вузов. Реакция научно-исторического сообщества на их активное внедрение в качестве важнейшего критерия оценки плодотворности научной работы первоначально была скорее негативно-настороженной. Причины очевидны: инерция самих ученых, опасения, что новая (правда, относительно) система серьезно изменит сложившуюся расстановку сил в академических и профессорско-преподавательских кругах. Да сами методы ее внедрения не могли не вызвать отторжения: все делалось директивно и без грамотной разъяснительной работы.

Особенно нервно нововведение восприняли вузовские преподаватели. Десятилетиями складывавшаяся в СССР и сохраняющаяся в России вузовская система ориентирована на преподавание, а не на научные исследования (этим, как считается, должна заниматься Академия наук). Было бы несправедливым утверждать, что профессорско-преподавательский состав университетов и институтов не «занимается наукой». В его среде немало действительно выдающихся ученых, активно публикующихся, в том числе и в самых авторитетных зарубежных изданиях. В то же время значительная часть ориентирована исключительно на преподавание, на разработку учебно-методических материалов (для студентов, а больше – для того же самого бюрократического аппарата управления) и учебных пособий. Научные же статьи публикуют, «где придется» и «где попроще», для формальной отчетности или получения ученых званий доцента и профессора (то есть прежде всего ради «прибавки жалованья»). Естественным и крайне негативным явлением стало стремление публиковать статьи не в ведущих и наиболее авторитетных периодических изданиях, а в различных кафедральных сборниках или «Записках», которые просто не доходят до потенциально заинтересованного читателя. Очевидно, что такие публикации нужны только для отчетности.

Остается надеяться, что новые требования (например, публиковаться в журналах с высоким индексом цитирования) позитивно скажутся на

университетской науке, особенно в провинциальных вузах (если только не будут перечеркнуты «усердием не по уму» вузовской администрации).

Однако прежде чем требовать активной научно-исследовательской деятельности, необходимо создать соответствующие условия. Современная российская система высшего образования с ее низкими зарплатами, высокими преподавательскими нагрузками, нарастающим валом бумажно-электронной отчетности (особенно при нынешних бюрократических «оценках эффективности»), отсутствием длительных творческих отпусков, предусмотренных для преподавателей практически во всех странах мира, и т.д. совершенно не стимулирует заниматься научной работой. Между тем, в подавляющем большинстве стран мира именно научные достижения являются главным показателем успешности работы преподавателя высшей школы⁹.

Как бы то ни было, стало очевидно, что с новой реальностью придется как-то жить. Даже появились специальные «методички», раскрывающие научным сотрудникам и преподавателям все особенности работы с библиографическими базами данных¹⁰.

Безусловно, использование индексов научного цитирования как инструментов оценки качества исследовательской работы имеет как серьезные плюсы, так и не менее серьезные минусы.

Индексы научного цитирования: за и против

Положительным моментом является, прежде всего, тот, что количественные показатели гораздо объективнее отражают востребованность тех или иных трудов и концепций научным сообществом. Привычная, но размытая формула «выдающийся вклад в науку», за которой часто ничего не стоит, различные награды, академические звания, часто получаемые не за научные заслуги, а за умение угождать разнокалиберным «власть предержащим» или за административное положение, явно проигрывают сухим цифрам. Это дает стороннему эксперту возможность сделать беспристрастную оценку работы ученых и определить эффективность затраченных средств.

Есть и серьезные минусы. Так, нередко практически невозможно определить реальный вклад ученого в развитие науки. В первую очередь, из-за специфики исследовательской области. Индексы цитирования у историков будут заведомо меньше, чем у представителей естественнонаучных дисциплин.

Помимо указанных уже особенностей «производства» научно-исторических знаний, относительно невысокие индексы у историков объясняются и другими причинами.

Во-первых, важнейшим источником для историков являются документы, в то время как для физиков или химиков – результаты экспериментов, отраженные в статьях. Следовательно, если у историков преобладают ссылки на источники, то у физиков – на исследования и описания результатов экспериментов, отраженные в публикациях. Иногда, особенно в случае уникальности сюжета и найденных в архиве документов, в исторической статье можно найти только ссылки на источники без упоминаний работ предшественников, которых попросту нет.

Во-вторых, для историка вполне естественно стремиться исследовать ранее неизученные темы, благо в истории их предостаточно, найти в архиве неизвестные, не «введенные в научный оборот» документы, а это также не способствует росту цитирований работ коллег.

В-третьих, историков по сравнению с теми же физиками, которых в базе РИНЦ числится 29 176, значительно меньше, что заведомо приводит к ситуации, в которой шанс быть процитированным в физике гораздо выше.

В-четвертых, в естественнонаучных дисциплинах основой организации исследований являются коллективные формы – лаборатории, исследовательские группы и т.д. Изучение истории продолжает оставаться (и хорошо, что так) в значительной степени индивидуальным трудом. Естественно, в случае, когда у историка есть многочисленные соавторы, которые, ссылаясь на свои работы, автоматически ссылаются и на его работы, рост ссылок гарантирован. И наоборот.

В-пятых, количество опубликованных статей у гуманитариев несопоставимо меньше, чем у представителей естественнонаучных дисциплин. Связано это с тем, что в гуманитарных науках, по понятным причинам, объем статьи больше в разы, чем в естественных. Это позволяет «естественникам» опубликовать при аналогичном объеме журналов намного больше исследований, которые зачастую представляют небольшие отчеты об экспериментах.

В-шестых, журналов гуманитарного профиля значительно меньше. И это, по словам самих разработчиков РИНЦ, определяет его «структуру»: «Разбивка по дисциплинам полностью совпадает с тем, что есть у Web of Science. Т.е. две трети – это технические науки, прикладные и фундаментальные естественные науки. И треть – гуманитарные»¹¹.

К тому же в каждой субдисциплинарной области есть свои особенности.

Так, индексы цитирования специалистов по историографии, источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам будут заведомо меньше, чем у исследователей «модных» тем. Между тем, очевидно, что без разработки указанных проблемных полей развитие исторической науки невозможно. Некоторые ученые всерьез опасаются, что внедрение индек-

сов цитирования и «привязывание» к ним финансирования и зарплаты создаст ситуацию, когда работа над жизненно важными направлениями просто прекратится или будет сведена к минимуму.

Существует и другая опасность, заключающаяся в стремлении авторов перейти к наиболее «читабельным» стилю, форматам и жанрам. Скажем, зачем публиковать монографию, когда ведущие мировые базы данных их вообще не учитывают? Подобная эволюция уже произошла в американской социологии¹². Впрочем, новые опции РИНЦ, позволяющие регистрировать и монографии, а также тот факт, что именно монография приносит наибольшее количество ссылок, думаем, удержат профессиональных историков от столь радикального «уклона» и система научно-исторических изданий в ближайшее время принципиально не изменится.

В различных дисциплинах сложились разные практики цитирования и, как следствие, публикации различаются по своим способностям аккумулировать ссылки: «Период “полужизни” публикации может драматически варьироваться от одной области знания к другой – несколько месяцев в биохимии, несколько десятилетий – в истории и философии, что делает сравнение особенно невыгодным для молодых гуманитариев»¹³. В исторической науке это особенно заметно. Срок «жизни» работ чрезвычайно продолжителен по научным меркам. Наши ученые до сих пор уважительно ссылаются на дореволюционных авторов, а самым цитируемым историком является, согласно РИНЦ, классик на все времена – В.О. Ключевский. Должно пройти довольно продолжительное время, прежде чем научная общественность обратит внимание на труды начинающего исследователя. А публикации «раскрученных» фигур привлекают внимание куда быстрее.

Специфическим для исторической науки является вопрос оценки археографической работы. Поиск, изучение и публикация документов – необходимый элемент работы профессионального историка. Проблема в том, что РИНЦ учитывает, как правило, далеко не все библиографическое описание, а только его начальную, «обязательную» часть – фамилию и инициалы автора. Далеко не всегда принимаются во внимание указания на тех, кто провел подготовку и комментирование текста источника, его редактуру и т.д. Часто сами ссылающиеся просто не указывают эти данные в ссылках. Для специалистов, сосредоточенных в первую очередь на археографической работе, такое положение дел может оказаться роковым: несмотря на титаническую и необходимую для науки работу, они рискуют оказаться в «слепой зоне» цитирования.

Кстати, примерно такая же ситуация сложилась с коллективными трудами, энциклопедиями, справочниками и т.д. Они оказываются воистину «братскими могилами». Чтобы этого не произошло, необходимо

менять принципы поиска ссылок и корректировать принятую систему библиографических описаний публикаций (насколько действующий ГОСТ соответствует современным требованиям «библиографической наукомерии») – тема отдельного и непростого разговора).

Помимо реальных проблем вокруг индексов цитирования сложилось немало негативных предрешений и мифов.

Сторонники мнения, что индексы цитирования неадекватно отражают положение дел, резонно указывают на то, что в базах данных представлены только публикации из периодических изданий. Действительно, существующие базы данных как правило не учитывают монографий, брошюр и статей в сборниках. Но, как уже говорилось, с недавних пор РИНЦ позволяет регистрировать работы, опубликованные не только в периодике. Таким образом, поиски решения (хотя и небескорыстного для разработчиков и владельцев) этой проблемы идут, но вряд ли они будут успешны в ближайшее время.

Расхожим среди ученых является и мнение о том, что количество ссылок на труды – еще не показатель их качества. Действительно, если кто-то написал работу с очевидно бредовой «концепцией», остальные вынуждены будут многократно на нее сослаться при ее опровержении, и появится «негативное цитирование», которое в количественных показателях будет ничем не отличаться от «положительного».

Скажем, профессиональным историкам ничего не стоит (не считая времени, то есть самого дорогого) разгромить многочисленные опусы А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского. И тем попутно «зашкалить» их индексы цитирования. Но это в теории. А на практике такого не происходит. Откровенные маргиналы просто игнорируются научным сообществом (правильно это или нет – спорный вопрос), и те оказываются в «мертвой зоне» цитирования.

Нам могут возразить, что часто приходится опровергать неверные выводы коллег, спорить с их положениями, что добавляет в их «копилку» определенное число ссылок. Но в таком случае речь идет о научной полемике, являющейся необходимым элементом развития науки. От этого никуда не денешься, более того – именно спор позволяет увидеть слабые места не только работ коллег, но и своих собственных. Как показывают специальные исследования, «негативное цитирование незначительно и является статистической случайностью... Оно обычно не превышает 5 %»¹⁴.

Крайне остро встает проблема самоцитирования. Можно представить ситуацию, когда автор специально активно ссылается на собственные труды для повышения собственного рейтинга. Такая картина действительно наблюдается. РИНЦ обещает бороться с этим явлением, но единственное, что пока удастся, это фиксировать сам факт самоцитирования: в персональной статистике пользователя указывается процент самоцитирований.

Впрочем, умеренное самоцитирование является нормальным. По понятным причинам журналы ограничивают авторов в объеме, поэтому многие моменты приходится освещать кратко и отсылать читателя к другим собственным работам, где они разобраны подробнее. Другое дело, что необходимо бороться против чрезмерного самоцитирования, но это уже задача – главного редактора и редколлегии журнала.

Еще одним распространенным возражением против индексов цитирования является предположение о том, что некий круг ученых может сговориться и ссылаться только друг на друга, повышая свои рейтинги. Некоторые специалисты по наукометрии язвительно на этот счет пишут: «Цитирование кругом ученых только друг друга напоминает историю о мифическом единороге: каждый может его вообразить, но никто не может его воспроизвести»¹⁵.

На месте экспертов мы бы не были так уверены. Анализ данных РИНЦ позволяет выявить случаи, когда отдельные авторы, имеющие доступ к периодическим изданиям, включенным в РИНЦ, накручивают себе весьма солидный рейтинг, в том числе и при помощи публикаций, носящих откровенно библиографический характер. Можно также заметить, что имеются группы ученых, которые активно друг на друга ссылаются. Впрочем, это связано скорее не со злым умыслом, а спецификой структуры нашего научно-исторического сообщества: оно нередко распадается на тесные группы по научным интересам и взглядам, которые живут и работают по принципу «насколько прекрасен наш круг».

В последнее время можно было услышать жалобы на то, что некоторые научные руководители заставляют своих аспирантов ссылаться на них специально для повышения их рейтинга в РИНЦ. Ситуация, действительно, неоднозначная. С одной стороны, ссылка на научного руководителя – элемент благодарности за то, что он обучил мастерству научного исследования, более того – это еще и признак вашей принадлежности к той или иной школе. С другой – «лепить» формальную ссылку на человека, который, может быть, случайно оказался в ваших руководителях, тоже не хочется, да и выглядит порой глупо.

Все же, думается, «накрутить» высокий рейтинг при помощи одних подневольных аспирантов невозможно. У «среднестатистического» научного руководителя, как правило, два или три аспиранта, обучающихся одновременно. В год они публикуют две–три статьи в изданиях, входящих в РИНЦ. Необходимо приложить титанические усилия (например, руководить сразу десятком аспирантов, что невозможно даже по формальным требованиям) для существенного повышения своего индекса цитирования.

Наконец, еще одной проблемой, хотя и общенаучной, являются «артефакты», то есть ошибки и разночтения в написании имен, фамилий и

инициалов. Неоднократно приходилось сталкиваться с тем, что система не учитывает ссылки, если в иностранном журнале как-то иначе указана фамилия автора, нежели это было сделано при регистрации. Часто закрадываются ошибки в написании инициалов, что приводит к тому, что ссылка направляется на ручную проверку, которая может продолжаться бесконечно долго.

И еще. Хронические проблемы РИНЦ возникают, как это нередко в жизни бывает, из его же преимуществ. Так, доступ авторов к поиску своих статей и ссылок на них приводит к тому, что многие элементарно присваивают и то, и другое. Для безликой поисковой системы вполне достаточно простого совпадения фамилии и инициалов, чтобы приписать недобросовестным пользователям то, что им не принадлежит. Кстати, такие есть и в первой десятке среди историков России. Нередко сталкиваешься с ситуацией, когда автор оказывается обладателем статей, написанных в разных учреждениях нашей страны, по разным, диаметрально противоположным, специальностям. Иные умудряются присвоить публикации, принадлежащие авторам из двух десятков учреждений. Трудно поверить, что они действительно могли работать в стольких местах. Недавно модераторы РИНЦ стали указывать не только фамилии и инициалы, но и полностью имена и отчества. Это должно оздоровить ситуацию, но вряд ли разрешит ее полностью.

Историческая наука через призму РИНЦ

С учетом указанных недостатков и особенностей все же следует признать, что индекс научного цитирования – важнейший элемент анализа состояния научно-исторического сообщества. Учитывая то, что зарубежные базы данных серьезно искажают либо вообще не показывают картину, сложившуюся в российской исторической науке, приходится обращаться к РИНЦ.

Несмотря на то, что не все авторы в нем зарегистрированы, не все исследования отражены, а количество ссылок иногда занижено в разы – это один из немногих наукометрических инструментов. Если кого-то возмутит, что ссылки на его труды, данные в монографиях, система не учитывает, напомним, что остальные авторы находятся в такой же ситуации и, следовательно, предоставляемые данные верно отражают хотя бы общие тенденции.

К сожалению, недостатки РИНЦ, заключающиеся в том, что поиск ссылок перекладывается на плечи самих авторов, приводят к тому, что более или менее адекватные данные есть только по тем историкам, которые регулярно проводят такие поиски.

Еще несколько лет назад это стало бы непреодолимым препятствием перед теми, кто работает с РИНЦ как наукометрическим источником. В последнее время из-за новых требований фондов-грантодателей, а также в связи с возросшим уровнем понимания того, что индекс стал необходимым элементом профессии, ситуация заметно изменилась. Все больше историков регистрируются в системе, причем зачастую целыми академическими институтами.

На нынешний момент (май 2013 г.) в РИНЦ числится 6 130 историков. Этой цифре нельзя полностью доверять, поскольку есть и те, кто оказался не учтен, хотя и регистрировался как историк. Так, известный специалист по летописанию Б.М. Клосс, имеющий приличный уровень цитирований, в списке историков почему-то отсутствует. Есть и те, кто из-за ошибок в написании своих фамилий или отчеств в публикациях оказались учтены дважды. Скажем, источниковед Лев Никитич Пушкарев подвергся «раздвоению» по причине того, что в одном случае его отчество в каком-то журнале обозначили как Никитович, а в другом – Никитич.

Спецификой 2012 г. стала погоня организаций за рейтингом. Это выражается в стремлении зарегистрировать максимально возможное количество сотрудников (особенно «рейтинговых»). В отношении показателей отдельных авторов это приводит к тому, что организации стремятся записать за собой и проиндексировать уже умерших классиков исторической науки, чьи труды приносят весомый вклад в количественные показатели учреждения. Так, в списке можно обнаружить А.Я. Гуревича, В.В. Седова, В.И. Буганова, Н.Н. Болховитинова и других. Думается, в этом нет ничего плохого: это позволяет получить более адекватную картину состояния нашей исторической науки, сравнить ныне здравствующих с ушедшими.

Вообще стоит отметить динамичный рост зарегистрированных в РИНЦ авторов, что происходит с параллельным ростом количества библиографических описаний журналов. Это позволяет надеяться, что уже в ближайшее время мы получим полноценную базу данных для изучения состояния отечественной науки.

Изучение индекса цитирования у историков позволяет сделать несколько наблюдений.

Во-первых, если отбросить ученых, только косвенно относящихся к исторической науке, то становится очевидным, что самые высокие рейтинги у тех, кто занимается древними периодами истории, особенно археологией.

Связано это, в первую очередь, с тем, что древность отличается крайней скудностью источников, зато историография здесь чрезвычайно обширна. Как следствие, прежде чем перейти к анализу темы, необходимо «учесть» и процитировать значительное количество работ коллег. Кроме того, тематика исследований здесь заметно уже, чем в изучении нового и

новейшего времени, что опять-таки приводит к неоднократным возвращениям к уже рассмотренным вопросам.

У специалистов по древней истории есть еще одно неожиданное преимущество: небольшое количество специализированных изданий и узкий круг коллег-исследователей. Это приводит к тому, что им легче отслеживать публикации друг друга, в то время как историки, занимающиеся новейшими периодами, «тонут» в потоке новой литературы, где большого труда стоит отделить «зерна» от «плевел».

Есть свои важные особенности и в археологии. Чрезвычайно высокий, по меркам историков, уровень цитирования археологов является следствием того, что формы организации археологических исследований в значительной степени являются коллективными. Археологи работают относительно крупными коллективами, поскольку даже небольшие раскопки и анализ их данных требуют усилий разных специалистов: археологов, почвоведов, химиков и т.д. Если раскопки имеют широкий размах, то необходимо, чтобы сразу несколько археологов готовили отчеты по работе, это приводит к большому количеству авторов одной публикации. Необходимо учитывать и специфику археологических источников: если на письменные источники можно сослаться напрямую, то археологические источники, как правило, не становятся доступными сразу после завершения раскопок и консервации объекта, а потому те, кто занимается схожей проблематикой, ссылаются на статьи коллег как на источники.

У специалистов по новой и новейшей истории количество ссылок заметно меньше. Это объясняется и большим объемом первоисточников, и тематической широтой, и сравнительно скромной историографической традицией. Повышенное внимание вызывают только важные, «постановочные» статьи и монографии, охватывающие широкие проблемы. В этом плане умение мыслить концептуально – едва ли не главная «дорога» к высокому индексу цитирования. Особой популярностью пользуются труды авторов, склонных к разработке вопросов теории исторической науки. Равно как и учебники, в основном из-за их общественной значимости.

РИНЦ позволяет выявить и наиболее востребованную тематику в изучении нового и новейшего времени. Это – межэтнические отношения (В.А. Тишков, В.А. Шнирельман), сталинские репрессии (Н.Ф. Бугай, В.Н. Земсков), Великая Отечественная война (Е.С. Сенявская), высшее образование и университетская культура (А.Ю. Андреев, А.Е. Иванов, И.В. Шильникова), общественная мысль, особенно консервативная (А.Н. Медушевский), историческая демография (В.Н. Земсков, В.Б. Жиромская), гендерные исследования (Н.Л. Пушкарева) и т.д. Чрезвычайно востребован в среде историков, хотя приносит мало ссылок, формат исторической биографии.

Меньше всего ссылок – на краеведческие работы, исследования по источниковедению и историографии. Если небольшое количество ссылок на краеведческую литературу легко объяснимо узостью тематики, то ситуация с источниковедением и историографией гораздо сложнее. Возможно, это связано с небольшим количеством специалистов по этим направлениям. В случае с историографией необходимо учитывать и ориентацию современных историографических «штудий» на персональный подход. Это приводит к ситуации, когда множество историографов превращаются в «специалистов» по одному, пусть и крупному, историку. Приходится учитывать и слабую разработанность истории исторической науки и культуры в целом, что заставляет исследователей ориентироваться на изучение «белых пятен», не имеющих историографической традиции.

Наблюдения над статистикой РИНЦ позволяют уловить важную тенденцию в исторических исследованиях, как и в гуманитарных науках в целом: усиливающаяся междисциплинарность. Стабильно высокие рейтинги имеют ученые, которые стремятся к исследованиям не только в области «чистой» классической истории, но и политологии, этнологии, права, демографии и т.д. Публикация в специализированных журналах для политологов, правоведов, демографов и т.д. только способствует росту востребованности материала. Высоким потенциалом цитирования обладают работы, напечатанные в междисциплинарных журналах.

Невооруженным глазом заметна и другая тенденция: высшие строчки рейтинга РИНЦ часто их занимают директора научно-исследовательских институтов, руководители научных и учебно-научных центров, деканы факультетов и т.д. Связано это не только с высоким уровнем их научных трудов (он не отрицается), но и с тем, что С. Фуллер назвал «нормой мафиозности»¹⁶. Речь о ситуации, когда относительно небольшой круг ученых, занимающих высокие административные позиции в научном и вузовском сообществе, благодаря этому имеет доступ к зарубежным командировкам и конференциям, преимущества (и по периодичности, и по объему) при публикации статей в журналах (особенно подведомственных). Они возглавляют большие исследовательские коллективы, являясь тем самым «презентаторами» (и соавторство в этом случае – не самая большая беда) их достижений и т.д. Это приводит к тому, что их научная деятельность получает широкую известность, что также способствует частоте цитируемости. Серьезную роль подобная «норма мафиозности» играет во всем мире и при распределении грантов. Какие масштабы эта «норма мафиозности» имеет в России, коллегам-историкам, думается, объяснять не нужно.

Влияет на индекс цитирования и «эффект Матфея», описанный Р. Мертоном. Суть его в том, что «научные журналы предпочитают публиковать статьи авторов, имена которых на слуху, обретение же известности

предполагает не только научные заслуги, но и упомянутые социальные механизмы»¹⁷.

Здесь, впрочем, стоит пожелать начинающим исследователям активнее рассылать свои первые статьи именно в ведущие научные журналы, а не в те, что за деньги напечатают все что угодно. При интересной тематике и оригинальных источниках, при упорной «работе над ошибками» (по замечаниям и рекомендациям рецензентов и редколлегий) статьи рано или поздно будут доведены до надлежащего качества и опубликованы. Потом имя автора станет известно редакции, будет заработан «первоначальный капитал» известности – тогда и последующие работы напечатать будет проще, как в этом журнале, так и в других.

Чрезвычайно трудно оценивать показатели учреждений.

Даже сопоставлять их – дело сложное: если статистика по академическим институтам дается, то по факультетам ее нет и она оказывается скрыта в общеузовских показателях. Поэтому придется ограничиться сопоставлением рейтингов их сотрудников, входящих в первые две сотни историков по данным РИНЦ.

Сразу в глаза бросается, что пальма первенства по-прежнему принадлежит институтам Российской академии наук и ее отделений. Здесь сосредоточено подавляющее большинство самых рейтинговых ученых.

Лидером по количеству сотрудников в первых сотнях является Институт российской истории (15 сотрудников в первой сотне, 11 – во второй). Затем идет Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (13–10; сразу два представителя этого института входят в тройку наиболее цитируемых историка России). За ним следует Институт этнологии и антропологии РАН (10–3). При этом ИРИ РАН занимает 403-е место среди научных учреждений России; Институт археологии и этнологии Сибирского отделения – 290-е; Институт этнологии и антропологии – 657-е.

Показатели вузов значительно скромнее: Московский государственный университет (4 в первой сотне, 1 – во второй), СПбГУ (4–3), РГГУ (1–4), Высшая школа экономики (4–1).

* * *

Итак, РИНЦ позволяет выявить черты современного сообщества профессиональных историков.

Среди них – такие важные, как востребованность исследовательской продукции, показатели научных структур и т.д. Очевидно, что данные индекса нельзя абсолютизировать, его показатели требуется учитывать в совокупности с другими критериями научной работы. Например, существует целый ряд историков, заслуживших всеобщее признание среди коллег, но

в силу специфических причин их тематика оказывается не слишком популярной, что снижает их формальный рейтинг. Целесообразно учитывать дополнительные критерии успешности научной деятельности (количество защитившихся аспирантов, участие в конференциях, грантах и т.д.), которые должны рассматриваться наравне с индексом цитируемости.

Открытым остается вопрос о том, насколько научно-вузовская бюрократия осознает, а в дальнейшем будет учитывать все особенности использования индексов цитирования в оценке качества научной работы историков. Наш личный опыт по написанию аналитических записок для Министерства образования и науки свидетельствует о том, что там понимают: историков нельзя сравнивать с представителями других дисциплин, тем более естественнонаучных. Но вот признавать специфику историков, работающих над разными проблемами и в разных субдисциплинарных нишах, отказываются напрочь. Недавние громкие скандалы с определением рейтингов эффективности вузов не добавляют оптимизма.

Несмотря на недостатки, РИНЦ является динамично развивающейся базой данных с разветвленной системой наукометрических оценок. Новые опции и совершенствование старых позволяет совершить качественный рывок в количественном измерении отечественной науки, в том числе и исторической. Крайне опасным и необдуманным является декларация о намерении Министерства образования и науки сделать приоритетными в определении эффективности научной работы и даже возможности защитить диссертацию публикацию в зарубежном рецензируемом журнале, входящем в так называемую международную, а фактически американскую (по сути – частную коммерческую) систему WoS.

В особенности это опасно для российской исторической науки, которая в значительной степени продолжает оставаться национальной. Но это – тема отдельного разговора, притом весьма непростого.

Примечания

¹ Михайлов О.В. Критерии и параметры объективной оценки качества научной деятельности // Вестник Российской академии наук. 2011. Т. 81, № 7. С. 622.

Mikhaylov O.V. Kriterii i parametry obektivnoy otsenki kachestva nauchnoy deyatel'nosti // Vestnik Rossiyskoy akademii nauk. 2011. Vol. 81, No. 7. P. 622.

² Там же.

Ibidem.

³ Курчик О.И. «Незаметная» наука: паттерны интернационализации российских научных публикаций // Форсайт. 2011. Т. 5, № 3. С. 34–42; Коцемир М.Н. Публикационная активность российских ученых в ведущих мировых журналах // Acta naturae. 2012. Т. 4, № 2(13). С. 15–35; Полетаев М.А., Савельева И.М. Зарубежные публикации российских

гуманитариев: социометрический анализ // *Поletaev A.* Неклассическое наследие. М., 2011. С. 643–663; *Усачев А.С.* Российские историки и зарубежные журналы: некоторые размышления специалиста по истории России // *Новый исторический вестник.* 2013. № 1(35). С. 69–83.

Kirchik O.I. “Nezametnaya” nauka: patterny internatsionalizatsii rossiyskikh nauchnykh publikatsiy // *Forsayt.* 2011. Vol. 5, No. 3. P. 34–42; *Kotsemir M.N.* Publikatsionnaya aktivnost rossiyskikh uchenykh v vedushchikh mirovykh zhurnalakh // *Acta naturae.* 2012. Vol. 4, No. 2 (13). P. 15–35; *Поletaev M.A., Saveleva I.M.* Zarubezhnye publikatsii rossiyskikh humanitariev: sotsiometricheskii analiz // *Поletaev A.* Neklassicheskoe nasledie. Moscow, 2011. P. 643–663; *Usachev A.S.* Rossiyskie istoriki i zarubezhnye zhurnaly: nekotorye razmyshleniya spetsialista po istorii Rossii // *Novy istorichesky vestnik.* 2013. No. 1. P. 69–83.

⁴ *Варшавский А.Е., Иванов В.В., Маркусова В.А.* Об адекватной оценке результативности научной деятельности // *Вестник Российской академии наук.* 2011. Т. 81. № 7. С. 587–593; *Мотрошилова Н.В.* Недоброкачественные сегменты наукометрии // *Вестник Российской академии наук.* 2011. Т. 81. № 2. С. 134–146.

Varshavskiy A.E., Ivanov V.V., Markusova V.A. Ob adekvatnoy otsenke rezultativnosti nauchnoy deyatelnosti // *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk.* 2011. Vol. 81. No. 7. P. 587–593; *Motroshilova N.V.* Nedobrokachestvennyye segmenty naukometrii // *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk.* 2011. Vol. 81. No. 2. P. 134–146.

⁵ *Варшавский А.Е., Иванов В.В., Маркусова В.А.* Указ. соч. С. 589.

Varshavskiy A.E., Ivanov V.V., Markusova V.A. Op. cit. P. 589.

⁶ *Усачев А.С.* Российские историки и зарубежные журналы: некоторые размышления специалиста по истории России. С. 69–71.

Usachev A.S. Rossiyskie istoriki i zarubezhnye zhurnaly: nekotorye razmyshleniya spetsialista po istorii Rossii. P. 69–83.

⁷ *Усачев А.С.* Российский индекс научного цитирования // *Библиография.* 2010. № 1. С. 24.

Usachev A.S. Rossiyskiy indeks nauchnogo tsitirovaniya // *Bibliografiya.* 2010. No. 1. P. 24.

⁸ *Варшавский А.Е., Иванов В.В., Маркусова В.А.* Указ. соч. С. 591.

Varshavskiy A.E., Ivanov V.V., Markusova V.A. Op.cit. P. 591.

⁹ Как платят профессорам: Глобальное сравнение систем вознаграждения и контрактов. М., 2012.

Kak platyat professoram: Globalnoe sravnenie sistem voznagrzhdeniya i kontraktov. Moscow, 2012.

¹⁰ Индекс цитирования для оценки результативности научной работы: Методические рекомендации. Волгоград, 2011.

Indeks tsitirovaniya dlya otsenki rezultativnosti nauchnoy raboty: Metodicheskie rekomendatsii. Volgograd, 2011.

¹¹ Российский индекс научного цитирования: успехи и проблемы (<http://www.polit.ru/article/2009/01/26/rints>).

Rossiyskiy indeks nauchnogo tsitirovaniya: uspekhi i problemy (<http://www.polit.ru/article/2009/01/26/rints>).

¹² *Соколов М.М.* Чтобы индексы цитирования сработали (<http://www.polit.ru/article/2009/12/10/index1>).

Sokolov M.M. Chtoby indeksy tsitirovaniya srbotali (<http://www.polit.ru/article/2009/12/10/index1>).

¹³ *Соколов М.М.* Указ. соч.

Sokolov M.M. Op.cit.

¹⁴ *Варшавский А.Е., Иванов В.В., Маркусова В.А.* Указ. соч. С. 591.

Varshavskiy A.E., Ivanov V.V., Markusova V.A. Op.cit. P. 591.

¹⁵ Там же.

Ibidem.

¹⁶ *Юревич А.В.* К проблеме оценки вклада российской социогуманитарной науки в мировую // Вестник Российской академии наук. 2011. Т. 81. № 7. С. 617.

Yurevich A.V. K probleme otsenki vklada rossiyskoy sotsiogumanitarnoy nauki v mirovuyu // Vestnik Rossiyskoy akademii nauk. 2011. Vol. 81. No. 7. P. 617.

¹⁷ Там же. С. 617–618.

Ibidem. P. 617–618.

У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

М.В. Каиль

СВЯТОСТЬ В ПРАВОСЛАВИИ XX в.: ПЕРСОНИФИКАЦИЯ И КАНОНИЗАЦИОННАЯ ПРАКТИКА ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ

Почитание благочестивых предков, их причисление к сонму заступников за молящихся пред престолом Божиим было характерно для православия, в том числе русского, на протяжении его тысячелетней истории. Однако многогранный феномен святости прежде не был предметом специального научного труда.

Свое исследование феномена святости в отечественном культурном пространстве, обобщенное в монографии, увидевшей свет в Италии¹, Илья Викторович Семененко-Басин развил в российском издании работы². Тема святости была и темой его докторской диссертации, а также десятков научных статей и публикаций источников³. Доктор исторических наук, профессор, он работает РГГУ, в Научно-исследовательском центре изучения религий.

Несмотря на значительную востребованность тематики исследований Семененко-Басина, его монография оказалась, пожалуй, недостаточно популяризирована, не вызвала большого числа научных откликов. Причина тому кроется отчасти в определенной заданности направления общественной дискуссии о святости и святых XX в., идущей как в православной, так и в светской части общества. Современное российское общество подготовлено к возведенному в канон восприятию страданий и мученического подвига многих православных жертв советского политического режима. Результаты научного осмысления проблемы, в том числе ее ментальной проекции, а равно политической ангажированности многих образов и конкретных ликов святости (и лиц святых) в этой обстановке оказываются далеко не на первом плане.

Между тем, в работе И.В. Семененко-Басина мы видим многослойное научное исследование. С одной стороны, оно опирается на массив источников и традиционную методологию исторического исследования; с другой, включает в предмет рассмотрения менталитет, сознание конфессионального общества. Автор прибегает к объяснительным конструктам и арсеналу

средств философии и культурологии (у историков-традиционалистов обилие философских построений в тексте может вызвать настороженность, но именно многоаспектность, как нам представляется, обеспечивает работе эвристический потенциал).

Проблема, изучаемая автором, действительно требует междисциплинарного подхода. Он исследовал специфику персонификации национального православно-религиозного представления о святости в практике прославления святых XX в.

Контекст проблемы неоднозначен и сложен. В персонификации святости XX в. отразились сложности конфликтных взаимоотношений Русской православной церкви с Советским государством и противоречия становления современной модели государственно-церковных отношений в России, непростые отношения Русской православной церкви Московского патриархата (РПЦ МП) и Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ), социально-политическая и внешнеполитическая обусловленность ряда событий церковной жизни и другие факторы.

В исследовании И.В. Семененко-Басина рассмотрены три вехи истории российского православия и три различных периода персонификации святости: дореволюционный (монархический), советский и современный (постсоветский).

Автор справедливо отмечает, что актуализация православной святости была значимой составляющей национально-духовной политики правительства Николая II, определявшейся отчасти и религиозностью семьи последнего русского монарха. Однако утверждение что «увеличение числа канонизаций обусловило также и личное благочестие последней императорской четы» (с. 21) выглядит не вполне обоснованным, тем более что увлечение царицы мистицизмом и некоторые формы исповедания веры, характерные для монаршей четы, отнюдь не вписывались в традицию русского православия. По этой теме имеются основательные исторические исследования, раскрывающие детали вероисповедной политики и канонизационной практики в эпоху правления Николая II⁴. Прославления Серафима Саровского (1903 г.), патриарха Гермогена (1913 г.), епископа Тамбовского Питирима (1914 г.), митрополита Тамбовского Иоанна (1916 г.), помимо духовно-нравственного наполнения, вполне отвечали политической задаче консолидации общества вокруг явленных святынь православия, отсылая к известной имперской идеологеме. Неслучайно в тот период наблюдается хорошо прослеженное автором исследования «преодоление» настойчивого представления прежних веков об обязательной (и необходимой для акта прославления) нетленности тела святого (с. 30–34). В то время имело место переплетение очевидно трансформирующейся под влиянием социальной модернизации традиции святости,

внутриполитического курса империи и личных мотивов монаршей семьи (прославление Серафима Саровского тесно переплетено с переживанием появления наследника престола).

Качественно расширяет горизонт исследования равноправное рассмотрение практик фиксации святости внутри всего спектра православных церквей, в том числе старообрядческой. Легализация староверия в 1905 г. открыла перспективы и в институционализации образов святости «старой Руси». В среде старообрядцев больно переживался период истребления их святынь, в том числе уничтожения мощей чтимых борцов за «веру отцов». На опыт почитания святых влияла и традиционная децентрализация староверия, приводившая к обилию локальных культов. В 1909 г. старообрядцы поставили вопрос почитания святых в повестку дня Освященного Собора епископов (с. 40–42). Всплеск активности староверов пришелся на церковную весну 1917 г., когда состоялось прославление ряда «пострадавших от никониан за древнее благочестие» (с. 46).

Подводя итоги первого, имперского, периода изучения русской святости, И.В. Семененко-Басин обоснованно отмечает множественность религиозных культов, их иерархичность (от локальных до общероссийских), однако общество, действительно переживавшее в начале XX в. ренессанс «чувства священного», уже не могло быть консолидировано исключительно на основе религиозного переживания открытия святого.

В новом фокусе рассмотрел автор деятельность Поместного Собора 1917–1918 гг. Время работы собора было ознаменовано обострением отношений РПЦ со светской властью, особенно после прихода к власти большевиков. 31 октября 1917 г. был расстрелян священник Иоанн Кочуров. В дальнейшем буквально каждый день появлялись сведения о новых «жертвах революции». Собор, однозначно осудив насилие и братоубийства, ввел и особую практику поминовения иерархов и священнослужителей. В апреле 1918 г. был установлен особый день молитвенного поминовения «всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников» (с. 54). Тем самым, по мысли автора, «собор представил актуальные социальные события в сфере святого» (с. 64).

Высший орган церковного управления рассмотрел и ряд представлений о канонизации подвижников прежних веков. Но к числу главных заслуг собора И.В. Семененко-Басин относит проведение реформы почитания святых: после длительной проработки и обсуждения в сентябре 1918 г. было принято и утверждено определение «О порядке прославления святых к местному почитанию» (с. 69), позволившее упорядочить множество отечественных локальных культов. При этом несколько романтизированным выглядит вывод автора о том, что в соборных деяниях было явлено «ясное церковное самосознание», способствовавшее «сбережению имевшихся святынь» (с. 72).

Представляется, что всеобщая политизация в немалой степени коснулась и благословляемой церковью сферы «святости», в том числе прославления первых «жертв революции». Их причисление к исповедникам сформировало мощный, но не вполне исторически оправданный стереотип-миф о сохранении исключительно церковью и ее служителями подлинной святости и чистоты исповедания веры. Героизация и освящение «жертв революции», выводящие их из исторического, бытийного контекста, сформировали мощный табу на историческое осмысление модернизма, распространившегося и в церковной среде начала XX в., что не может не влиять на адекватность общественных представлений о природе и истинных масштабах проявившейся в 1917 г. революционизации российского общества⁵.

Советский период персонификации святости привлекает особое внимание. Отмеченное автором вытеснение и замещение православной религиозности советскими культурами, в частности культом тела Ленина, не могло не сказаться на религиозности россиян. И.В. Семененко-Басин склонен рассматривать советский период в истории православия как время «сбережения святынь».

Однако в тот период постепенно формировался культ новомучеников, актуализировались, причем порою государственным аппаратом, культы святых воинов и защитников Земли Русской (как это произошло в годы Великой Отечественной войны). Думается, что советская эпоха в измерении святости представляла собой время борьбы государства и церкви за приоритет в праве персонификации. К схожим выводам пришел У. Хасбанд, изучавший советский опыт формирования «нового человека» за счет последовательной дискредитации религиозной святости и насаждения «светских святынь»⁶.

Особое место уделено в исследовании кампании по вскрытию святых мощей 1918–1920 гг. и последующим попыткам церкви вернуть поправное достояние святости. В ходе «мощейной» кампании большевистское государство пыталось дискредитировать веру в нетленность мощей подвижников благочестия: массовые и фактически повсеместные вскрытия мощей (в ходе которых выяснялось, что многие останки «дотраивались» с целью придать мощам облик сохранившегося тела), создавали «эффект обманутых ожиданий» (с. 74, 77). За вскрытием следовала передача мощей в музеи или их уничтожение (порою варварское). Кампания больно задела религиозное чувство многих верующих и вызвала протесты церковной администрации, истолкованные как антисоветские выступления.

Оценивая символический контекст советской борьбы с мощами, автор приходит к убедительному выводу о сути явления: «Вскрытие мощей следует приравнять к символической казни святых, поскольку новая власть утверждала себя через шокирующее насилие над священным» (с. 85). Более

того, в ходе развенчания мощей «средневековые святители, преподобные и благочестивые князья стали причастны к жертве новомучеников XX в.» (с. 85). В том же символическом контексте автор склонен рассматривать и культивируемое большевиками «нетленное» тело Ленина, обосновывая его использование в качестве аргумента политической борьбы: «В контексте постоянной борьбы и шельмования противников – от империалистов до троцкистов – нетление ленинского тела было своеобразным аргументом правоты, осязаемым и по-своему грозным» (с. 88).

На новом политическом витке, в 1940-е гг., государство по просьбе церковной администрации вернуло РПЦ мощи нескольких святых. Правда, эти акции не были публичными, а «возвращение мощей было... спрятано от советского общества» (с. 99). Эти действия властей, способствовавшие «сохранению элементов традиционного благочестия», автор предлагает рассматривать в органичной связи с тайным почитанием мучеников советского времени (с. 109).

Убедительно выглядит рассмотрение автором сохранения русской святости в Русском зарубежье. При этом, пожалуй, впервые в поле объективного рассмотрения оказывается канонизационная практика РПЦЗ, ее преемственность решениям и духу решений Поместного Собора 1917–1918 гг. Локальное почитание в диаспоре Николая II затем выльется в его прославление в РПЦЗ и требование Зарубежной церковью его канонизации в Московском патриархате, выполнение которого будет означать преодоление препятствий для взаимного признания и канонического общения. Вполне справедливо замечание о том, что «канонизации 1964–1970 гг. стали прологом соревнования двух соперничавших церковных корпораций: РПЦ МП и РПЦЗ на поприще восстановления почитания русских святых» (с. 122). То было соперничество за право сохранения «истинной святости», в котором РПЦЗ до раскрепощения РПЦ МП в середине 1980-х гг. явно лидировала.

Эпохальной была канонизация собором епископов РПЦЗ 1981 г. новомучеников и исповедников из 105 имен во главе с последним императором (с. 125–126). При этом празднование собора новомучеников было приурочено к 25 января (7 февраля), что демонстрировало преемственность с установлениями Поместного Собора 1917–1918 гг. Обновление национальных образов святости, подготовленное формированием местных соборов святых в 1960–1980-е гг. (с. 129–130), как известно, началось в годы «перестройки» в ходе подготовки юбилея 1000-летия принятия Русью христианства.

Масштабная канонизация Собором 1988 г. знаменовала возрождение церкви в сонме ее святых, а прославление патриарха Тихона в 1989 г. было прологом для прославления свыше тысячи новомучеников и исповедников российских в 2000 г.

Институционализацию и иерархизацию национальных образов святости принесли с собой 1990-е гг. Эти тенденции «собираания святости», как показал автор исследования, были характерны для всего спектра христианских церквей (гл. 5).

Однако прославление святых в условиях новой (при всей спорности и кажущейся объяснительной неуместности термина – постсекулярной) действительности, вызвало общественные дискуссии об исторической памяти, особенностях современного «прочтения» и трактовки событий новейшей истории православия в России. Очевидно, образы святости, воссозданные исключительно в агиографическом каноне, не удовлетворяют критическим запросам значительной части общества. Подспудно, периодически активизируясь, развивается дискуссия о характере осмысления подвига новомучеников. Даже в недрах обеспечивающей канонизацию комиссии заявляют, что основа прославления – научная, и опирается всякое новое прославление на всестороннее воссоздание биографий православных. Так, секретарь Синодальной комиссии по канонизации игумен Дамаскин (Орловский) отмечает особое значение следственных материалов в воссоздании обстоятельств служения и мученичества исповедников Российских. Он приводит убедительные аргументы о необходимости изучения всего комплекса выявленных материалов в отношении изучаемой персоны и утверждает: «За каждым эпизодом жития должен стоять документ, причем достоверность его и изложенных в нем фактов должна быть всесторонне проанализирована еще до того, как эти факты представлены вниманию общества»⁷.

Понятно, что перспективы изучения биографий уже прославленных РПЦ в лике святых иерархов, клириков и мирян находятся в особом положении. Подходы конца 1990-х гг., когда в преддверии Архиерейского собора 2000 г. появилась масса необходимых для совершения акта канонизации житий новомучеников, весьма далеких от формата объективных, тем более научных, биографий представителей православного епископата, клириков и мирян, ныне выглядят иначе.

При подготовке биографического исследования, посвященного церковному деятелю, перед исследователем встает ряд задач. Во-первых, сформировать представительный и полный (репрезентативный) комплекс источников, решить важную методологическую проблему поиска подхода, ключа к биографии. Историк отвечает на вопрос, чью биографию писать: заведомо мученика за веру, сама жизнь которого в эпоху богоборчества являлась духовным подвигом, пред которым меркнут даже неблагоприятные поступки, не говоря о жизненных стратегиях и практиках, присущих всем людям, подвергающимся опасности, или воссоздавать детальное, опирающееся на всю полноту выявленных фактов биографическое полотно с непредугаданными контурами и непредвзятыми выводами. В современной

исследовательской практике две тенденции очевидно борются, но продуктивным для исторической биографики будет лишь тот исход борьбы, который закрепит позицию последовательного выявления истины, являющейся необходимым условием для непротиворечивой канонизации.

Экс-глава Синодальной комиссии по канонизации митрополит Ювеляний подробно характеризовал роль и место источников в осмыслении православных жертв советского режима: «Во время гонений в XX веке власти предприняли все возможное, чтобы жизнь подвижников имела наименьшее влияние на народ и сделала практически потаенными обстоятельства следствия, заключения в тюрьме и мученической кончины». Вместе с тем митрополит справедливо отмечает: «Знакомство с архивно-следственными делами показало, что человек еще до своего страдания или во время его мог совершить страшные нравственные падения... Вот почему для канонизации... особую важность приобретают те обстоятельства, через которые проявилась побеждающая все вера во Христа»⁸.

К серии сложных вопросов современной практики «фиксации святости» обращается в заключительной главе своей монографии И.В. Семененко-Басин. Он отмечает, что явленная в конкретных персональных образах святость выполняет функцию исторической памяти, активный центр которой при известной политико-идеологической обстановке в СССР находился в Зарубежье и хранился, среди прочих институтов, и РПЦЗ (с. 183–185). В фокус рассмотрения вошла и проблема «критериев святости» в условиях расколов РПЦ XX в.: автор справедливо показал обоснование возможности прославления деятелей так называемой «правой оппозиции», данное в Московском Патриархате. Казусы в наделении святостью были и в РПЦЗ. Так, было отказано в прославлении иных «свидетелей» и «исповедников веры» не во всей ее полноте, как в случае с П.А. Флоренским (с. 189).

В богатом историческом контексте представлена исследователем и проблема канонизации императора Николая II, вызывающая дискуссии и по сей день. Характеризуя специфику восприятия монарха как символическую защитную преграду от нечистых, внехристианских сил, автор подчеркивает мотивы всенародного «покаяния за предков, отвернувшихся в годы революции от своего государя» (с. 210). Однако рассмотрение старчества и «теневой традиции» почитания «святости» современной церковной жизни в одной плоскости представляется не вполне корректным (с. 212).

Вместе с тем убедителен завершающий исследование текстологический очерк, отсылающий к семантической нагрузке конструкта «новомученики и исповедники». Акцент на страдание, не обязательно и не всегда сопровождавшееся свидетельством веры, убеждает, что современные политико-идеологические метаморфозы действительно выдвинули на

первый план жертв насилия «вне традиционных форм почитания свидетелей веры» (с. 216). И хотя сам автор, высказав данный тезис, пытается его смягчить (с. 216–217), его доказательная сила символично подчеркивает: в современном мире и сфера святости оказалась в известной мере политически ангажирована.

В заключении автор приводит ряд обобщающих характеристик проблемы, но основную эвристическую нагрузку исследования несут твердо связанные с историческим контекстом проблемы лаконичные замечания, изложенные по тексту.

Автор отдельно не останавливается на политическом аспекте канонизационной практики как РПЦ МП, так и РПЦЗ. Однако материалы его исследования со всей очевидностью демонстрируют: в жизни церкви XX в. и сфера святости испытала на себе влияние внецерковных факторов. Что нового вносит это наблюдение в рассмотрение церковной истории? Прежде всего, позволяет на объективной фактической основе ввести в исследовательское поле понятие «церковной политики», многими авторами отрицаемое или оспариваемое. Его дальнейшее применение будет способствовать объективному рассмотрению деятельности институтов церковного управления, к ведению которых относятся ключевые вопросы жизни всей церковной организации.

Само обращение к проблеме «функционирования» образов святости в историческом контексте, его исследование на междисциплинарном поле дало важный результат, способствуя демифологизации представлений о конфессиональной истории новейшей России. Остается надеяться, что своими дальнейшими работами автор будет способствовать популяризации результатов этого научного труда.

Примечания

¹ *Semenenko-Basin I.* Eternamente fiorisce: I nuovi santi della Chiesa ortodossa russa. Milano, 2005.

² *Семеновко-Басин И.В.* Святость в русской православной культуре XX века: История персонализации. М., 2010.

Semenenko-Basin I.V. Svyatost v russkoy pravoslavnoy kulture XX veka: Istoriya personifikatsii. Moscow, 2010.

³ *Семеновко-Басин И.В.* Символы российского православия и советской «политической религии» // Общественные науки и современность. 2008. № 4. С. 125–131; *Семеновко-Басин И.В.* Новые святые российского православия // Вопросы культурологии. 2008. № 11. С. 34–36; *Семеновко-Басин И.В.* Канонизация святых в старообрядческих церквях России // Религиоведение. 2008. № 3. С. 28–38; *Семеновко-Басин И.В.* Современная российская агнография и проблемы культурно-исторической памяти // Вестник РГГУ. 2009. № 15. С. 154–159; *Семеновко-Басин И.В.* Культ императора Николая II в традициях российского православия XX – начала XXI вв. // Религиоведение. 2009. № 3. С. 28–38; *Семеновко-Басин И.В.* Политика в отношении Церкви и возвращение мощей верующим в 1940-е годы // Российская история. 2010. № 2. С. 170–175.

Semenenko-Basin I.V. Simvolы rossiyskogo pravoslaviya i sovetskoy “politicheskoy religii” // Obshchestvennye nauki i sovremennost. 2008. No. 4. P. 125–131; *Semenenko-Basin I.V.* Novye svyatye rossiyskogo pravoslaviya // Voprosy kulturologii. 2008. No. 11. P. 34–36; *Semenenko-Basin I.V.* Kanonizatsiya svyatykh v staroobryadcheskikh tserkvakh Rossii // Religiovedenie. 2008. No. 3. P. 28–38; *Semenenko-Basin I.V.* Sovremennaya rossiyskaya agiografiya i problemy kulturno-istoricheskoy pamyati // Vestnik RGGU. 2009. No. 15. P. 154–159; *Semenenko-Basin I.V.* Kult imperatora Nikolaya II v traditsiyakh rossiyskogo pravoslaviya XX – nachala XXI vv. // Religiovedenie. 2009. No. 3. P. 28–38; *Semenenko-Basin I.V.* Politika v otnoshenii Tserkvi i vozvrashchenie moshchey veruyushchim v 1940-e gody // Rossiyskaya istoriya. 2010. No. 2. P. 170–175.

⁴ *Бабкин М.А.* Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.): Исследования и материалы. М., 2011.

Babkin M.A. Svyashchenstvo i Tsarstvo (Rossiya, nachalo XX v. – 1918 g.): Issledovaniya i materialy. Moscow, 2011.

⁵ *Кауль М.В.* Биографические источники о православном епископате и духовенстве советской эпохи в российских архивах: проблема репрезентативности // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Ч. 1. Иваново, 2013. С. 172–179; Церковь в революции: Организация и работа Всероссийского съезда духовенства и мирян 1917 г. // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 241–255.

Kail M.V. Biograficheskie istochniki o pravoslavnom episkopate i dukhovenstve sovetskoy epokhi v rossiyskikh arkhivakh: problema reprezentativnosti // Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov v istorii Rossii XX veka. Part 1. Ivanovo, 2013. P. 172–179; Tserkov v revolyutsii: Organizatsiya i rabota Vserossiyskogo sezda dukhovenstva i miryan 1917 g. // Noveyshaya istoriya Rossii. 2013. No. 1. P. 241–255.

⁶ *Husband W.B.* “Godless Communists”: Atheism and Society in Soviet Russia, 1917–1932. DeCalb (Illinois), 2000.

⁷ Истина в деталях: О работе комиссии по канонизации в подробностях // Журнал Московской Патриархии. 2011. № 12. С. 50.

Istina v detalyakh: O rabote komissii po kanonizatsii v podrobnostyakh // Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii. 2011. No. 12. P. 50.

⁸ *Ювеналий (Поярков), митрополит.* Канонизация святых в Русской Православной Церкви // XII Международные Рождественские образовательные чтения, 25 января 2004 г. М., 2004. С. 11–12.

Yuvenaliy (Poyarkov), mitropolit. Kanonizatsiya svyatykh v Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi // XII Mezhdunarodnye Rozhdestvenskie obrazovatelnye chteniya, 25 yanvara 2004 g. Moscow, 2004. P. 11–12.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Административно-территориальное устройство России, его современное состояние и историческая эволюция – одна из наиболее востребованных проблем в современной российской науке. Этой проблематикой занимаются историки, географы, экономисты, политологи¹.

Устойчивый интерес к этой теме обусловлен ее значимостью для нашей страны, о которой свидетельствуют неоднократные преобразования в области административно-территориального деления, осуществлявшиеся в Российской империи, в СССР и в современной, постсоветской, России. Общей целью всех преобразований была выработка более эффективных, адекватных задачам форм и способов управления страной. Актуальность темы определяется также значимостью вопроса об административно-территориальном устройстве для постсоветской России, претерпевшей за последнее десятилетие ряд трансформаций, в частности – реформу по укрупнению регионов страны. Процесс укрупнения субъектов Российской Федерации был вызван необходимостью совершенствования современной региональной политики. В этой связи важно учитывать исторический опыт реформирования административно-территориального деления, который был составной частью процесса модернизации СССР.

Внимание исследователей административно-территориального деления, занимающихся начальным периодом истории РСФСР и СССР, в основном обращено к первой и второй советским реформам районирования. Безусловно, трансформации первых лет Советской власти, эпохи Гражданской войны не остаются ими не замеченными. Однако на фоне последующих преобразований они зачастую удостаиваются лишь мимолетного упоминания. До сих пор не получил адекватного осмысления опыт административно-территориальных трансформаций в Центральной России в годы Гражданской войны. Между тем, для успешного проведения в жизнь политики «военного коммунизма» и построения социализма требовались новые формы административно-территориальной организации. Таким образом, территориальное реформирование было связано с политической стратегией правящей партии большевиков.

Происходившие в 1918 – начале 1920 гг. трансформации в целом характеризуются в исследовательской литературе как «стихийные». Тем самым всем образованным в то время губерниям, уездам, волостям приписывается непродуманный, непоследовательный и даже произвольный характер появления на свет. К примеру, О.В. Шульгина оценивает в этом

отношении первые два года Гражданской войны как «период “власти на местах” и самостоятельной перекройки границ без санкций центра», а также отмечает «стихийность преобразований» как одну из отличительных черт времени². По выражению С.А. Тархова, после Октябрьской революции «на основной территории страны... начался процесс размельчения ряда старых губерний»³.

После распада СССР вопросы административно-территориального деления остались актуальными и востребованными исследователями. Предметом анализа являлись как история административно-территориального деления России в целом, так и отдельные ее аспекты, когда внимание ученых обычно концентрировалось на отдельном временном периоде, регионе или проблеме. Однако в основном исследователи либо освещали историю вопроса, нередко схематично, на материале довольно продолжительных временных периодов, либо их внимание было приковано к конкретным проектам и преобразованиям дореволюционного периода и советским реформам, начиная с 1920-х гг.

Особую группу исторической литературы представляют издания, посвященные различным аспектам событий революции и Гражданской войны на местах. В отношении запада России можно выделить коллективный труд по истории Брянского края в XX в.⁴ Являясь глубоким исследованием брянских историков и краеведов, основанным в том числе на местных архивах, книга дает важный материал для воссоздания политической и экономической истории Брянщины в минувшем веке.

Одним из наиболее значимых современных трудов стала монография доктора исторических наук Е.Г. Карелина, профессора Смоленского филиала РАНХиГС при президенте Российской Федерации. В ней рассматривается история управления Западным краем Советской России в 1917–1939 гг. в непосредственной связи с изменениями административно-территориального устройства⁵. Впервые как целостное явление в ней изучено становление, трансформация и функционирование механизма региональной власти в Западном крае России.

Выявляя механизм управления этим регионом, автор особое внимание уделяет формированию региональной советской системы власти в 1917–1921 гг., реформированию губернской организации власти в Западном крае РСФСР в 1921–1929 гг. и проведению районирования Западной области России в 1929–1939 гг., что предопределило основную структуру работы. Исследование написано в русле политической регионалистики, что является принципиально важным в настоящее время для углубления познания политической истории раннего советского времени. Ключевым в книге оказывается понятие «механизм власти», под которым подразумевается «сложившаяся система региональных органов власти и управления, которые в своем взаимодействии осуществляли проведение государственной политики в Западном крае России» (с. 5).

Автор в целом критически оценивает сложившуюся в исследуемой им области историографическую ситуацию. Классовый подход советской историографии представляется ему на данном этапе развития исторической науки «теоретически несостоятельным» (с. 9). Теория тоталитаризма, на которую опирается американская советология, упрощает развитие советской политической системы, сводя ее преимущественно к «репрессивной стороне функционирования» властного механизма (с. 9). Современные же региональные исторические исследования, считает автор, характеризуются фрагментарностью и разрозненностью. Более того, провинциальные историки постоянно сталкиваются с трудностями в издании своих работ и в поиске источников финансирования исследований.

Создание региональной исторической школы автор относит к 1950–1960-м гг., когда в эпоху критики «культы личности» предпринимались попытки осмысления исторического пути Советского государства. И хотя основной акцент в работах советского времени все же делался на партийном руководстве Советами и различными регионами, применение регионального подхода в исследованиях способствовало расширению тематики (например, изучению административно-территориальных трансформаций, и в частности районирования СССР) и более детальному изучению отдельных регионов – Уральской, Средне-Волжской областей, Северо-Кавказского края и других (с. 18).

В эпоху «перестройки» и распада СССР исследователи в основном рассматривали советскую политическую историю как процесс формирования административно-командной системы власти. Популярными также были поиски альтернатив в развитии советской государственности (к примеру, при интерпретации А.Г. Кушником реформы районирования 1920–1930-х гг. как попытки демократизации и децентрализации власти). Е.Г. Карелин пользуется в своем исследовании одним из подходов Кушника, изучавшего взаимосвязь между государственной эволюцией и административно-территориальными трансформациями в Западном крае. А игнорирование этой взаимосвязи американскими учеными при изучении региональной тематики автор считает одной из проблем американской советологии. Еще одно «белое пятно» западной историографии, по его мнению, – отсутствие глубокого понимания «системы Советов как особой формы государственных органов», в частности – их места «в общем механизме власти» и закономерностей «функционирования и взаимоотношений Советов и партийных органов» (с. 25–26).

На современном этапе наиболее распространенными в области изучения политической истории СССР являются, по мнению Е.Г. Карелина, тоталитарный, умеренно-социалистический и ортодоксально-коммунистический подходы (с. 22).

Автор монографии опирается как на неопубликованные, так и на опубликованные источники. Он использовал большое количество московских, белорусских, смоленских и брянских архивных материалов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Наиболее репрезентативными являются документы, относящиеся к 1917–1930 гг., поскольку в них запечатлены открытый обмен мнениями и живые дискуссии по различным вопросам, связанным с установлением Советской власти. Материалы 1930-х гг. отмечены секретностью и представляют собой, главным образом, отдельные аналитические записки региональных руководителей. Наиболее ценные материалы были обнаружены в региональных архивах, среди которых особенно выделяются Государственный архив новейшей истории Смоленской области, Государственный архив Смоленской области, Национальный архив Республики Беларусь и Государственный архив Брянской области. Из опубликованных источников автором были изучены сборники нормативных документов, законодательных актов, а также декретов, постановлений, распоряжений, циркуляров. Дополняют использованные источники ряд изданий центральной и местной печати. В целом, можно с уверенностью говорить о репрезентативности источниковой базы исследования Е.Г. Карелина. Особенно обращает на себя внимание массив архивных документов, которые в совокупности позволяют сформировать полное представление о развитии Западного края в 1917–1939 гг.

Автор монографии поставил перед собой четыре основные задачи: изучить процесс «формирования советской системы власти и проведение политики “военного коммунизма”» в 1917–1921 гг., исследовать механизм власти в западном регионе РСФСР при проведении новой экономической политики в 1921–1929 гг., установить взаимозависимость «процессов реорганизации административно-территориального деления, трансформации механизма региональной власти и направлений проводимой политики», выявить механизм «районированной организации власти» Западной области в процессе социалистической модернизации в 1929–1939 гг.

Е.Г. Карелин исходит из того, что в 1917 г. российской государственности и российскому обществу был брошен масштабный вызов. В условиях распада общества и государства, в условиях неспособности демократических партий предложить реальные пути выхода из кризиса только большевистская партия, установив свою диктатуру, смогла мобилизовать массы и ресурсы для борьбы с ним. Угрозе распада, таким образом, были противопоставлены централизация, концентрация, слияние партийной и государственной властей (с. 160). Автор также исходит из того, что «самодержавное имперство» не могло удовлетворить потребности страны в модернизации и, соответственно, «противоречия модернизации» должна

была решить «новая Россия», избравшая тоталитаризм способом их решения (с. 160).

Е.Г. Карелин предлагает новую трактовку тоталитаризма, рассматривая его как «инновационный процесс» в контексте тех модернизационных тенденций, которые охватили европейские страны в XX в., как особенность политической истории СССР. Иными словами, тоталитаризм раскрывается в монографии как советский вариант ответа на проблемы, рожденные мировой войной, наравне с немецким национал-социализмом и итальянским фашизмом, как один из способов адаптации к новой действительности. Тоталитаризм по Е.Г. Карелину – одна из форм «инновационного проекта». В этом случае мы считаем необходимым отметить несколько идеалистическую трактовку тоталитаризма как европеизации особого типа, как способа «исполнения задач исторически необходимого развития» (с. 351).

Е.Г. Карелин подчеркивает радикальный характер партии большевиков, вставшей во главе страны после революций 1917 г. и разразившейся вслед за ними Гражданской войной. Однако он отдает должное большевикам, которые в условиях полного краха старой государственности смогли предложить новую форму ее организации, сделав ставку на Советы. Размышляя о роли партии большевиков и Советов в конструировании новой российской государственности, он подчеркивает их взаимозависимость, полагая, что «Советская власть вне власти большевиков оказывалась несостоятельна» (с. 352). Уже к концу 1918 г. в Западной области произошло срастание советского и партийного аппаратов, что, как считает автор, обеспечило устойчивость властного фундамента. Гибкость и стабильность власти в регионе придавала, по его мнению, «практика создания чрезвычайных органов» (с. 161).

«Теория инновационного тоталитаризма», считает Е.Г. Карелин, раскрывает сущность организации местных властных структур. Ярким примером тому служит создание в 1917–1918 гг. Западной коммуны, а в 1929–1937 гг. – Западной области. Он рассматривает эволюцию регионального механизма власти в Западном крае в том числе как «“технология” реформирования российского социума» (с. 353).

Е.Г. Карелин рассматривает областные объединения как одну из форм централизации власти в раннее советское время. С его точки зрения, централизация управления и концентрация власти на западе России оправдывались сложившейся обстановкой и особенностями географического положения этой территории. Являясь пограничной зоной между Россией и Германией в завершающий период мировой войны и после нее, западный регион испытывал на себе нестабильность создавшегося положения. Формирование здесь областного объединения со столицей в Минске сблизило линию фронта и прилегавшие к ней западные части

территории России, став примером «инновационной модели организации власти», придуманной большевиками (с. 161).

В монографии исследуются трансформации механизма управления Западным краем в эпоху «военного коммунизма», новой экономической политики, индустриализации и коллективизации.

Огосударствление экономики было призвано восполнить пробелы, образовавшиеся в результате разрыва традиционных экономических связей. Для западного региона ключевую роль сыграл созданный после Октябрьской революции местный Совет народного хозяйства, обеспечивавший экономические нужды региона. В административно-территориальном плане автор считает оптимальной областную организацию, поскольку она смогла решить проблемы восстановления государственности и формирования советской системы власти. Она также позволила наиболее эффективно выстроить управление на уездном и волостном уровнях. Областные организации сыграли ключевую роль в восстановлении целостности российской государственности и явили собой, считает автор, реальную возможность федерализации России. Однако областной тип организации был препятствием для усиления роли центра. И вскоре, как показывает автор, в Западной области, как и в других регионах, начался процесс централизации и унификации, в результате которого первостепенное значение вернулось к центру и губернскому делению.

В 1920-е гг. западный регион, как и вся страна, продолжал следовать по пути «тоталитарной модернизации». Регион состоял из Белоруссии и собственно Западного края, различия между которыми особенно явно обозначились в ходе реформы районирования 1920-х гг. Белорусская республика была укрупнена, а ее территория районирована, в то время как Западный край РСФСР районированию не подвергся, отмечает автор. Это способствовало более быстрому экономическому развитию Белоруссии. В нерайонированной же части РСФСР оно замедлилось, а новая экономическая политика была быстро свернута. Также и в политическом плане: Белоруссия смогла более эффективно реализовывать свои «региональные интересы» (с. 265). Реформа районирования, заключает Е.Г. Карелин, стала «условием и формой социалистической модернизации», поскольку позволила отказаться от традиционного губернского-уездного деления и выстроить административно-территориальное устройство страны на основе экономико-географических районов (с. 359).

В 1930-е гг. региональная организация Западной области претерпела изменения, проведенные в жизнь ради эффективного осуществления задач индустриализации. В регионе стал складываться местный механизм сталинского режима. Индустриализация области, отмечает автор, позволила повысить удельный вес промышленности в ней до 61,4 % в 1937 г. (с. 361).

В то же время именно сталинский режим с его важнейшими составляющими – централизацией, унификацией и бюрократизацией – полностью «удушил» российский регионализм, считает Е.Г. Карелин, что, по его мнению, и демонстрирует функционирование механизма власти и управления Западной области в 1930-е гг. (с. 350).

Итак, Е.Г. Карелин в целом оценивает все происходившие в управлении Западным краем изменения как «инновационный процесс». Его успешную реализацию он связывает полностью с механизмом партийно-советской власти и «методологией научного обоснования тоталитарного преобразования всего российского общества» (с. 265).

Работа, в общем, написана в апологетическом ключе по отношению к Советской власти и ее политике в области государственного строительства и территориально-административного устройства. В первые послереволюционные годы чрезвычайные органы обеспечили построение иерархии власти в Западной области. Местные Советы удалось превратить в унифицированную систему власти с собственными съездом, исполнительным комитетом, президиумом и отделами. В целом, удалось достичь управляемости Западной области, отмечает автор (с. 162). Каждую главу монографии он завершает пространными выводами, которые не раз повторяются в заключении, иногда в тех же формулировках.

Книга Е.Г. Карелина интересна, прежде всего, как попытка рассмотреть особенности осуществления политики центральных органов партийно-советского аппарата в одном конкретном регионе, ее преломление на местном уровне. Изменения административно-территориального устройства рассмотрено в контексте создания большевистской диктатуры и режима власти Сталина. Отечественная историография пополнилась интересным, самобытным исследованием, которое займет важное место в изучении такой актуальной для современной исторической науки проблематики, как административно-территориальное деление, политическая история СССР, регионалистика.

Примечания

¹ Шульгина О.В. Основные этапы преобразования административно-территориального деления России в XX веке // Известия Самарского научного центра РАН. 2005. № 1; Тархов С.А. Изменение административно-территориального деления России в XIII – XX вв. М., 2005; Город и деревня в Европейской России: Сто лет перемен. М., 2001; Административно-территориальное устройство России: История и современность. М., 2003.

Shulgina O.V. Osnovnye etapy preobrazovaniya administrativno-territorialnogo deleniya Rossii v XX veke // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. 2005. No. 1; Tarkhov S.A. Izmenenie administrativno-territorialnogo deleniya Rossii v XIII – XX vv. Moscow, 2005; Gorod i derevnya v Evropeyskoy Rossii: Sto let peremen. Moscow, 2001; Administrativno-territorialnoe ustroystvo Rossii. Istoriya i sovremennost. Moscow, 2003.

² Шульгина О.В. Указ. соч. С. 1, 3.

Shulgina O.V. Op. cit. P. 1, 3.

³ Тархов С.А. Указ. соч. С. 66.

Tarkhov S.A. Op. cit. P. 66.

⁴ Горбачев О.В., Колосов Ю.Б., Крашенинников В.В., Лупоядов В.Н., Тришин А.Ф. История Брянского края: XX век. Клинцы, 2003.

Gorbachev O.V., Kolosov Yu.B., Krashennnikov V.V., Lupoyadov V.N., Trishin A.F. Istoriya Bryanskogo kraya: XX vek. Klintsy, 2003.

⁵ Карелин Е.Г. Механизм власти и управления Западного края Советской России в 1917 – 1939 гг. Смоленск, 2008.

Karelin E.G. Mekhanizm vlasti i upravleniya Zapadnogo kraya Sovetskoy Rossii v 1917 – 1939 gg. Smolensk, 2008.

СОДЕРЖАНИЕ, АВТОРЫ, АННОТАЦИИ

Статьи

- Дурновцев В.И.* Время, пространство, события в жизни и творчестве историка: вспоминая В.А. Муравьева 6

Дурновцев Валерий Иванович – докт. ист. наук, профессор кафедры источниковедения Историко-архивного института РГГУ
vdurnovcev@gmail.com.

В контексте развития отечественной историографии во второй половине XX – начале XXI вв. освещается жизненный и творческий путь воспитанника Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ), профессора РГГУ Виктора Александровича Муравьева (1941 – 2009). Главное внимание уделяется обстановке научного творчества в Историко-архивном институте, этапам научного и педагогического роста В.А. Муравьева, анализу его историографического наследия, оценке его вклада в развитие российской исторической науки.

В.А. Муравьев, Московский государственный историко-архивный институт (МГИАИ), Кружок источниковедения, С.О. Шмидт, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), историческая наука, историография, преподавание истории

- Безбородов А.Б.* Из прошлого и настоящего Историко-архивного института: архивоведы и их учебники 33

Безбородов Александр Борисович – докт. ист. наук, профессор, директор Историко-архивного института РГГУ
kirnv@mail.ru

В контексте истории Историко-архивного института с 1930-х гг. до наших дней обобщается опыт написания преподавателями института учебников по теории и методике архивоведения. Главное внимание уделяется творческим коллективам архивоведов разных поколений, их вкладу в развитие отечественного архивоведения и преподавание архивного дела. Содержание учебников и учебных пособий анализируется во взаимосвязи с основными направлениями деятельности отечественных архивных учреждений на разных этапах развития СССР и современной России.

Московский государственный историко-архивный институт (МГИАИ), Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), архивоведение, преподавание архивоведения, кафедра архивоведения, учебник по архивоведению

Пивовар Е.И., Гуцин А.В., Левченков А.С. Интеграция на постсоветском пространстве: новый век – новые горизонты изучения 43

Пивовар Ефим Иосифович – докт. ист. наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор РГГУ

rggu@rggu.ru

Гуцин Александр Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры стран постсоветского зарубежья РГГУ

aguschin78@mail.ru

Левченков Александр Станиславович – канд. ист. наук, доцент кафедры стран постсоветского зарубежья РГГУ

bohem2001@mail.ru

В статье анализируются ведущие тенденции в изучении процессов интеграции и регионализации на постсоветском пространстве в современной российской историографии. Основное внимание уделяется работам, авторы которых стремились определить вектор постсоветской интеграции, дать всесторонний анализ деятельности интеграционных организаций и различных факторов, оказывающих влияние на характер и эффективность их деятельности. Делается вывод, что феномен постсоветской интеграции изучен недостаточно глубоко и комплексно. Эта проблематика представляет собой поле для дальнейшей исследовательской работы и научных дискуссий.

Историография, постсоветское пространство, интеграция, регионализация, Содружество Независимых Государств, Союзное государство России и Беларуси, Евразийский экономический союз, Таможенный союз

Сообщения

Резин И.А. Крестьянская Россия и Вторая русская смута: научный проект «Народ и власть» в отечественной историографии революционных кризисов 56

Ревин Иван Алексеевич – канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой педагогики и образовательных технологий Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасск)
ivarev@mail.ru

В статье рассматриваются основные тенденции изучения крестьянского революционного движения в России на основе материалов научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации». Основное внимание уделяется анализу взглядов историков на причины глобальной дисфункции государственной власти в период смут и революций, особенно во время Второй русской смуты 1917–1921 гг. Рассматриваются также теоретические проблемы изучения социальных кризисов и крестьянского бунтарства в России. Сделан вывод о том, что основные трудности реализации междисциплинарного подхода к изучению этой проблематики вызваны методологическими проблемами.

Историография, проект «Народ и власть», революция, смута, крестьянство, государственная власть, аграрный вопрос, крестьянское бунтарство, Гражданская война в России

Карпенко С.В. Государственность Белого движения:
из истории изучения 67

Карпенко Сергей Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института РГГУ
skarpenk@mail.ru

В статье в контексте российской историографии государственности Белого движения анализируются книги современного историка В.Ж. Цветкова. Отмечается, что книги основаны на большом массиве опубликованных и архивных источников. Показывается, что их содержание представляет собой логичный и детальный анализ создания и эволюции аппарата управления белых военных диктатур во время Гражданской войны. Делается вывод о высоком научном уровне книг В.Ж. Цветкова и его существенном вкладе в изучение истории российской государственности.

В.Ж. Цветков, историография, российская государственность, Гражданская война в России, Белое движение, военная диктатура, аппарат управления

Ланской Г.Н. «Труды Историко-архивного института»
как историографический источник 80

Ланской Григорий Николаевич – докт. ист. наук, профессор кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института РГГУ
gri_lanskoi@list.ru

В статье в контексте изучения самобытности «Трудов Историко-архивного института» как историографического источника анализируется содержание 39-го тома «Трудов Историко-архивного института» (М., 2012). Рассматриваются основные тематические направления последнего и предшествующих томов, показан вклад редакторов «Трудов Историко-архивного института», прежде всего профессора Т.И. Хорхординой, в преумножение их научной ценности на современном этапе. Значительное внимание уделено анализу статей, посвященных важнейшим для Историко-архивного института областям знания, – истории и архивоведению.

Московский государственный историко-архивный институт (МГИАИ), Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета (ИАИ РГГУ), «Труды Историко-архивного института», Т.И. Хорхордина, историческая наука, архивоведение, историография, историографический источник

Историческая наука в ε-измерении

Тихонов В.В. Российская историческая наука
и индексы научного цитирования 89

Тихонов Виталий Витальевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института РГГУ
tihonovvitaliy@list.ru

В статье рассматривается отражение состояния российской исторической науки в индексах научного цитирования. Особое

внимание уделено анализу работы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Выявляются особенности отражения достижений историков-профессионалов в РИНЦ, показываются причины, по которым специалисты в разных исторических областях имеют различный рейтинг. Делается вывод, что, несмотря на ряд недоработок и специфику гуманитарного знания, индекс научного цитирования является важным инструментом оценки научной работы.

Библиографическая база данных, индекс цитирования, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), наукометрия, историческая наука, публикационная активность

У книжной полки

Каиль М.В. Святость в православии XX в.: персонификация и канонизационная практика православных церквей 107

Каиль Максим Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Смоленского государственного университета
mvkail@mail.ru

В статье в контексте современных тенденций развития историографии истории Русской православной церкви XX в. анализируется монография И.В. Семененко-Басина «Святость в русской православной культуре XX века: История персонификации» (М., 2010). Показывается, что в этом оригинальном исследовании проблема святости и формирования каноничных образов святых представлена в свете явлений и событий внутрицерковной, общественно-политической жизни. Канонизационная практика (каждый отдельный заметный акт прославления) получает научную трактовку.

И.В. Семененко-Басин, историография, Русская православная церковь, канонизационная практика, образ святости, агиография, православная культура

Сазонова Т.К. Из истории изучения административно-территориального деления Советской России 116

Сазонова Татьяна Константиновна – младший научный сотрудник Отдела истории ИНИОН РАН
tans1404@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты современной отечественной историографии административно-территориального устройства Советской России. Главное внимание уделяется анализу книги Е.Г. Карелина «Механизм власти и управления Западного края Советской России в 1917 – 1939 гг.» (Смоленск, 2008). Показывается, как исследователь впервые проанализировал становление, трансформацию и функционирование механизма региональной власти в Западном крае России во взаимосвязи с его административно-территориальным устройством. Делается вывод, что книга написана в апологетическом ключе по отношению к политике Советской власти в области государственного строительства и территориально-административного устройства.

Е.Г. Карелин, историография, Советская Россия, административно-территориальное деление, Западный край, Советская власть, аппарат управления, регионалистика

CONTENTS, AUTHORS, ABSTRACTS

Articles

- V. Durnovtsev** Time, Space and Events in the Life and Work of
a Historian: Reminiscences about V.A. Muravyev 6

Valery I. Durnovtsev – Doctor of History, Professor, Department
of Source Studies, Institute for History and Archives of RSUH
vdurnovcev@gmail.com

The article covers the life and professional activities of professor Victor Alexandrovich Muravyev (1941 – 2009), a graduate of Moscow State Institute for History and Archives (MSIHA) in connection with the Russian historiography of the XX – early XXI centuries. It highlights the creative atmosphere of scholarly research at Moscow State Institute for History and Archives, different stages of V.A. Muravyev's research and academic career, the analysis of his historiographic heritage and the assessment of his contribution to the development of Russian historical science.

V.A. Muravyev, Moscow State Institute for History and Archives (MSIHA), Source studies circle, S.O. Shmidt, Russian State University for the Humanities (RSUH), historical science, historiography, instruction in history

- A. Bezborodov** From the Past and Present of Moscow State Institute
for History and Archives: Archivists and Their Textbooks 33

Alexander B. Bezborodov – Doctor of History, Professor, Director
of Institute for History and Archives of RSUH
kirnv@mail.ru

Following the history of the Moscow State Institute for History and Archives from the 1930s to the present day the article sums up the practice of writing textbooks in the theory and methodology of archival studies by the institute's academics. The main attention is paid to the research groups of archivists of different generations, their contribution to the development of Russian archives studies and instruction in archival science. The contents of the textbooks and manuals are analyzed in connection with main lines of activity of archival institutions at different stages of the development of the USSR and contemporary Russia.

Moscow State Institute for History and Archives (MSIHA), Russian State University for the Humanities (RSUH), archival science, archival education, Department of archival studies, a textbook in archivistics

E. Pivovar, A. Gushchin, A. Levchenkov Integration in Post-Soviet Space: New Age – New Horizons for Research 43

Efim I. Pivovar – Doctor of History, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Rector of RSUH

rggu@rggu.ru

Alexander V. Gushchin – Candidate of History, Senior Lecturer, Department of Post-Soviet States, RSUH

aguschin72@mail.ru

Alexander S. Levchenkov – Candidate of History, Senior Lecturer, Department of Post-Soviet States, RSUH

bohem2001@mail.ru

The article analyses the main approaches in the study of integration and regionalization processes in the post-Soviet space in the beginning of the XXI century in contemporary Russian historiography. The focus is on researches that define the general direction of post-Soviet integration and give a comprehensive analysis of the integration organizations and various factors that influence the nature and efficiency of the activities of these associations. It is concluded that the phenomenon of post-Soviet integration has not been studied comprehensively and thoroughly enough. This subject is a field for further research and discussion to create common criteria and terminology.

Historiography, Post-Soviet space, integration, regionalization, Commonwealth of Independent States (CIS), Union State of Russia and Belarus, Eurasian Economic Union, Customs Union

Comments

I. Revin Peasant Russia and the Second Russian Smuta: Research Project “People and Power” in the National Historiography of Revolutionary Crises 56

Ivan A. Revin – Candidate of History, Senior Lecturer, Head of Department of Pedagogy and Educational Technologies, South-Russian State Technical University (Novocherkassk)

ivarev@mail.ru

The article examines the main trends in the study of peasant revolutionary movement in Russia on the basis of the research project “People and Power: The History of Russia and Its Falsification”. It focuses on the analysis of historians’ views on the causes of global malfunction of the government during periods of unrest and revolutions, especially during the Second Russian Smuta of 1917 – 1921. The author considers some theoretical problems in the study of social crises and peasant rebellion in Russia. It is concluded that the main challenges in applying an interdisciplinary approach to the study of these problems are caused by methodological problems.

Historiography, research project “People and Power”, revolution, smuta (unrest), peasantry, state power, agrarian question, peasant rebellion, Russian Civil War

S. Karpenko The White Movement Statehood:
From the History of Research 67

Sergey V. Karpenko – Candidate of History, Senior Lecturer,
Department of Contemporary History of Russia, Institute for History
and Archives of RSUH
skarpenk@mail.ru

The article analyzes the books by modern historian V.Zh. Tsvetkov in the context of the Russian historiography of the White movement statehood. It is noted that the books are based on a large array of published and archival sources. It is shown that their content is a logical and detailed analysis of the creation and evolution of the White military dictatorships’ administrative apparatus during the Russian Civil war. The author makes a conclusion about a high scientific level of the books by V.Zh. Tsvetkov and his substantial contribution to the study of the history of Russian statehood.

V.Zh. Tsvetkov, historiography, Russian statehood, Russian Civil War, White Movement, military dictatorship, administrative apparatus

G. Lanskoj “Studies of Institute for History
and Archives” as a Historiographical Source 80

Grigory N. Lanskoj – Doctor of History, Professor, Department of Contemporary History of Russia, Institute for History and Archives of RSUH
gri_lanskoi@list.ru

The article analyses the content of 39-th volume of “Studies of Institute for History and Archives” (Moscow, 2012) in a bid to specify the identity and original character of this historiographical source. The author examines the main thematic areas of its volumes, shows the contribution made by their editors, particularly by professor T.I. Khorkhordina, to raise their scientific value at the contemporary stage. Special attention is paid to the analysis of articles devoted to the most important spheres of knowledge for the Institute for History and Archives, i.e. history and archival science.

Moscow State Institute for History and Archives (MSIHA), Institute for History and Archives of Russian State University for the Humanities (IHA RSUH), “Studies of the Institute for History and Archives”, T.I. Khorkhordina, historical science, archival science, historiography, historiographical source

Historical Science in the e-Dimension

V. Tikhonov Russian Historical Science
and Science Citation Indexes 89

Vitaly V. Tikhonov – Candidate of History; Senior Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; Senior Lecturer, Department of Source Studies, Institute for History and Archives of RSUH
tikhonovvitaliy@list.ru

The article examines the state of Russian historical science in terms of science citation indexes. Special attention is paid to the analysis of the operation of Russian science citation index (RSCI). The author reveals some peculiarities about the reflection of the achievements of professional historians in Russian scientific citation index and shows the reasons why professionals in different historical fields have different rankings. It concludes that, despite a number of shortcomings and specificities of the

Humanities, science citation index is an important tool in the evaluation of scientific work.

Bibliographic database, citation index, Russian science citation index (RSCI), scientometrics, historical science, publication activity

Book Reviews

M. Kail Sanctity in Orthodoxy of the XX Century:
Personification and Canonization Practice
of the Russian Orthodox Churches 107

Maxim V. Kail – Candidate of History, Senior Lecturer, Department
of History of Russia, Smolensk State University
mvkail@mail.ru

In the context of current trends in the development of historiography of the Russian Orthodox Church history in the XX century the author analyses I.V. Semenenko-Basin’s monograph “Sanctity in the Russian orthodox culture of the XX century: Personification history” (Moscow, 2010). It is shown that in this original research the problem of sanctity and formation of canonized images of saints is presented through the phenomena and events of the Church’s inner political life. Canonization practice (each separate noticeable act of glorification) receives scientific treatment.

I.V. Semenenko-Basin, historiography, Russian Orthodox Church, canonization practice, image of sanctity, hagiography, Orthodox culture

T. Sazonova From the History of Studying the
Administrative-Territorial Division of the Soviet Russia 116

Tatiana K. Sazonova – Junior Research Associate, History
Department, Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences
tans1404@mail.ru

The article examines some aspects of contemporary Russian historiography of the administrative-territorial system of Soviet Russia. Main focus is made on the analysis of E.G. Karelin’s book “The

mechanism of power and management of Soviet Russia's Western krai in 1917 – 1939" (Smolensk, 2008). It is shown that the author was the first to analyze the formation, transformation and functioning of the mechanism of regional power in Russia's Western krai (region) in correlation with its administrative-territorial structure. In conclusion it is stated that the book is apologetic of the policy of the Soviet power in the area of state-building and territorial-administrative system.

E.G. Karelin, historiography, Soviet Russia, administrative-territorial division, Western krai (region), Soviet power, administrative apparatus, regional studies

Научное издание

НОВЫЙ исторический вестник

Компьютерная верстка С.А. Каштановой

Лицензия ИД № 00843 от 25.01.2000
Свидетельство о регистрации СМИ № 77-7347
от 19 февраля 2001 г.
Подписано в печать 17.06.2013
Формат 60x90/16
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,5
Тираж 1500 экз.

Издательство Ипполитова
117513, Москва, Ленинский пр-т, д. 135, корп. 2
Телефон (495) 970-72-63
E-mail nivestnik@yandex.ru
Сайт www.nivestnik.ru